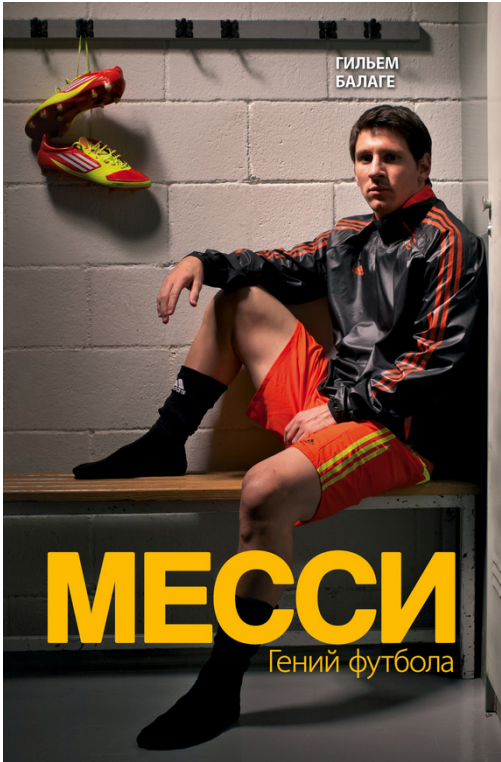

Гильем Балаге
Месси. Гений футбола
Серия «Иконы спорта»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9748185
Балаге, Гильем. Месси. Гений футбола: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78710-4*

Аннотация

В этом издании известный спортивный журналист Гильем Балаге приводит полный и тонкий анализ «феномена Месси», обращаясь к его ближнему кругу – тренерам, коллегам, друзьям, семье. Какими качествами нужно обладать, чтобы стать «золотым мальчиком футбола»? Чем нужно пожертвовать, чтобы добиться такого успеха? Как достичь вершин, но остаться обычным человеком? Несмотря на многочисленные преграды и проблемы со здоровьем, Месси осуществил свою мечту, занимаясь любимым делом и работая над собой, – и его история по-настоящему вдохновляет.

Содержание

Предисловие Алехандро Сабельи	5
Вступление	8
Где Лео?	8
Часть первая	21
Глава 1	21
Глава 2	45
Акт первый	45
Сцена первая	45
Сцена вторая	49
Сцена третья	57
Акт второй	60
Сцена первая	60
Сцена вторая	62
Сцена третья	66
Сцена четвертая	67
Сцена пятая	70
Сцена шестая	72
Глава 3	74
Часть вторая	85
Глава 1	85
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Гильем Балаге

Месси. Гений футбола

Messi by Guillem Balague

© Guillem Balague 2013. First published by Orion, London

© Степанова Л., перевод, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Предисловие Алехандро Сабельи

Я был назначен тренером национальной сборной после розыгрыша в Аргентине Кубка Америки. Команда была расформирована, несмотря на то, что не проиграла ни одной встречи: дважды сделала нулевой счет и победила Коста-Рику в третьем туре, затем сразилась вничью с Уругваем в четвертьфинале и лишь потом потерпела фиаско на одиннадцатиметровых ударах. Когда команда, в которую входят игроки такого уровня, выступает на подобных турнирах, любой сочетет провалом ситуацию, когда они не становятся чемпионами. Даже в том случае, когда у них нет ни одного проигрыша.

Естественно, когда начинается очередной этап развития и приглашен новый тренер, игроки ощущают прилив надежды. Все мы были очень расстроены тем, что не смогли достичь на Кубке Америки определенных высот. Я понимал довольно противоречивые чувства игроков: несмотря на разочарование, у нас было достаточно сил, чтобы двигаться вперед со вновь обретенным оптимизмом.

Впервые я поговорил с Лео в Барселоне. Это было в 2011 году, вскоре после моего назначения тренером сборной. Я собирался лично познакомиться со всеми игроками, которые играли в европейских командах. Сначала я отправился в Португалию, затем – в Испанию. Я не был лично знаком с Лео, но хотел пообщаться с ним и с Хавьером Маскерано, с которым уже встречался раньше – он был капитаном команды. Я намеревался предложить Лео стать капитаном национальной сборной. Главная цель моей поездки заключалась в том, чтобы познакомиться с игроками, особенно с теми, кого я не знал, в частности, с Лео, но для меня также весьма значимым оставался вопрос о капитане команды. Я считал, что всем спортсменам жизненно важно признать в Лео лидера команды, который будет в этом качестве вести игру в привычной для него манере.

Мы встретились втроем, а затем я отправился в Италию, чтобы в это время они могли обсудить между собой все вопросы и дать мне согласованный ответ. По-моему, именно Хавьер позвонил мне, чтобы сказать, что Лео согласен быть капитаном.

После той первой встречи мы встретились в Индии, на одной из первых игр национальной сборной – товарищеском матче против Венесуэлы, а позже – в Бангладеш против Нигерии. Но если какой-нибудь матч и мог стать символическим началом новой эры сборной, то это, безусловно, была игра против Колумбии в южноамериканских отборочных встречах Бразильского чемпионата мира 2014 года. В Барранкилье у нас был трудный момент, но, к счастью, парни смогли переломить ход матча, который проходил при удушающей жаре. Мы проигрывали 1:0 после того, как Дорлан Пабон забил нам гол с подачи Маскерано, но Месси сравнял счет прежде, чем Агуэро почти в конце довел игру до 2:1.

Я часто говорю, что в футболе все определяют игры, дающие толчок, требующийся для движения в новом направлении. Я думаю, что эта игра была именно таким стартом, потому что после нее мы начали создавать сплоченную команду, а когда игроки становятся единым целым, появляются результаты. Если футболисты с удовольствием играют вместе, они достигают гораздо большего. Это самый лучший способ и, полагаю, единственный путь преодолеть имеющиеся слабости.

Меня спрашивают, создал ли тот матч не только национальную сборную, но и самого Лео, поскольку именно после той игры в Аргентине его начали воспринимать совершенно по-другому. Да, я думаю, тот матч изменил многое, но был в судьбе сборной и Лео и другой важный момент – 29 февраля – день, когда мы играли со Швейцарией. Это было замечательное зрелище: в тот день Лео сделал хет-трик. Этот прием удавался ему в «Барселоне» неоднократно, но впервые получилось забить три мяча в футболке цветов своей страны – Аргентины. В тот год он забил еще раз три гола в матче с Бразилией, но игра против Колумбии

была полезна не только с точки зрения футбольного мастерства и тренерских возможностей, она реально вселила в нас уверенность, которой нам так не хватало.

Могу сказать, что Лео – очень спокойный человек. Он прирожденный лидер благодаря своим невероятным способностям и великому таланту, при этом, что еще важнее, его первенство признают все остальные. Мне всегда хотелось обеспечить всем футболистам свободу, в том числе и Лео. В жизни они подвергаются довольно мощному прессингу, и я старался сделать так, чтобы они могли хотя бы в команде чувствовать себя естественно. Звание капитана накладывает огромную ответственность, но Лео знает об этом и принимает ее – этот статус помог ему повзрослеть. Лидерская позиция Лео весьма благотворно сказывается и на его товарищах по команде.

Его разговоры с товарищами по команде и личные беседы, разумеется, остаются за кадром, но я могу сказать, что внутри группы царит радостная и спокойная атмосфера, в отличие от окружающей нас действительности. Создание такой атмосферы – крайне важно.

Необходимо очень многое, чтобы Месси мог показать, на что он способен. Лео должен чувствовать себя достаточно комфортно и, прежде всего, ощущать свободу. Ему необходима достаточная гибкость в действиях, чтобы он мог точно знать, что можно делать все необходимое в каждый конкретный момент. Так что, по правде говоря, я обсуждал с ним только минимум – лишь то, что было абсолютно необходимым. Я не хотел оказывать на него дополнительное давление, потому что футболисты и без того понимают важность игр и своего личного вклада в победу.

Когда вы говорите о Месси, следует упомянуть о развитии его таланта, потому что в спорте важно не только добиться успеха, но и закрепиться на вершине. Получение одного за другим четырех «Золотых мячей» является признаком большого успеха. Очевидно, что завоевание этой награды единожды – достаточно трудное дело, но способность заслужить этот приз четыре раза – доказательство того, насколько сильно улучшилось мастерство игрока. В течение последних нескольких лет он стал первоклассным футболистом и наработал невероятное мастерство, что делает его поистине выдающимся игроком. Уровень достигнутого им мастерства трудно поддерживать, не говоря о том, чтобы поднять его, но так или иначе Месси это удается.

Я уверен, что этому феноменальному успеху способствовало получение звания капитана сборной Аргентины: Месси было необходимо заставить всех вокруг убедиться в том, что он растет как человек и как игрок.

2012 год был очень успешным для Лео в национальной сборной – это явилось результатом обретенной им зрелости, ведь он стал старше. Что вы делаете, когда вам говорят, что футболист достиг пика своих возможностей? Оставляете его, позволяя действовать согласно своим планам и представлениям? С моей точки зрения, важно продолжать обучение и развитие. Ни один игрок никогда не будет слишком хорош, чтобы оставить его без конструктивных советов и руководства.

Чтобы понять невероятные достоинства Месси как игрока, вам следует просто посмотреть стартовую игру 2013/14 сезона против «Леванте», которую «Барселона» выиграла со счетом 7:0. Когда Лео намерен отобрать мяч, он делает это решительно и уверенно, и в результате всегда достигает своей цели, что и было продемонстрировано в той игре: Месси отобрал мяч и забил третий гол. Я видел, что он забил гол головой так, как будто для него это совершенно естественно. Лео – один из тех экстраординарных игроков, которые в трудных обстоятельствах становятся только совершеннее.

В «Барселоне» было решено, что Лео играет в центре, мы в сборной повторили это просто потому, что позиция срабатывала хорошо. В этой зоне Лео получает больше мячей, а чем больше он их получает, тем лучше для всех остальных. Поскольку Лео зрелый, уверенный и умный игрок, он не позволяет увести себя в сторону от решения поистине важных

вопросов. Игуаин и Агуэро открывают ему поле, а Ди Мария действует на флангах, теперь Лео, находясь в центре, может решить со своего места, как повести игру. Ясно, что с такими партнерами их общая игра становится более мощной.

Чтобы все сработало так, как задумано, я прошу всех игроков сделать еще одно дополнительное усилие, чтобы вернуть мяч назад, помочь тем, кто находится сзади, и еще немного пожертвовать собой. Лео должен защитить их, где бы он ни находился во время игры – в пределах доступных ему возможностей. Никто не просит, чтобы он совершал чудеса, главное то, что делают с мячом Лео и другие члены команды. Именно здесь его работа приносит свои плоды.

Обычно лучшие спортсмены мира выступают в лучших командах мира, именно они участвуют в большинстве матчей, и их игровой сезон длится дольше. Естественно, это выделяет их из всех прочих футболистов. Важно, чтобы они дошли до своего пика на чемпионате мира. Некоторые спортсмены достигают этой точки, другие – нет. Даже если у вас есть команда, которая играет хорошо, выглядит единым целым и похожа на настоящую, – именно это наша сборная показала на товарищеской встрече против Италии 14 августа 2013 года, – надо помнить, что ни одна команда, в которой играет Месси, никогда не будет такой же без него. Мы должны постараться избавиться от представления, что невозможно достичь победы без Месси. Такое понимание серьезно влияет на боевой дух команды, поэтому в тот день, несмотря на отсутствие Лео, мы сыграли отлично. Никто не сомневался, что мы можем выжить и без него, но при этом он незаменим. И в том, что я говорю, нет никакого противоречия.

Месси – наш символ, наш знаменосец. Это невероятный игрок, который играет в невероятной команде. Возможно, он самый великий игрок в истории футбола.

Вступление

Где Лео?

Этот вопрос задавал каждый, кто заглядывал в класс средней школы Хуана Мантовани, где учился Лео. Школа расположена неподалеку от его дома в южном районе Лас-Эрас аргентинского города Росарио.

Лео пропустил неделю занятий, а раньше, за исключением недолгой болезни, с ним такого никогда не случалось. Его парта пустовала, а в свободное время, когда кто-то начинал игру, ситуация выглядела еще непонятнее. В школе Хуана Мантовани не было футбольного поля, и на небольшой узкой площадке всегда было полно мальчишек. Это тесное пространство и так не очень настраивало на футбол, а уж без Лео игра и вовсе не шла.

Его никто не видел уже несколько дней.

Шел сентябрь, до начала учебного года оставалось три месяца – в Аргентине он начинается в декабре. В это время проходили экзамены, а Лео не было. Кто-то спросил у его знакомых, не собирается ли он сдавать экзамены в другое время или, возможно, его взяли на работу на этот период.

Нет, извините.

Может, сегодня он был?

Его товарищи по команде «Ньюэллс Олд Бойз» (Newell's Old Boys) (NOB) – футбольного клуба Росарио, в котором Лео играл во втором составе, – задавались тем же вопросом. Он пропустил уже несколько тренировок в спортивном центре Мальвинас и не пришел на матч в выходные.

«Гепатит, – сказал кто-то в клубе. – У него гепатит».

А что, очень может быть. Никто точно не знал, что это такое, но название ужасало – казалось, если вы подхватите эту болезнь, то никогда уже не сможете играть в футбол. «Да, у Маэстро гепатит». Вполне возможно.

Маэстро. В прежние времена, в начальной школе, Месси звали «Коротышка» (Эль Пики), но для ровесников в команде он был именно Маэстро (других звали Кларк Кент, Галициец, Борзая, Кореец: в аргентинском футболе никого не называли настоящими именами и фамилиям). Даже список команды составляли таким образом: имя, дата рождения, рост и прозвище – Мышонок, Битум, Коротышка ...

Куда же Маэстро отправился?

Адриан Кория, главный тренер футбольной команды, куда входил и Лео, приглядывал за этой разношерстной компанией, но и он не знал, куда делся его подопечный. Странно исчезать в сентябре, а еще более странно, что с пропажей Месси у тренера появилась проблема: победить без Лео было намного сложнее. Кто-то позвонил Кике Домигесу – бывшему тренеру: «Представления не имею, где он сейчас может быть». Однако тренер предположил, что могло что-то произойти: Лео всегда был надежным парнем, но когда он в прошлом году отправился на просмотр в «Ривер Плейт» (футбольный клуб в Буэнос-Айресе), то тоже ничего никому не сказал. Может быть, его наконец-то взяли в «Ривер Плейт»? Кто-то напомнил, что у Лео может быть гепатит.

За несколько дней до этих событий в доме Месси зазвонил телефон. «Приезжайте быстрее и привозите мальчика». Они так долго ждали этого дня, а теперь вдруг все завертелось так быстро: им нужно было срочно подготовиться к поездке в Европу.

В «Ньюэллсе» ничего не было известно. Ни тренер, ни технический директор, никто из игроков в клубе не знали, что происходит. Ни Лео, ни его отец Хорхе, который всегда

заботился о карьере сына, решили никому ничего не говорить, и это было нетрудно: оба были очень осторожны и одинаково скрытны – одного поля ягоды.

Городская газета Росарио *La Capital* посвятила мальчику целую полосу – первую! Это было 3 сентября 2000 года. Под заголовком «Исключительный маленький Прокаженный» (так называли игроков его клуба, сыгравшего в 1920-х годах благотворительный матч для клиники прокаженных) снимок улыбающегося Лео – голова наклонена, одет в майку со знаком «NOB». Он всегда будет «Прокаженным» – преданным сторонником клуба «Нью-эллс», который был для него в юности всем – клубом, в котором он в составе своей юношеской команды не так давно завоевал титул чемпиона, что было предметом особой гордости. Тихим голосом (было трудно заставить мальчика улыбаться на камеру) чемпион поделился с журналистом некоторыми своими мечтами. Он хотел быть учителем физкультуры и, естественно, играть в первом дивизионе.

А еще войти в аргентинскую национальную молодежную сборную. До этого было еще далеко, конечно, но у него была мечта – стать членом национальной сборной. Он любил курятину. Его любимая книга? Нуууу... Библия. Первое, что пришло ему на ум. Он не из тех, кто любит читать книги. Если бы он не был футболистом, какой другой вид спорта он бы выбрал? Я должен отвечать на этот вопрос? Не знаю, возможно, гандбол. Ах, да, он видел себя учителем физкультуры – единственный урок в школе, который ему нравился. Он вполне мог бы стать физруком.

Интервью было напечатано в приложении к газете, посвященном «красно-черным» (цвета маек клуба «NOB»). Текст заметки начинался со слов: «Лионель Месси – игрок десятого дивизиона – нападающий команды. Еще мальчиком он был одним из самых перспективных в Leprosa Academy игроков, перед которым открывалось потрясающее будущее. Несмотря на свой маленький рост, Лео удастся обойти игроков одного за другим, протекая между противниками, как капля, и увеличивая счет, но самое главное, что в этот момент он наслаждается игрой». В 1997 году Лео не стал звездой обложки этого приложения. Эту честь предоставили Клаудио Парису из основного состава, который несколькими днями ранее принял решение остаться в клубе.

Черно-белая копия статьи пересекла Атлантику.

Хорхе, Лео и друг семьи, который поехал с ними в аэропорт Эзейза, обсуждали эту статью по пути из Росарио в Буэнос-Айрес. Они добирались туда три с лишним часа – дорога показалась длиннее, чем была на самом деле, потому что была скучной, прямой, с одними дорожными знаками и бесконечными просторами. Лео, сидя на заднем сиденье, смотрел в окно.

Это было 17 сентября 2000 года. Воскресенье.

Из Эзейзы, сообщив об отъезде только самым близким и директору школы, они отправились в Барселону: в дороге им предстояло провести 24 часа.

«Первая поездка прошла отлично, потому что это было совершенно новое переживание. Я никогда прежде не летал на самолете, никогда не совершал столь долгих путешествий, и я наслаждался всем этим до тех пор, пока самолет не начал тихо двигаться...» (Лео Месси в интервью *Revista Barça*).

Память может сыграть с нами злую шутку: в полете их несколько раз застала турбулентность. Когда подали обед, Лео не смог есть – он спал, вытянувшись на трех креслах сразу в своих коротких брюках на тощих ножках. Его тошнило, болел живот. Он спал урывками и чувствовал себя совершенно отвратительно.

Несколько лет спустя он достаточно часто ощущал подобную тошноту перед тем, как выбежать на поле, поэтому порой спрашивал себя, было ли то болезненное ощущение, испытанное во время первого полета, действительно вызвано турбулентностью.

Компания прибыла в Барселону в полдень понедельника, 18 сентября, через семь месяцев после того, как было записано домашнее видео, где одни увидели в Месси нового Марадону, а другие – близкие – разглядели подлинный талант, который должен был помочь ему стать отличным футболистом, если все пойдет по намеченному плану.

Кто-то принес Месси килограмм апельсинов, чтобы он занимался с ними в течение недели. Семь дней спустя была сделана запись, на которой он делал 113 ударов по апельсину и 140 ударов по футбольному мячу, не позволяя им коснуться пола.

Рядом лежал теннисный мячик. «Дайте его Лео» – двадцать девять ударов подряд. Попробуйте сами и посмотрите, сможете ли сделать хотя бы три. Правда, у Лео было преимущество – он каждый день тренировался с мячом с утра до вечера. Во время игр, между ними, дома, на школьном дворе. Каждый божий день.

Восемь лет спустя MasterCard выпустила рекламу, используя некоторые из этих записей – вы можете посмотреть ее на YouTube.

С февраля, когда было записано это видео, члены семьи Месси спрашивали себя: «Когда мы поедem? Куда мы поедem? А мы поедem?»

Это стало темой ежедневных обсуждений, проходивших с волнением и неуверенностью.

На этом видео Лео был в майке клуба «Ньюэллс» и выполнял похожие на слалом пробеги и ведение мяча. Эти пленки оказались на столе Хосепа Марии Мингелы – известного агента многих игроков, имеющего серьезное влияние в Барселоне. Он также был членом каталонского клуба. Поначалу Мингеля не был особенно уверен в успехе – возраст мальчика и проживание его на другом континенте вызывали сомнения, которые разделял не он один. Тем не менее несколько месяцев спустя, отчасти убежденный впечатляющими техническими навыками Лео, продемонстрированными на записи, а отчасти под напором настоячивых коллег, поверивших в яркое будущее мальчика, он решил поддержать Месси и убедил «Барселону» позволить мальчику принять участие в испытательной игре.

Незадолго до этого «Реал Мадрид» тоже активизировался, пытаясь заключить с Месси контракт.

Из своего офиса Мингеля позвонил в Аргентину и предложил семейству Месси как можно быстрее собирать вещи и приезжать в Барселону. «Привозите мальчика». Лео должен был впервые лететь на самолете и пересечь Атлантику.

В конце лета из самолета на землю Барселоны ступил 13-летний аргентинский мальчик с чемоданом, гениальными ногами и мечтой об успехе. Он приехал бороться за место под солнцем в знаменитом футбольном клубе очень далеко от дома.

Те, кто видел его впервые – такого маленького, думали, что «Барселона» совершила ужасную ошибку. Столько усилий... и ради чего? Как кто-то столь маленького роста может стать хорошим футболистом?!

«Я стал поклонником «Барселоны» во времена Роналдо, а вскоре после этого появилась возможность сюда приехать. По правде говоря, я тогда очень волновался и стремился в клуб, чтобы увидеть все своими глазами, потому что до этого я слабо представлял себе реальную картину. Но попав в «Барселону», я еще не знал, насколько трудно мне придется» (Лео в интервью *Revista Barça*).

В тот день в Барселону прибыл не Лионель Месси, а просто взволнованный ребенок.

В песне Дэйва Садбери «Король Рима» говорится, что когда вы живете на свалке вроде Уэст-Энда в Дерби, вам не удастся воплотить свои мечты в жизнь. «Я знаю это» – говорит кто-то, кто хочет бросить вызов судьбе. «Человек может ползать, а может научиться летать / И когда вы живете так / земля кажется ужасно близкой».

В Росарио в 2000 году было как никогда трудно научиться летать. Клуб «Ньюэллс» отказал семье Месси в помощи – для увеличения роста Лео нужны были инъекции гормонов, которые стоили дорого. Если бы клуб заплатил, юный гений никогда бы не уехал из Аргентины.

До сих пор никто не слышал о спортсмене, пересекшем Атлантику в столь юном возрасте в поисках футбольного счастья: никогда еще 13-летние парнишки не уезжали из Аргентины, а европейские клубы не имели привычки заключать контракт с иностранными игроками такого нежного возраста. Ни у кого и никогда не было такой возможности, поэтому в Лас-Эрас никто не имел ни малейшего представления о том, что происходит. У Лео гепатит? Да? Может быть...

Мингелье сказали, что если «Барселона» готова оплатить стоимость дорогого лечения гормонами роста и предоставить работу отцу, то это будет достаточным условием для передачи им мальчика и Лео может приехать. Были звонки в «Реал Мадрид» и «Атлетико Мадрид», но они не сказали ничего конкретного. Если в «Барсе» проявят интерес, лучше быть с «Барсой» – это было единодушное мнение всех тех, кто занимался организацией перехода Лео в клуб.

Хосеп Мария Мингелья: Многие из тех, кто участвовал в организации этого контракта, не привыкли заключать договоры с такими молодыми игроками. Например, я начал переговоры с Пепом Гвардиолой, когда ему было 20 лет, таким образом, я стал его первым агентом в то время, когда он уже входил в основной состав. В то время еще не был разработан механизм работы с игроками 12, 13 и 14 лет, который сегодня четко отработан. Когда знакомые в Аргентине заговорили о необычном мальчике, моей первой реакцией было недоумение: право, что мы будем делать с мальчиком этого возраста? Поначалу у меня возникли определенные сомнения относительно Лео, но, в конце концов, я начал относиться к нему более серьезно. Я посмотрел запись, где он берет мяч фактически из собственных ворот и ведет его, обходя чуть ли не тысячу человек – да... он поразил меня, как никто другой. Несколько месяцев спустя я поговорил с президентом «Барселоны» Жоаном Гаспаром, спортивным директором Антоном Парерой, а также с техническим директором и советником президента Карлесом Решаком.

Карлес Решак: Однажды мы Мингельей играли в теннис, и он сказал, что знает одного мальчика – настоящее чудо... что-то вроде Марадоны. Но я много раз слышал нечто подобное, чудес не бывает. Позже Мингелья сообщил, что парень живет в Аргентине. Я подумал, что мальчику, наверно, восемнадцать или девятнадцать лет, но, когда Мингелья признался, что тому – 13, я заявил: «Ты с ума сошел, что ли? Неужели ты думаешь, что я в это влезу... Да ни за что».

Хоаким Рифе: В то время я был директором Академии в «Барселоне», и именно мне, в конечном счете, предложили мальчика. Карлес Решак был техническим директором клуба и, естественно, больше внимания уделял основному составу. Карлес Решак был хорошим другом Хосепа Марии Мингельи, который представил парня футбольному клубу «Барселона» – таким образом, именно он выслушал все, что тот считал необходимым рассказать о нем.

Карлес Решак: Это определенная процедура. Если мне говорят, что, например, в Сарагосе есть необыкновенно талантливый ребенок, я выясняю, кто он, где играет и куда я должен пойти, чтобы посмотреть на него. Затем я посылаю двух или трех человек, чтобы собрать о спортсмене информацию, и затем, если один из них говорит «да», а другой – «нет», я еду смотреть сам, и мой голос оказывается решающим. Позже возникает необходимость найти ему место в команде и решить множество других вопросов. Бывает другой сценарий: бывший игрок «Барселоны», скажем, Ривалдо, сообщает, что в Бразилии есть двенадцати- или тринадцатилетний мальчик, просто фантастический футболист. Я сразу же беру его слова на заметку: когда кто-то уровня Ривалдо говорит вам нечто подобное, это стоит

принять во внимание. Если то же самое я услышу от простого знакомого, то не буду спешить с выводами. Однако даже если Ривалдо предложит поехать и посмотреть на юного гения, то я откажусь. Если он такой маленький и находится так далеко, пусть приезжает ко мне сам: мы вместе с тренерами Академии в течение пятнадцати дней понаблюдаем за ним, и если в течение первых нескольких дней он будет немного возбужден, ему придется справиться с собой. Представьте себе, что мы отправляемся в Аргентину или туда, где живет этот парень, а он в это время болеет или не может играть по какой-то другой причине. Он должен быть невероятно хорош, чтобы мы нарушили все устоявшиеся правила и нормы.

Хосеп Мария Мингелья: Родители с мальчиком все равно собирались уехать из Аргентины. Если бы им не удалось закрепиться в «Барселоне», то они стали бы пробовать попасть в другие клубы. Я сказал Карлесу, что мальчик должен пройти курс лечения, за который в его стране клубы не хотели платить, и что «Барселона» должна будет взять на себя эти расходы.

Карлес Решак: Мингелья, которому я очень доверяю, сказал мне: есть парень, про которого говорят, что он – настоящий феномен. Что будем делать? После того, как Мингелья получил видео, на котором Лео демонстрировал владение мячом, прошло несколько месяцев. Было много раздумий: не знаю, он живет слишком далеко, он слишком молод – мы не могли принять решение... Это были месяцы неуверенности для семьи Месси: они недоумевали, что произошло с записью, интересен ли еще Лео, почему никто не выходит на контакт?

Карлес Решак: В результате я сказал Мингелье, что не готов отправиться в путь только для того, чтобы посмотреть на мальчика двенадцати лет... Если бы ему было хотя бы восемнадцать или двадцать... Так или иначе, именно тогда я сказал ему, что на Пасху, или на Рождество, или в какое-то другое время – мы должны определить дату – нужно привезти мальчика с семьей и оставить у нас на пятнадцать дней.

Хоаким Рифе: Я сказал Решаку, что организовал игру, где он сможет посмотреть мальчика.

Гаспар, Парера, Рифе, Мингелья, Решак... Правящая элита «Барселоны» решила посмотреть на 13-летнего мальчика, приезжающего из Аргентины. Тяжеловесы. Присутствие команды «стариков» не осталось незамеченным тренерами Академии, которые в течение последующих двух недель должны будут оценить Месси и принять в отношении него окончательное решение.

Родольфо Боррелль: Я помню, что однажды в офисе кто-то показал мне две черно-белые копии статьи из аргентинской газеты, в которой говорилось о Месси. Чуть позже мне сообщили, что этот мальчик приезжает на просмотр. Я решил разыскать те бумажки, чтобы перечитать статью, потому что впервые столкнулся с аргентинскими терминами «gambeta» – дриблинг и «enganche» – сцепка, которые авторы статьи использовали, чтобы описать игрока, выступающего прямо за бомбардиром. Они сказали мне, что мальчик будет в моей группе, потому что он родился в 1987 году. Я всегда говорил, что главная причина, по которой я впервые занялся Месси, состоит в том, что я отвечал за тренировки мальчиков моложе 14 лет. Я знаю, что вы слышали, как тысячи тренеров утверждают, что были его первыми наставниками, но это неправда.

В аэропорту Эль-Прат в Барселоне семью Месси встречал Хуан Матео из офиса Мингельи, который и доставил их к агенту. В лифте пересеклись пути Месси и Чики Бегиристайна – будущего спортивного директора «Барселоны» и ближайшего помощника Мингельи. «Мы из Аргентины», – сказал кто-то из семьи Месси. Тогда Чики, взъерошив волосы Лео, сказал: «Этот мальчик, должно быть, очень хорош, но слишком мал».

После разговора с каталонским агентом Хорхе и Лео отправились в отель «Plaza». «Барселона» не оплачивала расходы на эту поездку: они никогда не делали ничего подобного. Мингелья, который знал владельца отеля, расположенного на площади Испании, позаботился, чтобы семейство Месси поселилось в номере 546 с отличным видом: за окном высился Барселонский выставочный центр, вдалеке можно было полюбоваться на Национальный дворец и фонтан Монжуик, который освещался по ночам в ритме звучащей на площади музыки; немного ближе находились башни, обрамлявшие улицу Avenida Reina Maria Cristina и возведенные для проведения Всемирной выставки 1929 года, а на переднем плане располагался знаменитый фонтан на площади Испании – классическая аллегорическая скульптурная группа, символизирующая реки, втекающие в три моря, омывающие берега Пиренейского полуострова.

Лео Месси оставил свои чемоданы в номере. Молодой футболист чувствовал себя немного лучше, но все еще был слаб после тяжелого перелета. Несмотря ни на что, Рифе сообщил Хорхе, что хочет увидеть Лео на тренировке. Сегодня. В шесть часов. Он должен пойти.

Родолфо Боррелль был его первым тренером в ФК «Барселона».

Родо, ныне директор Академии Liverpool FC, в сезоне 2000/01 года отвечал за юношескую команду «Барсы», которая позже станет широко известной. Сеск Фабрегас, Жерар Пике, Марк Педраса, Марк Валиенте, Виктор Васкес, Тони Кальво, Сито Рiera, Рафаэль Бласкес – одна из лучших юношеских команд, которые когда-либо существовали в «Барселоне». Теперь в ней должен был появиться игрок, который прибыл с чем-то вроде собственной, уже сложившейся репутацией.

В тот вечер понедельника руководители Академии (Квике Рифе, Кике Костас, Хуан Мануэль Асенс, тренеры Родольфо Боррелль, Хави Льюренс и Альберт Бенайжес) встретились на полях номер два и номер три рядом с Мини-стадионом – одно с травой, другое с искусственным торфом, – чтобы понаблюдать за успехами всей группы юниоров и, особенно, за новым мальчиком.

Карлес Решак не присутствовал на этой игре, поскольку уехал в Австралию, чтобы наблюдать за играми на Олимпийском футбольном турнире в Сиднее, где выступало много известных молодых игроков (среди них Тамудо, Хави, Пуйоль, Заморано, Суазо, Мбома, Лорен и Это'О). Вопрос об аргентинском мальчишке не требовал его присутствия: Решак принимал решения, касающиеся основного состава, а не учеников Академии. Если присутствующие убедятся в талантах молодого человека, то с парнем, порекомендованным Мингельей, заключат контракт. В противном случае этого не случится. Карлес организовал просмотр – в настоящее время от него больше ничего не требовалось.

В свой первый тренировочный день Месси чувствовал себя совершенно спокойным. Его все еще немного тошнило после поездки, но он был на своем месте, потому что начинала сбываться главная мечта жизни. В его распоряжении было две недели (в школе не отпустили на больший срок), когда он должен был продемонстрировать все, что он может делать с мячом. Это было легко.

Представьте себе, что вы никогда не видели стадион «Камп Ноу» или «Мини-Эстади». Лео не видел.

Добравшись до полей, смежных с «Мини-Эстади» – «Камп Ноу» в миниатюре – «Блоха» задержался, прежде чем войти в раздевалку. Шагая в одиночестве, он чувствовал сильное смущение. Его мучила чрезвычайная застенчивость. Он начал переодеваться, еще не войдя в раздевалку, и закончил уже внутри, вдали от остальной группы – в углу, в полном одиночестве. Стоя. Сжавшись. Представьте себе людей, никогда не видевших Лионеля Месси, вроде этой группы игроков того же возраста или тренеров, которые лишь краем уха слышали о нем.

«Он такой маленький», – сказали подростки. Родо тоже был в раздевалке. «Сядьте, молодой человек» – обратился он к Лео, потому что этот парень даже не поздоровался, когда вошел, во всяком случае, звук, который он издал, не был похож на приветствие.

Для Сеска и Пике, которые тоже переодевались в этот момент, аргентинец был просто еще одним мальчишкой, который приехал на просмотр в «Барселону». Среди приезжих редко бывали иностранцы, не больше одного-двух человек. Ежемесячно прибывали несколько новых мальчиков. Пока Лео переодевался в углу, Родо обратился к группе: «Будьте осторожны с ним, он очень маленький, не задавите его».

Пике: В ту первую неделю Лео выбрал полную изоляцию: если рядом оказывалась группа людей, разговаривающих или смеющихся, он отодвигался на самый край скамьи. Был очень замкнутым, тихим, погруженным в себя.

Сеск: Приехало столько новых игроков, что мы не обращали на него особого внимания, но я отлично помню его первый день.

Молодые игроки глядели на него насмешливо: он перебинтовывал лодыжки.

Пике: Он был очень молчалив, почти ничего не говорил, и никто даже представить не мог, что произойдет через несколько минут.

Он был ростом один метр сорок восемь сантиметров.

Сеск: У него были довольно длинные волосы, а речь – мягкая и тихая, с аргентинским акцентом, он говорил едва слышно. По правде говоря, он вообще почти не говорил. Он был тихоней. Мы думали, что этот тип зря занимает здесь место...

Все так думали.

Один из помощников Боррелла заволновался. Он увидел, как Месси перевязывает ноги, и спросил, не травмирован ли он. «Нет-нет, это просто аргентинский обычай. Чтобы избежать растяжения связок».

Из группы 12 – 13-летних мальчишек продолжали доноситься язвительные замечания: «Настоящий карлик».

Месси выбежал на поле следом за Пике, который казался вдвое его выше: Лео доставал ему до пояса.

Хорхе стоял на трибуне и слышал, что говорили вокруг: «Он очень маленький, слишком маленький».

Группа начала разогреваться с мячом. Все были сосредоточены на работе с мячом. Один удар, два, три... десять, одиннадцать, двенадцать. «Он не опускает мяч», – сказал один из зрителей. Двадцать, двадцать один...

Сеск: Когда он начал бить по мячу, мы все увидели, что он сильно отличается от остальных мальчиков, которые приезжали на просмотр.

Постепенно Родольфо Боррелль начал переводить ребят из группы на отработку голевых ударов. И когда очередь дошла до Лео... начались проблемы.

Сеск: Он сразу же сделал из меня совершенного дурака. У меня был особый талант к обороне и умение справляться с возникающими на поле ситуациями. Теперь я потерял это умение. Раньше я мог легко перехватывать мяч – не знаю, как мне это удавалось. Лео заставил меня выглядеть невероятно глупо, вы даже не поверите, насколько. Ладно, если бы это произошло только в первый раз, когда вы этого не ожидаете и немного расслаблены. Но он проделывал это со мной снова и снова.

Месси был великолепен – юркий, целеустремленный, последовательный. Молодежь веселилась, наблюдая за движениями новичка. Он завоевал уважение группы. С этого момента любой, кто называл его «карликом», делал это с восхищением, даже страстью. Можно было услышать, как с трибун доносилось: «О, ничего себе. Это – что-то невероятное».

Лео приезжал на «Мини-Эстади» и соседние с ним футбольные поля на метро – четыре остановки по Зеленой линии. Поскольку ежедневных тренировок не было предусмотрено, он с отцом и одним из коллег Мингельи проводил время, прогуливаясь около порта, иногда посещая музеи, хотя не проводил там много времени – искусство не производило на него большого впечатления. Туристическим автобусом они съездили к собору Святого Семейства, посетили зоопарк и Старый Город. Вторник был свободным днем, а в понедельник, среду и четверг он был частью команды и вместе с ними тренировался на поле. В пятницу спортсмены были сконцентрированы на тактике, и роль Лео была менее активной. Выходные также были свободными днями, потому что он еще не мог участвовать в официальных играх.

Стоял сентябрь – все еще солнечно, жарко, но не так мучительно, как в августе – наиболее подходящая погода для прогулок в любое время дня. Аргентинская компания пользовалась этим: утром ехали в Ситжес на пляж, а затем посещали футбольный матч. В первую же субботу Месси посмотрел игру «Барселоны» против «Расинг Сантандер» на «Камп Ноу». Парни Лоренцо Серры Феррера, не самого популярного из тренеров «Барселоны», победили со счетом 3:1. Лео сделал фотографию, сидя на трибуне. Стадион был огромным, но шума толпы почти не было слышно.

Они хотели пойти 26 сентября на отборочный матч Лиги чемпионов между «Барселоной» и «Миланом», но не смогли достать билеты. Итальянцы победили со счетом 2:0.

Оставшееся время Лео проводил с мячом. Они играли головой в теннис в спальне отеля, он выносил мяч на террасу, чтобы обыгрывать воображаемых противников, и беспрерывно жонглировал мячом, а еще смотрел телевизор.

Лионель мало говорил, но не был робким – скорее погруженным в себя интровертом. Он очаровывал любого взрослого, который подходил к нему, но в первые дни односложно общался с товарищам по команде. Когда он уходил с поля, время начинало тянуться убийственно медленно – ему нужно было дождаться возвращения из Сиднея Карлеса Решака, потому что только он мог дать добро на подписание с ним контракта.

На поле он был совсем другим: рядом с новыми товарищами по команде он не казался робким мальчиком, который совсем недавно спокойно ел пиццу, гамбургеры, пасту или просто шел, погруженный в свои мысли.

Когда он оставался вечером один в комнате, то доставал толстый шприц-ручку и при свете прикроватной лампы делал укол в ту ногу, которая в тот день нуждалась в инъекции.

Все повторялось на следующий день: удары по мячу, поездка в город, пицца, тренировка во второй половине дня. Инъекция.

«Лео, делай то, что ты умеешь. Забери мяч, никому не пасуй и двигайся к цели» – Хорхе Месси советовал сыну использовать талант, который привел их в Барселону, при этом он помнил о настойчивых требованиях тренера Боррелла играть в футбол, выполняя один или два удара по мячу. «Мы должны продемонстрировать им твою игру, тебе надо показать себя». Лео особенно хорошо удавался дриблинг: в то время как остальная часть группы пасовала и покорно оставалась на своих местах, Месси действовал по-другому.

Так проходил день за днем. Он тренировался вместе командой юниоров А и в конце испытательного курса должен был сыграть с командой юниоров В. Отец наблюдал за ним с трибуны или стоя, облокотившись на забор, разделявший два поля.

Однажды Лео забил пять голов и дважды попал в штангу.

Он играл сам по себе, но делал это настолько убедительно и с таким талантом, что не стоило и пытаться исправить его. «Один удар, Лео!» – кричал Родо, но он забывал об остальных игроках команды. «Один или, самое большее, два удара». Для него не имело значения, что ему говорили. Лео играл, как он это делал всегда: легкими ударами, с невероятной скоростью, текуче, дриблингую вправо и влево. Игрок с мячом – это больше, чем футболист, между ними есть огромная разница.

На другой день он забил шесть голов.

Хорхе не был уверен, приносит давление на сына пользу или вред. В какой-то момент друг Мингели предложил награждать Лео за голы подарками. Например, если ему нравился рюкзак или футбольные бутсы, то он мог получить их в обмен на забитые голы – скажем, на пять голов. Его отец не был уверен, что это сработает, и предпочел не вмешиваться, но трудности мотивировали Лео. Однажды он забил четыре мяча, но один удар пришелся сначала по столбу ворот и только потом прошел в них. «Нет, нет, это не засчитывается», – сказали ему. Лео взбесился: «Мяч действительно попал в ворота!» Под угрозой оказался полный комплект спортивной одежды. Последовало горячее обсуждение ситуации. В конечном счете Лео получил подарок.

После первой недели тренировок бывший игрок «Барселоны» Мигели, работавший с молодежными командами клуба, попросил показать ему мальчика из Аргентины. Ему указали на Лео, который как раз был на тренировке. «Вон тот маленький парнишка, там, в середине поля». Он посмотрел на него. Мяч порхал над его левой ногой – Лео ждал указаний. «Мне не обязательно смотреть, как этот мальчик играет в футбол – по тому, как он стоит, можно понять, что парень – хороший футболист». Вот так. И ничего больше.

Не в бровь, а в глаз.

Было уже поздно – около восьми часов вечера. Мигели продолжал наблюдать за игрой: «Почему с ним не заключают контракт? Этот мальчик похож на Марадону больше всех, кого я когда-либо видел». Мигели знал, о чем говорит – он играл в «Барселоне» центральным защитником вместе с Диего.

Но шли дни, а никто ничего не говорил ни Хорхе, ни Лео. Они ждали решения Рифе и возвращения Решака, который все еще был довольно далеко от Барселоны.

Месси должны были вернуться в Аргентину – шли занятия в школе, а Лео уже пропустил довольно много дней. Хорхе настаивал на том, что они не могут оставаться дольше, чем на неделю, а шел уже восьмой день.

Все шло наперекосяк.

В мифах о Месси есть спорный момент: утверждают, что некоторые тренеры «Барселоны» не верили в талант Лео, сомневались в необходимости подписывать с ним контракт и говорили одно в лицо, а другое – у него за спиной. Их имена произносятся шепотом, потому что некоторые до сих пор работают в клубе. Другие сделали успешную карьеру вдали от Камп Ноу, но, если информация будет обнародована, это может им повредить. Интерпретация ситуации Решаком еще сильнее сбивает с толку. «Кто-то мог бы сказать: да ладно, он слишком маленький, такие должны играть в мини-футбол. Настоящий футболист... самый обычный!»

Но на самом деле просмотр прошел очень хорошо, более того – он имел решающее значение. Всего пяти минут на одной из тренировок было достаточно, чтобы продемонстрировать талант Лео. С тренерской точки зрения, уже не было необходимости в появлении Карлеса Решака на поле номер два или три, чтобы понаблюдать за Месси, его решающий гол уже не имел значения.

Но именно Решак должен был созвать собрание, из-за чего семейству Месси следовало оттянуть свое возвращение в Аргентину, но оказалось, что нет никого, кто был бы готов взять на себя ответственность за возможную ошибку (или, в лучшем варианте развития событий, успех) подписания контракта с 13-летним аргентинским мальчиком.

Чем же были вызваны колебания в отношении Месси?

Прежде всего, вовлечение в обсуждение тяжеловесов клуба (Решак – заочно, Мингелля, Антон Парере, Рифе) о потенциальной передаче юного футболиста было доказательством того, что происходило нечто особенное, необычное. Лео явно находился под защитой высокопоставленных лиц: участие такого количества значимых персон свидетельствовало о том, что определенно происходит что-то неординарное. По крайней мере, именно так все выглядело для тех, кто находился поблизости и наблюдал за развитием событий. Коллеги Родольфо Боррелля провели много времени, присматриваясь к Лео, о нем, казалось, судачил весь город. Дебаты в основном шли не о его таланте, а о том, как использовать индивидуальность спортсмена, вписав ее в продуманную коллективную стратегию клуба.

Но интерес этих колоссов был не самым странным в данной ситуации.

В 2000 году сама идея притащить мальчишку из Аргентины в Испанию казалась сумасшествием: так никто не делал.

Таланты Лео были очевидны для всех. Анонимный источник, видевший его в течение тех двух недель в клубе, описывал Лео как *las ostia en patinete*, что буквально означает «собачьи яйца», а переводится приблизительно как «что-то, перемещающееся со скоростью молнии». Тогда он был таким же, как сейчас, но только в миниатюре – еще одно наблюдение из того же источника. Было бы нечестно высказать предположение, что причина, по которой тренеры не захотели его тогда взять, заключалась в том, что Лео был слишком маленьким. Было что-то еще.

Сейчас считается совершенно нормальным привезти в клуб мальчика любого возраста из любой точки земного шара. Имеются документальные свидетельства о сражениях за возможность заключить контракт с детьми, которым исполнилось всего восемь лет. Но в 2000 году это было новостью дня.

Всего за пять лет до этого при подписании контрактов с мальчиками 12–13 лет (*Infantile*) из Матаро, Граноллерса, Сантпедора (городов, расположенных менее чем в часе езды от Барселоны) считалось, что они живут очень далеко, только подростки 14–15 лет (*Cadetes*) приезжали в Барселону со всех концов Испании.

А теперь вдруг заговорили о том, чтобы принять приехавшего молодого аргентинского парня, которому было всего 13 лет... стоп!

Много копий сломалось по этому поводу, но все в то время сходились в одном: независимо от того, насколько хорош игрок в юном возрасте, никто не может дать гарантию, что он станет футболистом первого состава или профессионалом. Ребенка забирают из семьи, лишают привычной среды и помещают в ситуацию, где у него нет никаких гарантий.

Конечно, сегодня Месси – лучший игрок в мире, и его история прогремела повсюду, но тогда тренеры молодежных футбольных команд не определяли его будущее, они просто обсуждали возможные риски. Клуб всегда проявлял осторожность, когда шла речь о подписании контрактов с игроками из отдаленных областей Испании, когда их отрывали от дома и школы. Совершенно логично, что в случае с Лео нужно было продумать те же самые моменты. Ориол Торт, один из самых известных скаутов, лидер и идеолог Барселонской Академии, всегда утверждал, что наилучший возраст игрока, чтобы подписывать с ним контракт, – 15 или 16 лет. Так было принято в 2000 году.

Так что же было в случае с Лео: недостаточная компетентность тренеров, как гласит легенда, или разумное опасение, вызванное уверенностью, что отрыв мальчика от привычной среды повлияет на его семью?

Был реальный пример – Андрес Иньеста. Мальчиком 12 лет он принял участие в Национальном турнире в Брунете, где играли команды первой лиги Чемпионата Испании (La Liga). Как это всегда происходит на важных турнирах, различные клубы послали своих скаутов. Лучшими игроками турнира были: Иньеста из Альбасете и Хорхе Тройтейро из Мерида. В то время не было приза за второе место, но дебаты начались по поводу того, кто из этих двух ребят лучше. «Барселона» приняла это к сведению, поговорила с семьей Иньесты и проработала детали контракта с игроком прежде, чем решить, что он должен остаться дома, а они будут следить за его успехами. Идея заключалась в том, чтобы взять его в Ла Масия (кузница юных талантов «Барселоны») два или три года спустя, когда он достигнет подросткового возраста (14–15 лет).

Отец Тройтейро не был готов спокойно принять поражение, поэтому он отправился на машине из Мерида в Эстремадуру в Западной Испании, через всю страну, чтобы попасть в головной офис «Барселоны»: его сын должен стать футболистом, в этом не может быть никаких сомнений. Он знал, что у клуба имелась положительная информация о мальчике, и семье пришла в голову идея обратиться в «Барселону». Старший Тройтейро ставил условие: либо клуб подпишет с ним контракт прямо сейчас, либо он отправится в Мадрид, в Валенсию или куда-нибудь еще. «Барселона» сообщила семье о том, какое воздействие их решение может оказать на душевное состояние мальчика, на его обучение в школе, но отец упорствовал. Это был его сын, и он собирался сделать ему карьеру в крупном клубе.

«Барселона», несмотря на возникшие вначале сомнения, уступила давлению, потому что мальчик – чрезвычайно способный левый крайний игрок – был очень талантлив, и было ясно, что вскоре он себя проявит в играх второго эшелона. Но в Ла Масия не было мальчиков его возраста. Что же сделала «Барселона»? Они вызвали Иньесту, который тоже был родом из Ла Манчи, чтобы он составил компанию Тройтейро – так он не будет чувствовать себя одиноким.

В конечном итоге Хорхе Тройтейро был уволен из Ла Масия за недисциплинированность, а Иньеста, который провел в слезах долгие месяцы в сельском домике, где жили начинающие игроки «Барселоны», не имевшие собственного жилья, несколько лет спустя забил гол, который впервые принес Испании звание чемпиона мира.

Так что в известной Академии Барселоны всегда витают оправданные страхи, сомнения и надежды, и, несмотря на разработанную сегодня методику поиска талантов, все равно нет никаких определенных гарантий успеха.

Родо Боррелль спросил Лео после восьми дней тренировок – он по-прежнему думает, что подписать контракт с «Барселоной» – хорошая идея? Лео ответил – «да». Ему не очень импонировали тренировочные методы в Росарио – там большее внимание уделялось физической подготовке, а здесь большая часть занятия проходила с мячом, что Лео очень нравилось. Он наслаждался этим и успел понять, насколько крупным был этот клуб. Это была достойная цель.

Он хотел здесь остаться.

Спустя десять дней после приезда Месси в Барселону практически все увидели его талант футболиста. Все было сделано. Он потратил почти две недели, которые должен был заниматься в школе, но было ясно, что любой клуб захочет получить Лео. Для «Барселоны» этот опыт стал уникальным, и никто не хотел рисковать: все ждали Карлеса.

Хорхе был готов вернуться домой. «Останьтесь еще на день, Решак вернется в понедельник», – сказали ему.

Президентский советник наконец прибыл из Сиднея и встретился с Рифе. Им предстояло решить много накопившихся проблем, и одной из них был аргентинский мальчик.

«Пусть он играет в команде с более старшими ребятами. Я хочу посмотреть, что произойдет, когда он будет играть с более крупными мальчишками», – сказал Решак.

Карлес Решак: Я принял участие в обсуждении, где мой голос был решающим, потому что, если бы мои подчиненные просто посоветовали подписать контракт с Лео, я не стал бы раскошеливаться.

Заключительный просмотр состоялся 2 октября, в шесть часов вечера. Вместо глинистой поверхности, на которой Лео играл большую часть времени, ему придется играть на третьем поле с искусственным покрытием, расположенном напротив «Мини-Эстади».

Наступил решающий момент. Пути назад не было. На следующий день Лео и Хорхе должны были возвращаться в Аргентину. Все сто сорок восемь сантиметров Лео должны были оказаться лицом к лицу с подростками, которые были старше его на два года.

Многие приехали, чтобы посмотреть на Лео: Мигели, Рифе, Кике Костас, Хави Льоренс, Альберт Бенайжес, а также Родольфо Боррелль, у которого Лео тренировался в течение последних десяти дней. Все они сидели на скамейке запасных.

Игра началась. А Карлеса Решака все еще не было.

Он приехал позже, после обеда. Он лишь недавно приехал из Австралии и сказался сдвиг часовых поясов.

Две минуты спустя Карлес поднялся по ступенькам, ведущим к полю.

Карлес Решак: Я, как обычно, шел к полю и остановился, когда увидел, что Лео получил мяч.

Решак вошел в дверь, взял угловой флажок и прошел за воротами.

Карлес Решак: Его было легко увидеть, потому что он был просто крошечным, разве нет?

Месси получил мяч в центре поля и начал вести его, обходя всех, кто оказывался у него на пути.

Хорхе Месси: Карлос появился, а Лео начал двигаться.

Карлес Решак: Как я уже говорил, я шел позади ворот и продолжал идти... Лео провел мяч мимо двух игроков, обошел вратаря. Счет открыт.

Хорхе Месси: Отличная игра. Гол!

Это был их единственный гол, команда, где играл Лео, проиграла со счетом 2:1. Решак добрался до скамьи запасных, где собрались все тренеры.

Карлес Решак: Мне потребовались семь или восемь минут, чтобы составить мнение. Я пошел, чтобы сесть на скамью, и...

Спустя десять минут после прибытия Карлес Решак покинул поле номер три. Он всего несколько минут посидел на скамье, где собрались тренеры молодежных команд, развернулся и вышел тем же путем, каким пришел сюда.

Все ожидаемо, но он же едва взглянул на Лео!

Хорхе Месси решил, что Решак не уделил Лео внимания, которого тот заслужил после всех дней ожидания. «Заметил ли Карлес то, что удалось сделать Лео?» – спрашивал себя Хорхе. Конечно, этого было достаточно для того, чтобы оставить его в клубе. Не следует терять надежды.

В конце игры Лео ничего не сказал. Как всегда, он просто молча слушал.

Часть первая В Росарио

Глава 1 «Пасуй, Лео!» Но он никогда не пасовал

Каждое воскресенье: последний – дурак!

Как бы ни складывались обстоятельства, в выходные Лео обязательно приходил к своей бабушке Селии и там, на маленьком бетонном пятачке перед домом, играл в «собачку» с братьями Родриго и Матиасом. А иногда они играли в фут-теннис. Приходили их кузены – Макси и Эмануэль, а несколько лет спустя у Клаудио и Марсела, тети и дяди Лео, родился третий кузен, Бруно.

Два камня служили стойками ворот. Там были забиты первые шесть голов. Так началась игра.

Бабушка Лео и ее дочери, Селия и Марсела, занимались на кухне приготовлением пасты с густым пряным соусом. Их мужья, Хорхе и Клаудио, и дедушка Лео – Антонио, оживленно болтали, сидя на диване в небольшой узкой столовой или на пороге, постоянно приглядывая за играющими детьми. Они смотрели на удары по мячу, замечали, как Эмануэль обходит партнеров по игре, а Лео – такой маленький, но как же сложно отобрать у него мяч!

«Хорошо, Макси, хорошо!» – кричал Хорхе, который играл во втором составе «Ньюэллс Олд Бойз», пока его не призвали на военную службу.

Пора садиться есть! Дети были голодны, но все равно отказывались бросить игру.

Перед тем как приняться за еду, надо было вымыть руки. Все заняли места за столом этого скромного дома с двумя спальнями, из которого никому никогда не хотелось уходить. Здесь все воскресенья подряд собирались все родственники: Клаудио, Хорхе, Селия, Марсела и их дети, которые всегда хотели играть в футбол. Иногда на диване устраивался ночевать один из внуков, чья очередь была остаться в этот день в доме бабушки. Они обожали свою бабушку Селию, и не только за восхитительную пасту или рис. Селия была одной из тех бабушек, которые никогда ни в чем не могли отказать своим внукам.

Еда съедалась в одно мгновение. После восхитительного ужина, подхватив мяч, пятеро мальчишек с молочными леденцами в зубах направлялись к городской площади округа Бахада.

Там они заканчивали то, что было начато ранее, или начинали новую игру. Иногда они играли по четыре часа без остановок, а порой и еще дольше.

Часто крупные мальчишки: Родриго, родившийся в 1980 году, Макси, появившийся в 1984 году, и Матиас, 1982 года рождения, – бросали вызов младшим мальчикам – Лео с 1987 года и Эмануэлю с 1988 года – он был отличным вратарем.

По ним били по очереди и намного жестче, чем на футбольных матчах юниоров. Намного. Лео и Эмануэль хорошо получали от расстроенных старших мальчишек. Особенно Лео. «Матиас, осторожней!» – кричал Хорхе.

Лео бегал за мячом, как безголовый цыпленок, а затем, когда получал его, казалось, что никогда больше не выпустит. У него вздувались вены от напряжения, лицо краснело, как помидор, – именно таким его запомнил дядя Клаудио. И не дай Бог, если он проигрывал! Он начинал плакать и закатывал истерику, набрасываясь на любого, кто пытался утешить его. Ему необходимо было продолжать игру до победы.

«Игра всегда заканчивалась ужасно: мы обязательно дрались. Даже если мы выигрывали, мой брат злил меня, потому что знал – я обязательно рассержусь. Это всегда заканчивалось ужасно – я рыдал и бесился» – из рассказа Лео аргентинскому журналу El Grafico.

Часто происходили столкновения с соседскими мальчишками. В воскресных матчах, проходивших на небольшой площадке неподалеку от дома бабушки, мог принять участие кто угодно. Команда Месси /Куччиттини никогда не проигрывала. Матиас объясняет это так: «Поначалу они не хотели играть против нас, потому что Лео и Эмануэль были еще маленькими, но, в конце концов, они их признали. Лео было девять лет, и он играл против восемнадцати– и девятнадцатилетних парней, которым не удавалось остановить его».

Стоит ли удивляться, что из такой талантливой семьи вышло несколько футболистов?

Юношеская сборная «Ньюэллса» заключила контракт с Родриго, когда ему было всего 11 лет, раньше он – как и все Месси – играл за «Грандоли». Он был очень результативным центральным нападающим – быстрым и хорошо тренированным. Родриго выбрали в своей возрастной категории, чтобы представлять Росарио на междугородних встречах. Лео рассказал «Коррьере дела Сера», почему его брат рано ушел из футбола. «Да, он был очень хорош, но, к сожалению, попав в автокатастрофу, сломал большую и малую берцовые кости, а если с вами тогда происходило что-то подобное, это становилось концом карьеры. Возможно, ему также не доставало упорства, чтобы стать профессионалом. Он обнаружил, что его тянет к кухне, и решил быть шеф-поваром».

Матиас год пробыл защитником во втором эшелоне «Ньюэллса», потом бросил футбол, но несколько лет спустя вернулся: последним клубом, в котором он играл, был «Club Atlético Empalme Central», участвовавший в соревнованиях региональной лиги Росарио. Матиас играл там до тех пор, пока ему не исполнилось 27 лет.

Максимилиано, старший из трех сыновей Марсели и Клаудио, кузен Лео, имел рост один метр шестьдесят пять сантиметров. Он регулярно забивал голы, играя в бразильской команде «Esport Clube Vitoria» чемпионата серии А, проходившем в Аргентине, Парагвае, Мексике, а также за бразильский клуб «Фламенго». Во время своей первой тренировки в парагвайской команде «Либертад» он разбил голову, но, будучи упрямым и упорным человеком, вернулся в футбол. Через день после преждевременного рождения его дочери Валентины, которая провела первые несколько дней в инкубаторе, он играл за «Фламенго». В тот же самый вечер Месси забил три мяча подряд для «Барселоны» в игре против «Валенсии» и посвятил эти три гола Валентине.

Эмануэль из Росарио, как и все остальные ребята из детской компании Лео, с кем он начинал в «Грандоли», сначала год был вратарем в «Ньюэллсе», а затем отправился в Европу, где стал левым полузащитником. В 2008 году он приехал в Германию, чтобы стать запасным в «TSV 1860» Мюнхена, а в следующем году перешел в основной состав. Он играл в испанском «Хироне» во втором эшелоне. Теперь этот футболист ростом сто семьдесят семь сантиметров играет в парагвайском «Club Olimpia» в первом дивизионе. Одно время он хотел играть за «Ньюэллс» с Макси и Лео.

Бруно родился в 1996 году и не участвовал в более ранних уличных соревнованиях, хотя позже с удовольствием играл в дворовых матчах и считался весьма перспективным футболистом клуба «Ренато Чезарини», базирующегося в Росарио, откуда вышли Фернандо Редондо и Санти Солари – сын одного из основателей клуба. Бруно похож на Лео внешне и манерой игры: он похожее бежит, бьет по мячу и торжествует, забив гол. Но следует соблюдать осторожность, сравнивая их. В феврале 2012 года на своей страничке в Twitter и Facebook Бруно пишет: «Жизнь без футбола совсем иная», но сегодня снова пытается вскочить на подножку того скорого поезда под названием «футбол».

Лео уехал в Барселону, когда ему было всего 13 лет, так что семейные обеды и футбольные матчи теперь случались очень редко. Мальчики росли, и жизнь разводила их в разные стороны, но в глубине души каждого остался кусочек детства – как и в каждом из нас. Сестра, бабушка Лео, умерла, когда ему было всего 10 лет.

Извилистое русло реки Парана, Памятник национальному флагу и Мемориал национального флага, два больших футбольных клуба и люди. Прежде всего, люди. Вот что может увидеть любой, кто посетит Росарио.

Что же это за город – Росарио?

Росарио расположен в 300 километрах от Буэнос-Айреса. До него – три часа по прямой, как стрела, дороге, которая разрезает огромную долину, соединяя родной город Лео и столицу Аргентины. В Росарио нет безумной толкотни большого города, это довольно изолированный, небольшой, но весьма гордый городок (жители требуют называть себя жителями Росарио, а не провинции Санта-Фе, к которой относятся в административном порядке). Здесь проводятся местные дерби: «Прокаженные» против «Негодяев», «Ньюэллс Олд Бойз» против «Росарио Сентраль»; половина жителей города против другой половины – самая страстная игра из всех, как полагают горожане, несмотря на то, что накал порой доводит до насилия.

«Прокаженными» именуют тех, кто причисляет себя к клубу «Ньюэллс», потому что сто лет назад они и «Росарио Сентраль» были приглашены принять участие в благотворительном матче для клиники, где лечили прокаженных. «Ньюэллс» принял предложение, а «Росарио Сентраль» – нет. С этого дня соперников «NOB» называют «Негодьями» (по-испански, кстати, это слово звучит знакомо для русского уха – «каналы»).

Въезжая по автостраде из Буэнос-Айреса, вы видите справа от кольцевой дороги море лачуг, покрашенных в цвета «Росарио Сентраль», которые свидетельствуют, что это город «Негодяев». Но совсем скоро надписи на других домах убеждают вас, что Росарио – город «Прокаженных», потому что не меньшее количество зданий гордо носят цвета этого футбольного клуба. Окна этих лачуг, служащих домами множеству семей в предместьях Росарио, выходят на автостраду. Это бедные кварталы, где в домах земляные полы, а люди ездят на старых, совсем не винтажных мотоциклах без защитных шлемов. Через некоторое время бедность остается позади, и на смену убогим районам появляется индустриальный ландшафт.

В Росарио может возникнуть впечатление, что водители восхищаются пейзажем или чем-то увлечены, потому что ни один из них не обращает внимания на дорожные знаки или разметку. Возможно, это так и есть, а, может быть, дело в том, что, как говорят некоторые аргентинцы, дорожные знаки придуманы, чтобы помешать вам двигаться вперед.

Но еще до того, как вы доезжаете до конца автострады, перед вами появляются впечатляющие контуры современного города с ломаными линиями небоскребов. Теперь дорогу окружают деревья, и внезапно вы замечаете гигантскую современную фабрику, здание, покрытое снаружи лабиринтом труб, которые добавляют пейзажу странное индустриальное очарование. Жизнь растений обеспечивает река Парана – важная речная артерия, приносящая с собой плодородную почву, в прежние времена служившая единственным источником богатства для этих мест. Затем начинается город, в который вы въезжаете через новый парк. Теперь с обеих сторон дороги мелькают двухэтажные здания. Кольцевая дорога поворачивает на широкий проспект, окруженный высокими, величественными старыми городскими кварталами.

Из Росарио, последнего человеческого жилья на границе с пампасами, деревни, притворяющейся городом, вышли, чтобы бросить вызов истеблишменту: Че Гевара, певец Фито Паэз, мультипликатор и писатель Роберто Фонтанарроса и великие футболисты Марсело

Бьелса и Сесар Луис Менотти. Именно на этом куске земли обосновались тысячи европейских иммигрантов. Именно здесь родился культовый аргентинский символ: впервые был поднят сине-белый флаг Аргентины, созданный в 1812 году как знак отличия от испанских войск, с которыми боролись аргентинцы.

На пути к центру города раскинулся парк Независимости, описанный журналистом Эдуардо ван дер Коом как место, «где город начинает демонстрировать свой собственный стиль и индивидуальность». У парка начинается изящный бульвар Ороно, похожий на парижскую открытку. В этой массе мощных деревьев и густой листвы спрятался стадион клуба «Ньюэллс». Улицы становятся узкими, и на многочисленных перекрестках вы никак не можете понять, у кого преимущественное право проезда – кажется, что правым будет тот, кто попал туда первым. Белые стены кажутся серыми, в кафе высокие потолки, большие венецианские окна из цельного стекла, откуда открывается приятный вид, и маленькие столики. В таких кафе мужчины часто проводят время, глядя на симпатичных девушек, в то время как дамы, включая достаточно пожилых, любят восторгаться телосложением молодых парней, каждый из которых выглядит вполне достойным, чтобы быть футболистом.

Любой аргентинец подтвердит, что самые красивые женщины в его стране – из Росарио. Причиной тому неотразимое соединение сербских и итальянских генов, которые, объединяясь, создают удивительную красоту – светлые волосы и глаза и оливковую кожу. Натуральное питание способствует тому, что у жителей Росарио здоровый и сияющий цвет лица. Росарио – один из самых производительных сельскохозяйственных районов страны: город окружен сельскими районами, специализирующимися на соевом масле и пшенице. Молодежь здесь растет здоровой и сильной.

Вы не увидите здесь показательно выставленных футболок ни одного из соперничающих клубов, ни национальной сборной, хотя футбольные поля есть везде, иногда даже одно поле на два городских квартала. Здесь есть пять или шесть лиг, и многие футболисты играют не за одну: закончив одну игру, они садятся на мотоцикл и отправляются на другую, играть за соседей. В Росарио любой, кто не бежит на поле, имеет отношение к футболу: организатор, тренер, рефери или кто-то еще. Включая женщин.

«Росарио отличается от других городов своей уникальной страстью к футболу», – говорит Херардо (Тата) Мартино, бывший менеджер «Ньюэллса», работающий в «Барселоне». – Пригороды Росарио – конвейер игроков, футбольная фабрика, которая производит таланты. Футбольный талант – главная мечта всех мальчишек города. Академия Росарио так важна, потому что сумела выпестовать таких великих спортсменов, как Вальдано, Батистута и множество других, среди которых Лионель Месси – вишенка на торте».

Он мог бы назвать и Марио Кемпеса, Абея Бальдо, Роберто Сенсини, Маурисио Почеттино и еще многих других. Действительно, десять игроков основного состава в команде Алехандро Сабелли при подготовке чемпионата мира 2014 года были родом из Росарио, включая Хавьера Маскерано, Эвера Банегу, Анхеля ди Мариа, Эсекьеля Лавесси, Макси Родригеса, Игнасио Скокко, Эсекьеля Гарай... и, конечно, Лео.

Именно в Росарио была придумана «Церковь Святого Марадоны» (наполовину в шутку, конечно), посвященная Диего, которого здесь считают величайшим игроком в истории футбола. Каждый год 30 октября – в день его рождения – здесь проводят псевдорелигиозную церемонию в его честь, пародируя католический обряд. В 1993 году Марадона некоторое время играл за «Ньюэллс». Дебют Лео также состоялся в черно-красной майке.

Футбол в Росарио – это жизнь, а жизнь – это футбол. Дух города выражает один конкретный гол – согласно Книге рекордов Гиннесса – самый знаменитый в истории футбола. Это произошло 19 декабря 1971 года во время матча, сыгранного при удушающей жаре в Буэнос-Айресе между «Негодаями» и «Прокаженными». Это были игры полуфинала Наци-

онального чемпионата и единственный случай, когда эти два клуба встретились в столице страны.

Ни одна из команд не могла в этом матче забить гол в ворота соперника, шло сражение за контроль над полем. Затем, на 13-минуте, произошло нарушение правил рядом со штрафной площадкой «Ньюэллса». Альдо Педро Пой, нападающий «Росарио Сентраль», сумел туда прорваться и обратился к одному из операторов (что это было – предупреждение или предсказание?): «Готовьте свои камеры, сейчас что-то будет». Вот так все и произошло. Пой, борясь со своим опекуном, перед тем как уйти от него, взлетел в воздух, изогнув тело и вытянув руки. Гол. Удар головой в полете. Ну и что такого, что мяч попал в живот центрального защитника Ди Риенцо, сбивая вратаря с толку. Это был решающий гол: вечный конкурент был выбит в полуфиналах. «Росарио Сентраль» сумел выиграть финал – впервые в истории клуба «канальи» завоевали титул чемпиона, однако это не стало столь знаменательным, как удар в полете Поя. В течение последних трех десятилетий каждый год 19 декабря на поле Центрального стадиона происходит событие, носящее честолубивое название *Organizacion Canalla* Латинской Америки: в этот день кто-то выполняет поперечный пас, и Пой воспроизводит свой полет. В последнее время, по словам самого Поя, проблема не столько выполнить удар, сколько снова потом подняться.

Таков Росарио. Таков футбол. Месси взялся не из пустоты, как и Альфредо Ди Стефано или Диего Армандо Марадона. Дело не только в пресловутом «аргентинском гене», но есть еще одно – все трое родились в стране, где каждый день футбол ведет вас к меньшей (признание соседей) или большей (всемирная известность, деньги) славе.

Но, как говорил Мартино в интервью для журнала *Panenka*, на улицах Росарио можно найти много прекрасного исходного материала и страсти к футболу, который так или иначе обязательно найдет выход. «Именно поэтому так важна работа Хорхе Гриффы. Это человек, который, перестав играть сам, отлично понимал, чего он хочет. У него не было стремления стать менеджером команды в клубе «Примера». Гриффа – создатель игроков, который никогда не предавал свои идеи. Начиная с середины семидесятых годов, в течение последующих 20 лет он многое сделал для NOB. Позднее он стал тренером молодежных команд в Бока, но всегда был одержим одной идеей: создавать новых игроков».

Гриффа обладает удивительным нюхом на перспективных игроков, свой несомненный талант в этой области он распространяет на своих помощников. Так, Марсело Бьелса был одним из его ассистентов, который колесил по стране из конца в конец, ведя неустанный поиск скрытых бриллиантов. Бьелса проехал тысячи километров на своем крошечном «Фиате-147», и его нелегкий труд принес огромную пользу «Прокаженным». «Ньюэллс» стал чемпионом в 1988 году, когда главным тренером команды был Хосе Юдика, а также в 1991 и 1992 годах, когда главным тренером стал сам Марсело Бьелса. Гриффа также сумел в решающий момент распознать талант Месси, хотя к тому времени его футбольная карьера еще была в самом начале.

В Росарио повсюду ощущается аромат футбола, но, как ни странно, в воздухе не пахнет Месси. Вы вряд ли найдете фотографии, рисунки или даже рекламные щиты с изображением Лео. Любой может рассказать вам пару историй о «Блохе», но считается вульгарным выставлять повсюду его портреты. Правда, возможно, горожане просто решили проявить уважение к его сдержанности.

Но для Лео Росарио – это все. Когда вы спрашиваете его о любимых местах в жизни, ответ один: «Мой дом и местность, где я родился».

В течение многих десятилетий семья Месси жила в небольшом домике в пригороде, приблизительно в четырех километрах к юго-востоку от центра Росарио, в предместье Ла-Бахада. Это типичный малоэтажный район, где не запирают парадные двери, а из окон

несется музыка, болтовня и смех. Дети играют на улицах. Машин мало. Кажется, будто в Бахаде время остановилось. В этом сонном квартале, где живут в основном рабочие, на участке номер 525 на узкой Калье Эстадо де Исраэль стоит дом Хорхе Месси, который он построил собственными руками.

Его отец, дед Лео – Эусебио, по профессии был строителем, и Хорхе быстро научился делать все сам. Вдвоем они в выходные клали кирпич за кирпичом на земельном участке, купленном семьей, в 300 квадратных метров. Сначала дом был одноэтажным и того же размера, что и все другие здания на улице, с задним двором, на котором можно было играть. Одна стена выходила к дому Синтии Ареллано, которая была одного возраста с Лео и стала его лучшим другом. Сегодня дороги там вымощены гораздо лучше, есть уличное освещение и водостоки. В доме надстроен второй этаж, есть забор (единственный на улице) и камера видеонаблюдения, но дом почти всегда заперт.

В этом доме Хорхе Месси, Селия Куччиттини и их четверо детей прожили первые годы семейной жизни. Лео вспоминает в интервью для «Коррьере дела Сера»: «Маленький дом. Кухня, гостиная, две спальни. В одной спальне спали мои мама и папа, в другой – я и мои братья».

Это была улица Лео – всего в 200 метрах находилось неровное поле без ограды, заросшее дикой травой, где дети играли в футбол. Рядом с полем стоял киоск, где работал Матиас в то время, когда Лео уже был в Барселоне. Он до сих пор стоит на том же месте, прямо рядом с домом, где жил Матиас, который позже передал его родственнику. Если пойти в верхний конец улицы, там вы увидите дом, где жила бабушка Селия, а немного дальше – двоюродные братья и сестры, а рядом – бабушка и дедушка по отцовской линии – Роза Мария и Эусебио Месси Баро, который до сих пор, в свои 86 лет, спустя много лет после ухода на пенсию, каждое утро встает, чтобы открыть скромную пекарню, устроенную им в своем доме. Пекарня работает вот уже 50 лет.

Здесь все начинается и все заканчивается. Это сплоченное семейство – та плодородная почва, на которой были выращены все Месси и Куччиттини. Лео предан своим родителям, брату, кузенам, дядям, но особенно матери: он вытатуировал ее лицо у себя на спине. «Он сделал это, ничего никому не сказав. Однажды Лео пришел и показал нам татуировку. Мы чуть не упали в обморок от шока. Мы и подумать не могли, что он сделает нечто подобное. Но это его тело, и мы ничего не можем ему сказать», – объяснял его отец в книге Сика Родригеса «Обучен побеждать», в которой собраны истории, рассказанные родителями самых известных выпускников школы Ла-Масия футбольного клуба «Барселона».

Здесь также живут лучшие друзья Лео, с которыми он до сих пор встречается всякий раз, когда выдается свободная минута. Для Месси Росарио и район Ла-Бахада олицетворяет детство, «истинную родину человека», как сказал бы поэт Рильке. Это место, куда ему хочется вернуться, что он постоянно и делает, место, которое он никогда не покидал, место, которое он воссоздал для себя в Барселоне, чтобы облегчить себе там жизнь.

При малейшей возможности Месси возвращается домой к семье. Именно в Росарио он отправляется всякий раз, когда у него возникает достаточно длинный перерыв в тренировках и играх, летом или на Рождество. Сейчас он бывает в городе не так уж часто, так как купил большой дом в предместье, но порой его можно увидеть разъезжающим на велосипеде по улицам родного квартала. Иногда он ездит и по соседним районам – например, летом 2013 года его видели в супермаркете, где он толкал перед собой тележку, наполненную сладостями, вином и хлебом. Он целый день провел в Галегайучу, где, несмотря на то что он не снимал кепку, его легко узнавали и просили сфотографироваться. Ему пришлось привыкнуть к тому, что его постоянно фотографируют на улице. Никакой возможности избежать этого нет.

В родном городе у него есть подруга, с которой Лео связывают длительные отношения. Антонелла Роккуццо, как и Лео, родом из Росарио, кузина его лучшего друга, Лукаса

Скалья, который играет за «Депортиво Кали» в Колумбии. Он познакомился с ней, когда ей было пять лет, и сегодня она – мать его сына Тьяго. Но все могло сложиться и по-другому. Антонелла и Лео на некоторое время расстались, когда он был просто мальчишкой, стремящимся привлечь ее внимание, а она – симпатичной маленькой девочкой, которой это было неинтересно. Лео отправился в Барселону, а когда вернулся домой на праздники, их роман вспыхнул с новой силой.

Обратите внимание: Роккуццо, Скалья, Месси, Куччиттини – все эти семьи – внуки и правнуки итальянских иммигрантов, которые приехали в Росарио из Реканати и Анконы, городков региона Марке в Италии. В Лионеле также течет испанская кровь. Росарио привлекал европейцев, главным образом испанцев и итальянцев, которые в первые десятилетия существования города составляли почти половину населения. Одна из прабабушек Лео, Роза Матеу и Джезе, родом из области в Пиренеях около Льейды под названием Бланкафорт-де-Траго-де-Ногуэра, ее привезли в Аргентину еще ребенком. Во время плавания по Атлантике она повстречала мужчину из Белькайр д'Урхель – Хосе Переса Соле. Когда вы покидаете родные края, возникающие новые привязанности становятся сильными и длительными, выступая для иммигрантов спасательным кругом. Это и есть настоящий Новый Свет – фундамент новой жизни. Роза и Хосе поддерживали друг друга в чужой стране во всех начинаниях. В конечном счете, они поженились в Аргентине, и у них родилось трое детей, одним из которых была Роза Мария, жена Эусебио Месси – мать Хорхе Месси – отца Лео.

Недавно «Коррьере дела Сера» провела интересный эксперимент, предложив Лео вспомнить корни семьи Месси.

– Они были из Реканати, как и Джакомо Леопарди.

– Кто он был?

– Великий поэт: *Sempre caro mi fu quest'ermo colle / e questa siepe, che da tanta parte / dell'ultimo orizzonte il guardo esclude.*

– Я никогда не слышал о нем. Извините.

– Возможно, вы слышали о Мадонне из Лорето. Это рядом.

– Нет. Извините. Где это?

– Регион Марке. Центральная Италия. Вам никогда не было любопытно навестить места, откуда родом ваши бабушка и дедушка?

– Нет. Я думаю, что мой отец знает это место. Он был там и видел наших родственников. Возможно, однажды я тоже съезжу туда.

– Но, по крайней мере, вы видели «Отель иммигрантов» в Буэнос-Айресе? Это место, где жила большая часть итальянцев в первое время по приезде в Аргентину.

– Нет, я его не знаю.

Затем журналист показал ему несколько старых черно-белых фотографий тех, кто отправился на поиски счастья в пампасы. Суровые женщины в платках и длинных черных юбках. Тощие босые дети. Огромные кастрюли для еды. Мужчины в темных пиджаках, белых рубашках и фетровых шляпах. Взгляд, устремленный в неизвестность, взгляд, который стоит того, чтобы быть запечатленным в печальной лирической песне.

Лео посмотрел на них с некоторым любопытством, но не более того. Для него все начинается и заканчивается в Росарио.

Семья Месси/Перес обосновалась в Лас-Эрасе. Рядом с домом Оливера Куччиттини, родителей Селии, которые также имели итальянские корни. Между Хорхе и Селией вспыхнул огонь любви, и они не стали тратить время впустую: в возрасте всего 15 и 13 лет они поняли, что произошло, и не стали бороться со своим чувством. Пять лет спустя, когда Хорхе возвратился с военной службы, они поженились.

Они планировали отправиться жить в Австралию. Стал бы австралийский Лео футболистом или даже звездой футбола? Мы вернемся к этому позже, но оказалось, что молодая семья Месси предпочла продолжать жить неподалеку от родителей. Селия в течение многих лет работала в мастерской, где делали магнитные катушки для промышленности, а Хорхе, как и все остальные иммигранты, был готов выполнять любую работу, которая обеспечит доход, – неважно, нужно ли с шести утра точить винты в мастерской или ходить от двери к двери, собирая ежемесячные медицинские страховки. Но он знал, что для того, чтобы обеспечить лучшее будущее себе и своей семье, он должен упорно трудиться. После четырех лет, проведенных в Академии «Ньюэллс Олд Бойз», он не стал футболистом, поэтому начал учиться по вечерам, с пяти до девяти, чтобы стать инженером-химиком. Ему потребовалось восемь лет, чтобы завершить обучение. Ему было 22 года, и его усилия приносили свои плоды.

Хорхе пошел работать на Acindar – один из главных заводов по штамповке стали в Аргентине. В 1980 году родился его первый сын – Родриго. Чтобы добраться до фабрики, расположенной приблизительно в 50 километрах от Росарио, ему приходилось ездить на работу на заводском автобусе. На заводе поощрялись конкурсы, и Хорхе, участвуя в них, стремительно поднимался по карьерной лестнице в компании, в конце концов став менеджером. На его зарплату без труда могли прожить трое или четверо: в 1982 году появился Матиас. Вот что говорит второй Месси/Куччиттини: «Мой отец был рабочим, но мы никогда ни в чем не нуждались, при этом он всегда был таким же скромным, как и сейчас. Мы всегда работали, чтобы обеспечить себе лучшую жизнь, – мой старик, моя старая мама, я... и все братья смогли учиться в лучших школах. Мы ни в чем не нуждались».

У них был дом, где всегда была хорошая еда, которую никогда не выбрасывали. Лео подтверждает это в интервью «Коррьере дела Сера»: «Мы едим блюда аргентинской или итальянской кухни: спагетти, равиоли, колбаса чоризо... Я обожаю говядину «миланеза». Моя мать умеет делать ее как никто другой. Исключительно. Обычную или с соусом, помидорами и с сыром сверху. Наша семья жила скромно, но бедными мы не были. Честно, мы ни в чем не нуждались».

Существует распространенное заблуждение относительно происхождения большинства аргентинских футболистов: их считают выходцами из низов, в то время как подавляющее большинство из них – отпрыски из того слоя населения, который можно классифицировать как средний класс. Это не беднота. Мало кто из футболистов родился в рабочих кварталах и добился успеха в аргентинском футболе, по крайней мере, после Диего Марадоны, который родился в трущобах Фиорито на юге Буэнос-Айреса.

По правде говоря, бедняки редко попадают на просмотры в футбольные клубы – порой вследствие отсутствия контактов, а иногда потому, что у них нет денег, чтобы оплатить обучение, купить комплект одежды и снаряжения, должным образом питаться или ходить в футбольную школу со всеми соответствующими затратами: без этого вряд ли кто-то из них станет профессионалом. А те ребята из низов, которым все же удастся попасть в клуб, не приучены к непрерывным занятиям, у них нет настойчивости из-за отсутствия четкой семейной организации, а также потому что они живут в деревнях и общинах, где не приняты дисциплина и жертвенность, а средством отвлечения от окружающей действительности там являются наркотики. Поэтому из бедноты вышло очень мало профессиональных футболистов. Конечно, есть и такие – например, Рене Хаусман (чемпион мира 1978 года), Марадона (несмотря на то, что ему никогда не приходилось голодать), Карлос Тевес, Эсекьель Лавесси или Чипи Бариджо – сейчас он занимается тем, что возвращает футболу то, что тот дал ему: берет детей с улицы, кормит и обучает их в «Бахо Флорес». Но таких очень мало.

Аргентинские футболисты в основном происходят из среднего класса – части общества, которое испытывало большие трудности в последнее десятилетие двадцатого века, когда из-за инфляции песо ежедневно падал, а рост экономики Аргентины затормозился.

Будущее выглядело довольно мрачным.

Облик Аргентины в восьмидесятые годы значительно изменился. Фолклендская война 1982 года и освоение островов, занятых Великобританией, отвлекали внимание общественности от непрерывного и все усиливающегося провала экономической политики военной хунты, которая в то время управляла страной. Повсюду ощущалось социальное напряжение, постоянно увеличивалась инфляция. Надежды аргентинцев умирали вместе с людьми. Провал военной кампании вызвал взрыв негодования, который вылился в решительные действия, приведшие к свержению режима хунты. В декабре 1983 года в стране победила демократия.

Четыре года спустя страна оказалась на грани гражданской войны после того, как к власти пришла группа молодых офицеров, известных как «Раскрашенные лица» (*Carapintadas*), под предводительством полковника Альдо Рико. Армия не могла больше терпеть оскорбления и решила положить конец судебным процессам, во время которых военных преследовали по суду за нарушения прав человека. Даже при том, что аргентинцы вышли на улицы, чтобы защитить демократию, и, несмотря на общенациональные забастовки по всей стране, включая Росарио, президент Рауль Альфосин поддался давлению и принял закон, освобождающий военнослужащих в ранге ниже полковника от ответственности за такие преступления, как исчезновение вследствие действий других лиц, незаконное задержание, пытки и убийства. Аргентинское правительство старалось скрыть позорное прошлое и отлакировать этот кусок истории.

Между 1984 и 1985 годом произошло около 15 взрывов в различных городах, включая Вилла Конституьон, расположенного неподалеку от фабрики, где работал Хорхе Месси, что привело к хаосу – это было ответом оскорбленных аргентинцев, не желающих забыть темное прошлое и подчиниться шантажу военных. В последующие месяцы улицы городов по всей стране были заполнены протестующими, требующими поднять зарплату и вести более справедливую экономическую политику.

24 июня 1987 года, в самый разгар экономического и политического кризиса, почти через год после того дня, когда Марадона выиграл Кубок мира в Мексике, и на пятьдесят вторую годовщину смерти композитора и актера Карлоса Гарделя, родился Лионель Андрес Месси.

При родах возникли проблемы.

Доктора боялись, что им, возможно, придется применять щипцы, потому что диагностировали дистресс-синдром плода. Хорхе боялся последствий для ребенка, который, в конце концов, родился сам, правда, был более красным, чем обычные дети, и одно ухо у него было слегка деформировано. Врач Норберто Одетто заверил родителей, что этот дефект исчезнет через несколько дней.

Третий сын 27-летней Селии Куччиттини и 29-летнего Хорхе пришел в этот мир в итальянской клинике в Росарио. Он весил 3,6 килограмма, а его рост был 47 сантиметров.

Лео. Лионель. Так родители решили назвать ребенка. Легенда, что имя дали в честь любимого в семье Месси певца Лионеля Ричи, остается только легендой.

Хорхе отправился в бюро регистрации, согласившись с Селией в том, что младенца следует назвать Леонелем. Звучало хорошо, но не совсем правильно, по его мнению. Прибыв на место, он попросил выдать ему список других имен, которые он может использовать: отец не хотел, чтобы ребенка сокращенно звали Лео. В списке было английское имя «Лионель», которое понравилось Хорхе. Именно таким образом в документах появилось знаменитое

имя. Дома произошел скандал, потому что (во имя всего святого, Хорхе!) все было сделано не так, как решено! Это была лишь небольшая ссора, но Хорхе не удалось переспорить судьбу – сегодня весь мир знает его сына как Лео. Единственным утешением для отца остается тот факт, что в Аргентине имя его сына пишется «Лио».

Лео начал ходить в девять месяцев, и часто можно было видеть, как он бежит за мячом, который его братья оставили дома. Лишь только поднявшись на ноги, Лео тут же начал стремиться выбраться за порог. Парадную дверь часто оставляли открытой, потому что автомобили в этом районе проезжали редко.

Однажды, когда мальчик вышел из дома на улицу, его сбил проезжавший мимо велосипедист.

Естественно, Лео закричал и заплакал. Казалось, ему не причинили вреда, однако, когда мальчик заснул, выяснилось, что его рука опухла, причем довольно сильно. В больнице определили перелом локтевой кости левого предплечья – первый признак слабой конституции. А также невероятную нечувствительность к боли.

На праздновании года Лео получил свою первую майку с логотипом «NOB», потому что вся семья, за исключением самого мятежного ее члена – Матиаса, который был «Негодяем», считала себя «Прокаженными».

Новый Месси уже в раннем детстве играл с мячом вместе с братьями. Футбол привлекал его больше, чем мультфильмы, поэтому на третий день рождения он получил в подарок мяч с рисунком из красных ромбов. «Присмотрите за ним!» – кричала его мать, когда он в четырехлетнем возрасте выходил погонять мяч со старшими мальчиками. «Моя мать позволяла мне выходить на улицу поиграть в футбол, но, поскольку я был младше других, ей всегда приходилось сидеть около поля, присматривая, не начинаю ли я плакать. Это сильно повлияло на меня», – рассказывал Лео в интервью колумбийскому журналу *Soho*.

Дальнейшее знакомо многим, особенно тем, кто рос с мечтой стать футболистом, и особенно тем, кто на самом деле стал им.

В постели Лео не мог спать, не чувствуя рядом мяча. Обычно он клал его себе в ноги и был в отчаянии, когда мяч забирали из постели. Для него футбол был неотъемлемой частью жизни: когда мать посылала Лео в магазин, он шел с мячом или вообще отказывался идти. Если мяча под рукой не оказывалось, он ухитрялся обойтись свернутыми сумками, футбольными гетрами или чем-то, что ему удавалось найти. «Лео выходил из дома с мячом, жил с мячом, спал с мячом. Его интересовал только мяч», – вспоминал Родриго Месси в видеофильме, показанном во время праздничного награждения «Золотым мячом» в 2012 году. Хорхе настаивает, что он занимался с друзьями и чем-то еще – катался на велосипеде, играл в шарики или на PlayStation с соседями, смотрел телевизор. «Он был нормальным мальчиком», – не устает повторять отец. Но при этом, «сколько я помню, мяч всегда был неподалеку», – все же признался Хорхе в интервью немецкому журналу *Kicker*.

Хорхе, который сам подавал надежды как центральный полузащитник в команде второго эшелона «NOB», рассказал Рамиро Мартину в книге о Лео «Месси: гений в школе футбола», что однажды Лео удивил всех.

«Однажды мы с сыновьями играли в «собачку» на улице. Мяч был у ног Родриго, а Лео стоял посередине, гоняясь за мячом. Внезапно он бросился в ноги брату и забрал у него мяч. Мы все удивленно посмотрели друг на друга. Никто не говорил ему сделать так. Это получилось совершенно естественно».

С этого момента все стали обращать внимание на мальчика и отмечать его талант. Все хвалили его, а Лео чувствовал себя счастливым, видя их радость, и сам был доволен собой. Как и любой другой мальчишка, он хотел больше играть с мячом, чтобы получать дополнительные порции внимания и радости. В интервью *El Grafico* Хорхе вспоминает, что «когда сыну исполнилось четыре года, мы поняли, что он не похож на остальных. Когда Лео был

с мячом, тот буквально не отрывался от носков его ботинок. Мы не могли в это поверить. Став постарше, он начал играть со своими двумя братьями, семи и пяти лет, просто танцуя вокруг них. Это – дар божий, данный ему при рождении».

Тот маленький тихий мальчик, который проводил время дома или у тети Марселлы, «которому нравился только футбол» (как вспоминает его подруга и соседка Синтия Ареллано), вскоре начал привлекать к себе внимание на узкой улочке Калье Эстадо де Исраэль. Дом Синтии – ровесницы Лео – стоял в Ла-Бахаде рядом с домом Месси. Они вместе учились в школе в младших классах, и он сидел в классе рядом с ней или позади нее во время экзаменов. С Синтией «Малаявка» общался довольно много. («Так называли Лео. Однажды какой-то мальчик крикнул: «Иди сюда, малаявка – и прозвище приклеилось», – вспоминает его лучшая подруга, ставшая психологом и учителем в школе для детей с затруднениями в учебе.) Синтия была человеком, убеждавшим его не бросать школу; объяснявшим другим, что Лео пытается сказать; тайком передававшим нерадивому ученику шпаргалки во время экзаменов; делившимся угощением и тайнами; помогающим и прикрывающим отсутствие мальчика в классе и тем, кто произнес маленькую ложь во спасение, соврав, что она – его кузина.

Именно Синтия узнала о дефиците гормонов роста, потому что однажды мать Лео попросила ее мать проследить за тем, чтобы Лео ежевечерне делал себе укол.

«Лионель был маленьким, всегда носился босиком и играл с мячом», – рассказывает другой сосед Месси, Рубен Маникабале. «Мы часто сердились на него, хватали и швыряли на землю, но он обычно вставал и продолжал игру».

Член семьи Кирога – соседей, живших напротив Месси, – вспоминал, что «большинство детей, в отличие от Лео, не играли весь день с мячом. Все расходились вечером по домам, а он продолжал играть один. Взрослые ругали мальчика за то, что он остается на улице допоздна, но тот все равно не мог расстаться с мячом».

«Когда он играл, порой по нему попадали мячом. Он падал и плакал, но вскоре поднимался и бежал снова. Видно было, что он отличался от других – умение, скорость...» – вспоминает Синтия.

Считается, что Родриго был первым, кто придумал прозвище «Блоха». По правде говоря, никто в родных местах так Лео не называет. В семье уверены, что так начал говорить о Месси мексиканский футбольный комментатор Энрике Бермудес, известный как один из самых престижных испаноязычных голосов, чемпион развлекательных программ. «Пес» Бермудес – он известен под этим прозвищем – был рокером, хиппи, певцом, статистом в кино и лишь потом прославился как диктор и создатель сотен прозвищ для футболистов (Адо́льфо Риос стал «Стрелком Христа», Рафаэль Маркес – «Кайзером Заморы», а Дэвид Бэкхем – «Синим башмаком», потому что носит обувь такого же цвета, как у смурфиков). Энрике принадлежит диковинное описание стиля игрока «Барселоны» Пепа Гуардио́лы: «ваш, мой, берет, дает, ласкает, целует, передает». Сам Бермудес никогда не утверждал, что был создателем прозвища Месси. Кем бы он ни был, этот человек остается неизвестным.

В любом случае было ясно, что Лео – это нечто особенное. «Он – яркий луч света, посланный Богом. Знаете, как говорится, такой обязательно всего добьется. Он был футболистом с самого рождения», – вспоминает Клодия, мать Синтии, которая порой нянчилась с маленьким Лео.

«Он играл с мячом номер пять – таким большим, что мог бы забросить его куда угодно, но великолепно управлялся с ним, – вспоминает его брат Матиас. – Это было очень красиво. Любой, кто видел Лео первый раз, обязательно возвращался, чтобы посмотреть еще раз».

Казалось, что мяч, достававший ему до колена, просто прилип к его левой ноге и никогда не откатывался от нее слишком далеко. Легкие прикосновения боковой поверхностью ботинка позволяли ему удерживать контроль над мячом. Мяч всегда был рядом на земле,

потому что необходимо было избегать ситуации, когда мяч подпрыгнет, отскочит от его колена или голени и отлетит туда, где его могут отобрать более старшие мальчики.

Мальчик обладал совершенно невероятной координацией движений и таким типом телосложения, которое помогало ему управлять мячом и обеспечивало скорость передвижения. Он бросал вызов старшим мальчишкам и неизменно блестяще играл против них. Действительно ли это был божественный дар или просто талант от природы? У нас еще будет время поговорить об этом подробнее.

Кроме всего (в эти минуты Лео краснел, как помидор), он любил соперничество. Месси всегда был достаточно храбр и очень не любил проигрывать. Несмотря на молчаливость, он был крепким парнем. Он часто приходил домой с коробкой, полной мраморных шариков, которые выиграл на улице. Он пересчитывал их и, если случайно какого-нибудь не хватало, приходил в ярость.

Селия: Когда Лео был маленьким, он был очень непослушным. Когда дома играли в карты, никто не хотел с ним играть, потому что мы знали, что рано или поздно Лео начнет жульничать.

Хорхе Месси: Он не хотел ни в чем проигрывать.

Селия: Если он не побеждал, то мог бросить все карты. Он часто не хотел идти в школу, просто говорил: «я не пойду».

Лео (в интервью для *El Grafico*): Однажды я подрался с кузеном у него дома, когда там была моя бабушка. Все были против меня, они вышвырнули меня из дома и сказали, что больше не пустят. Тогда я начал бросать камни в ворота и пинать их.

Селия: Когда я выставила Лео за ворота, он начал бросать в меня камни и кричал, что не вернется в полдень домой. Мне пришлось выйти и пригрозить, что я все расскажу его отцу, а мальчишка в ответ просто поглумился над этими угрозами. Он был очень избалованным, но при этом у Лео был достаточно сильный характер – полагаю, унаследованный от нас обоих, но в основном от меня. Он из тех людей, которые говорят, что думают: хорошее или плохое, и не пытаются скрыть раздражение или радость. От отца он унаследовал чувство ответственности и вырос очень порядочным человеком.

Эти качества Лео его родители пытались передать в документальном фильме *Informe Robinson*, созданным бывшим игроком «Ливерпуля» Майклом Робинсоном для Canal + Spain.

Маленькое поле футбольного клуба «Грандоли» окружено бетонными многоэтажками спального района в советском стиле – скромный район на окраине города. Некоторые говорят, что это довольно опасное место. Если вы бросите взгляд между зданиями, то сможете увидеть лодки, плывущие по реке к порту Росарио. Это поле – кусок ровной земли, обрамленной по краям полосками зелени, обозначающими боковые линии. Высокие блоки кажутся маленьким игрокам просто гигантскими – на самом деле очень малы сами игроки: дети пяти, шести и семи лет, и лишь некоторым около 12. Ворота – смесь бирюзового и ржавого оттенков – окаймляют вход на поле, забор вокруг поля не дает мячам улететь слишком далеко. Рядом с полем можно увидеть объявление, на котором написано: «Чистите обувь здесь». Трибуна состоит из трех рядов лавок, во втором ряду обычно сидели родители некоторых из детей, а также бабушка Селия. Она привела сюда маленького Лео за руку, чтобы он посмотрел, как играет ее внук Матиас. Родриго, который также носил красно-белую майку «Грандоли», уже играл в команде юниоров «Ньюэллса».

Лео периодически бьет мячом в стену.

Группу взял Сальвадор Рикардо Апарисио, худой, спокойный человек, уже сорок лет занимающийся обучением детей игре в футбол. В тот день один спортсмен не пришел, поэтому ребята 1986 года рождения не могли играть 7 против 7. Сальвадор подождал, чтобы посмотреть, не подойдет ли кто-нибудь еще.

«Возьмите его, возьмите его», – просит бабушка, показывая на пятилетнего маленького мальчишку, который в те дни еще не был известен как «Блоха».

«Он слишком маленький, сеньора. Его могут поранить», – отвечает Апарисио.

«И все-таки возьмите его», – настаивает Селия.

«Ну ладно, возьму. Но если вы увидите, что ребенок плачет или боится, заберите его с поля».

Таким образом, тренер взял его, несмотря на то, что он был на год моложе, чем остальные. В этом возрасте различие между детьми очень заметно. Вот так наша «Малышка» вышла на поле. Когда ему впервые послали мяч, казалось, что он его меньше.

А затем случилось то, что и должно было: все, как обычно. Мяч касается его правой ноги. Лео смотрит на него, мяч пролетает мимо. Мальчик не двигается.

Апарисио поднимает брови. Собственно, он этого и ожидал.

Лео получает следующий пас. На сей раз мяч попадает ему под левую ногу: собственно говоря, он просто ударяет его по ноге. Лео делает два шага, пристраивая мяч поудобнее, и легкими касаниями начинает двигаться по диагонали вдоль огромного поля, просачиваясь мимо всех, кто оказывается у него на пути.

«Бей, бей по мячу! – кричит Апарисио. – Пасуй, пасуй, Лео!»

Бабушка улыбается.

Лео не пасует.

Он очень маленький. Но с тех пор у тренера не было повода прогнать его. «Он играл так, как будто делал это всю свою жизнь: один против остальных тринадцати», – много позже вспоминал Сальвадор. В том же году он играл в остальных матчах в команде «Грандоли», хотя все остальные мальчики были 1986 года рождения. Команда выигрывала, завоевывая различные титулы.

Месси ничего не помнит о тех временах. Бабушка рассказывала ему, как он забивал голы.

Лео все время хотел играть: на площади, на улице, в одиночку, с кузенами, с братьями, но, как и любой другой ребенок, больше всего он хотел делать это в составе команды, одетый в форму. Таким образом, в возрасте пяти лет, в тот знаменательный день под присмотром Селии – его все время улыбающейся бабушки – фактически даже еще до того, как он пошел в начальную школу, Лео начал играть каждую неделю в игру, которую называют детским футболом (для ребят в возрасте от 5 до 12 лет) в клубе «Грандоли», расположенном неподалеку от дома, где он родился. Клуб находится по адресу 4700 по Лаферрере-стрит, он был основан в феврале 1980 года группой местных отцов семейств, лелеявших надежду организовать соревнования детей этого района.

Посмотрите видео: <http://www.youtube.com/watch?v=9GFeiJEGjUo>

Лео пять лет, но он уже демонстрирует ту самую непринужденность просачивания мимо соперников и смену темпа, которые мы можем видеть сегодня. И ту же радость победы. И ту же миниатюрность по сравнению с другими игроками.

Лео получает мяч и ищет промежутков, зазор, а затем движется, ведя его. Все соперники и соратники ринулись за ним. Если ему не удастся пройти, он придерживает мяч и ищет проход на другом фланге, окруженный товарищами по команде и противниками. Вам следует принять во внимание, что в Аргентине считается вульгарным просто забивать гол – гораздо круче творить, помогать, связывать, оттягивая на себя противников. Именно поэтому многие думали, что в этом невероятном игроке практически не нужно ничего менять. Теперь редко раздавался крик: «Пасуй, Лео!» В любой момент, когда появлялась возможность двигаться вперед, Лео подводил мяч поближе к той стойке ворот, которая была дальше от вратаря. Удар. Гол.

Некоторым нравится рассуждать о том (вероятно, чтобы спровоцировать споры), что хорошо бы проверить, способен ли Месси играть холодным, зимним вечером на поле, которое размокло под дождем. Этим скептикам следовало бы посмотреть на рытвины, камни и маленькие кусочки стекла на неровном футбольном поле, где он играл за свою первую команду «Грандоли». Это поле было выделено для игр местными властями и могло использоваться только по вечерам, потому что днем на нем занимались школьники. Освещение также было весьма скудным.

Начиная с двухлетнего возраста Лионель и его бабушка по материнской линии, Селия, проходили пешком 15 кварталов, которые отделяют дом Месси от его первого клуба. Лео держал бабушку за руку и изо всех сил старался не отстать от нее. Под другой рукой он держал подаренный ему мяч. Они ходили сюда для того, чтобы посмотреть на Родриго и Матиаса. Потом только на Матиаса. И теперь, войдя в команду мальчиков, которые были на год старше, он ходил по тому же самому маршруту на тренировки по понедельникам, средам и пятницам. По субботам проходили игры.

«Она была очень доброй. Она жила для нас, внуков. Она выносила все наши фокусы, кузены дрались за право переночевать в ее доме. Я не знаю, понимала ли моя бабушка что-нибудь в футболе, но именно она приучила нас играть. Она была моей первой поклонницей, когда я только учился играть. Я всегда слышал ее поддерживающие крики», – рассказывал Лео в интервью для *El Mundo Deportivo* в те редкие минуты, когда погружался в личные воспоминания.

Селия не смотрела футбол по телевизору и не ходила на игры «Ньюэллса». Для нее футбол был тем, во что играли ее внуки. А для внуков жизнь вращалась вокруг их бабушки, главного ориентира этой матриархальной семьи итальянского происхождения, краеугольным камнем которой являлись взаимное уважение и поддержка семьи. Если Лео попросить вспомнить самые лучшие моменты его жизни, то его лицо озаряется радостным светом, и он

отвечает: «рождение каждого из моих племянников», правда, следует учесть, что этот ответ он давал до рождения собственного сына.

Лео и его бабушка ходили пешком до «Грандоли» и обратно. Когда он начал ходить в школу, бабушка забирала его в пять часов вечера, они пили что-нибудь освежающее, а затем вместе с Матиасом шли на тренировку. «Это был прекрасный период нашей жизни, мы радовались успехам Лео, потому что с раннего детства он демонстрировал то, что ему даровала природа. Некоторое время спустя бабушка умерла, но все началось именно с нее», – говорит Матиас Месси.

«Пасуйте моему Лионелю, отдайте мяч этому мальчугану! Он способен забивать голы!» – кричала бабушка. Она понимала в футболе.

Из-за своих корней – в ней было больше латинской крови, чем в других, – ей меньше удавалось сдерживаться, и она чаще демонстрировала свои эмоции. Как и любой клуб в мире, «Грандоли» имел своих вечных конкурентов, противников, с которыми они боролись с самого первого дня существования. Это был клуб «Эльче», которым проигрывать было нельзя. Жесткие физические столкновения, которые иногда заканчивались обменом «любезностями» между отцами игроков, порой доходившими до стычек. На одном из таких матчей эмоции вышли из-под контроля, и Селия ударила одного из сторонников «Эльче» по голове бутылкой. «Прекратите валять дурака», – визжала она. Большого ущерба ей нанести не удалось, потому что в тот день, само собой разумеется, победил «Грандоли».

Вскоре после этого у Селии обнаружили болезнь Альцгеймера.

Журналист Тони Фриерос пишет в ранней биографии Лео «Месси: Сокровище Барселоны»: «Селия постепенно начинала терять память, испытывать затруднения с речью и смущать людей своим поведением, так что в последние месяцы ее жизни семье пришлось беспомощно наблюдать, как жизненная сила медленно поглощалась неизлечимой болезнью. Лео казалось, что он теряет часть себя самого».

Казалось, он видит, как ее покидает жизнь.

Бабушка Лео умерла 4 мая 1998 года, незадолго до его одиннадцатого дня рождения.

Селия так никогда и не увидела, как он играет в высшей лиге или в «Барселоне».

«Для всех это была огромная потеря, и мы испытывали сильнейшую душевную боль. По сей день я все еще мучительно переживаю, вспоминая, как Лео неудержимо рыдал, обнимая гроб», – вспоминает его тетя Марсела.

«Это был ужасный удар для меня», – говорит Лео.

С тех пор когда Месси радуется очередному голу, он смотрит ввысь и указывает на небеса. «Я часто думаю о ней и посвящаю ей все свои голы. Я хотел бы, чтобы она была здесь, но она ушла раньше, чем смогла увидеть мою первую победу. Это безумно злит меня», – признался он в интервью для *El Mundo Deportivo* в 2009 году.

«Бедная женщина, она никогда не видела его побед, хотя именно она была их катализатором», – говорит Альберто Ареллано, отец Синтии, сосед семейства Месси.

«Когда Лео делал карьеру, он делился со мной, что по ночам разговаривает со своей бабушкой и просит ее о помощи, – вспоминает мать Лео. – Это ужасно, что сегодня она не видит его. Кто знает, может быть, оттуда, где она сейчас, Селия видит, кем стал ее внук, и она счастлива, потому что очень его любила».

Лео верит в Бога, несмотря на то, что ходит в церковь не так часто, как все остальные члены семьи Месси. Но он должен быть благодарен своей бабушке за то, что она направляла его в те годы, когда формировалась личность. И за то, что она, безусловно, остается с ним. Единственный раз, когда он не поднял пальцы к небу после забитого гола – в знак приветствия своей бабушки, – был день после рождения его сын Тьяго – в тот раз он сунул большой палец в рот. Но после того единственного случая он продолжал возносить Селии благодарность, как обычно.

Впервые Лео покинул родные места, когда ему было 11 лет. Это было весной, в субботу. Он сел на автобус вместе со своим другом Диего Вальехосом, который был братом жены Матиаса. Они выросли в одном районе. Двое ребят совершили получасовую поездку на юг города, в район Villa Gobernador Gálvez.

Они поехали навестить могилу бабушки.

Лео играл в клубе «Грандоли» с пяти до семи лет. В команде ребят 1987 года рождения у него был номер 10, а его кузен Эмануэль был вратарем. В тот период повторялось два момента: они выигрывали практически все игры и – естественно – мяч все время был у Лионеля.

Каждая тренировка и каждая игра были важны, и перед каждой из них Лео готовил сам все до мельчайших деталей, не принимая ничьей помощи. Сначала бутсы – вымыть водой, а затем протереть тканью и пройти щеткой, не забыть перебинтовать лодыжки. Он был похож на профессионала: маленький и смертельно серьезный.

Сальвадор Апарисио был его первым учителем и на тренировках заставлял ребят бегать трусцой, затем просил их немного расслабиться, после чего вводил мяч в игру. В те дни все занятие представляло собой игру, игру и еще раз игру.

Сальвадор (Дон Апа) сделал очень важное дело – он не открыл Лео, но помог развиваться его безудержному таланту. Бывший железнодорожный рабочий, который умер от трещины черепа в 2009 году в возрасте 79 лет (свидетели утверждают, что можно было слышать, как у него из головы выходил воздух), никогда не считал, что сделал что-то выходящее за привычные рамки: «Я не открыл его, но был первым человеком, который вывел Лео на поле. Я горжусь этим».

Дон Апа, как и сотни безвестных тренеров и технических директоров, убедили десятки детей с соседних улиц в возрасте между 4 и 12 годами оторваться на некоторое время от улицы и провести время в «Грандоли», где их научат определенному порядку и сделают более счастливыми. Он снимал Лео – маленького, идущего в своей красно-белой майке, вьюном уходящего от защитников, получающего мяч в собственной штрафной площадке и проводящего его на поле противника, забивающего гол, а затем забирающего мяч из сетки ворот, чтобы положить его в центре и снова начать игру. И так снова и снова.

«Каждую игру Лионель забивал по шесть-семь голов. Он вставал в середине поля и ждал, когда вратарь выбьет мяч. Голкипер бил по мячу, товарищ по команде останавливал его, а Лео забирал мяч и устремлялся вперед, огибая противников. Это было что-то сверхъестественное». Именно такими словами описывал Лео Дон Апа, вспоминая те времена в различных интервью. «Когда мы выходили на поле, люди заполняли трибуны, чтобы посмотреть на игру Месси. Когда он получал мяч, то больше его никому не отдавал. Это было невероятно, но остановить мальчика было невозможно. Он выиграл в игре против «Амансер», забив такой гол, который можно увидеть только в рекламных роликах. Я хорошо помню этот момент: Лео просочился мимо всех, включая вратаря. Как он играл? Так же, как играет сегодня, – совершенно свободно. Он был серьезным парнем и всегда крутился возле своей бабушки, был тихим, никогда не спорил. Если его били, он порой плакал, но всегда поднимался и бежал дальше. Каждый раз, когда я вижу, как он играет, я начинаю плакать. Когда я вижу гол в духе Марадоны, который забивает Лео, например тот, который он забил в матче против «Хетафе», я вспоминаю его маленьким, совсем маленьким...»

Давид Тревес, который сменил Дона Апу на его посту, ныне является президентом «Грандоли». Он гордо показывает трофеи, завоеванные клубом, и фотографии команды: «Вот Месси в майке, которая ему очень велика. Очень редко мальчики его возраста способны на такое», – заключает Тревес. «Говорили, что у нас растет новый Марадона. Лучший футболист в мире начинал здесь, его первая футбольная майка принадлежала нашему клубу. Он

получал мяч, и каждое его движение заканчивалось голом. Игра Лео решала все, даже если он попадал под удар». Это воспоминание Гонсало Диаса, который играл с Лео в те времена, когда тот был в «Грандоли» и, естественно, всегда побеждал.

Матиас Месси с удовольствием вспоминает те дни, когда сам мечтал стать футболистом. Он, родственники и зрители, собиравшиеся на трибунах у поля, были убеждены, что видят нечто особенное. «Очень часто из-за того, что Лео играл слишком хорошо, возникали проблемы. Некоторые тренеры посылали ребят из своей команды вывести брата из игры: они не могли забрать у него мяч честным путем, поэтому отнимали его другими способами. Это надо было видеть своими глазами, чтобы поверить. А иногда бывало, что игроки из другой команды аплодировали Лео. «Как ты это делаешь?» – спрашивали поклонники и конкуренты».

Часто кажется, что многие из воспоминаний о Лео описывают сегодняшнюю звезду футбола Лионеля Месси, а не того маленького мальчика, который отлично играл в детстве. Он, безусловно, неустанно забивал голы, но в то же время Лео был очень характерным спортсменом с яркой индивидуальностью, а не командным игроком, – а это большая разница в футболе. Пишущие о Лео говорят не просто о мальчике, а о ребенке, ставшем величайшим футболистом в мире, а это накладывает на живые свидетельства определенный отпечаток. Легко, оглядываясь в прошлое, боготворить тех, кто добился успеха. По той же самой причине трудно найти кого-либо, кто посмел бы добавить оценочное замечание «но при этом...»

В любом случае, в «Грандоли» играло много других спортсменов, подающих надежды. «Я видел несколько ребят, кто, возможно, и был похож на Месси, но ни у кого из них не было столько упорства и настойчивости», – говорит Гонсало Диас.

Ах да, настойчивость! Без этого качества вам не стать футболистом.

Хорхе Месси тоже мечтал стать футболистом, но после четырех лет в академии «NOB», как раз тогда, когда стал проявлять себя хорошим игроком и получил приглашение в основной состав, Хорхе отправили на военную службу. Вернувшись домой, отец Лео женился. В возрасте 29 лет, когда большинство футболистов достигает пика своего развития, в семье Месси родился Лео.

У Хорхе всегда были очень четкие представления обо всем, он считал, что должен учить примером, а не словом. Его философия проста: упорно трудитесь, будьте настойчивы, выказывайте сдержанность и умеренность – и вы добьетесь поставленных перед собой целей. Возможно, именно поэтому Лео не прельщается культом знаменитостей и его не ослепляет свет вспышек вокруг великих имен. Для Хорхе, как и для подавляющего большинства аргентинцев его поколения, футбол имеет лицо Марадоны, видеофильмами о котором Хорхе дорожил и часто показывал сыновьям.

Именно от отца Лео и братьям передан восторг перед человеком, который поднялся выше остальных, чтобы привести к победе свою команду, который соединялся с мячом в единое целое, выискивая возможности для следующего паса, ноги которого были способны создать целую симфонию движений. Образцом для подражания и игроком такого типа, как Марадона, для Лионеля, как и для многих ребят из его поколения, был Пабло Аймар, бывший игрок «Ривера». Лионель неоднократно говорил, что в детстве у него не было футбольных идолов, но ему очень нравилось смотреть, как играет Аймар. Но правда ли, что у него не было личных героев? Разве у каждого из нас нет личного кумира, в соответствии с которым выстраиваются жизненные ориентиры? Когда Лео в возрасте 12 лет попросили назвать идеал или определить кумиров, он определил двоих: родного отца и крестного Клаудио. В том же интервью он признался, что считает скромность и сдержанность величайшими из достоинств. Пожалуй, его отец согласился бы с ним.

Лео, как и его братья, разделял страсть отца к футболу. Хорхе – человек сдержанный, порой даже немного отстраненный, является вполне приличным центральным полузащитником, и маленький Лео мог видеть, как его отец играет со своими товарищами по работе на фабрике Asindar. Он понимал футбол – игру, которую так любил. Семья Месси каждые выходные отправлялась в клуб «Грандоли», чтобы посмотреть, как играют Матиас и Лионель. Однажды директор клуба спросил Хорхе, не возьмет ли он на себя ответственность за детей, родившихся в 1987 году? Тот согласился и стал вторым тренером Лео. «Мы были частью лиги «Альфи» – одного из независимых соревнований в Росарио. Было несколько категорий детей до 12 лет и юношеская группа. Соревнования проходили на поле для мини-футбола», – рассказывал Хорхе Тони Фриеросу.

Новый тренер проводил занятия три раза в неделю, используя простые индивидуальные упражнения, всегда с мячом, чтобы улучшать технику, а также время от времени давал упражнения по тактике, которую молодежь изучила довольно быстро – они впитывали инструкции Хорхе как маленькие губки, нетерпеливые и восторженные. Лео никогда не делал ничего особенного, никогда не проводил дни, пасуя мяч правой ногой или обегая камни на своей более слабой ноге. Его отец никогда не требовал от него ничего подобного – Лео просто играл, и Хорхе всегда старался уважать его свободный дух.

Это было в 1994 году. Лео было тогда шесть лет.

Когда Хорхе выполнял обязанности тренера, его команда ни разу не проиграла. «Мы выиграли чемпионат лиги и все турниры, в которых принимали участие, даже товарищеские встречи. Возможно, это звучит несколько бестактно, но высокий уровень игры нашей команды сделал ее настоящей сенсацией, и в этой команде Лео сиял, как маяк», – давал Хорхе интервью аргентинской прессе. «В той команде – и я не преувеличиваю – он практически все выполнял отлично. Голы, опасные ситуации – он был единственным игроком, который выделялся на общем фоне. Говорить об этом не очень удобно, потому что мы родственники, но так оно и было», – сказал отец Лео журналу *Kicker*.

Журналист, который брал у него интервью, задавал вопросы, которые могли бы показаться банальными, но ответы от этого не становились менее захватывающими:

– Лионель как футболист: кто сделал больше заметок о нем – Хорхе Месси тренер или отец?

– Лео всегда был очень дисциплинированным и послушным игроком, делал то, о чем его просили. Он всегда запоминал то, что я говорил ему как тренер, и никогда не жаловался. Сегодня Лионель остается таким же. Он прислушивается к словам Франка Райкарда в «Барселоне» и играет там, где просит тренер. Так было всегда.

«В жизни есть три важнейших понятия: миссия, мечта и принципы», – добавляет престижный аргентинский спортивный психолог Лилиана Грабин. – Вы наследуете от своего отца способ, которым он идет по жизни, и принципы, которые он вам передает. Лео несет в себе сильную личность матери и спокойствие, терпимость и сдержанность отца: странная комбинация, подобная инь и янь. Но Хорхе также передал сыну смирение, самопожертвование и упорство».

Сын воспринял не только эти качества, он разделяет мировоззрение своего отца. Однажды Хорхе сказал, что самое значительное, что только может произойти с человеком, – это услышать, как прославляют его имя. Если вы мечтаете об этом, но что-то не складывается, мечта переходит к детям. Когда Хорхе увидел, как играет Лео, и понял, что у сына явный талант, то испытал чувство гордости за сына, выделявшегося из шеренги сверстников. Сыну же всегда хочется угодить отцу, и он будет пытаться сделать ему приятное. Хорхе открыл путь своему сыну: ты *сможешь* стать футболистом.

«У семьи были принципы, мечты о будущем и миссия – игра в футбол. У Хорхе была мечта, которую поддерживала вся семья. Очевидно, у Лео был талант, и мать с отцом были

достаточно дальновидны, чтобы идти по пути, позволяющему сыну исследовать и развивать свой талант», – профессионально объясняет Грабин.

Впоследствии Хорхе, выполняя при сыне несколько функций – тренера, советника, менеджера, – помог Лео вести переговоры и преодолевать препятствия, возникающие на пути. Отец и менеджер Хорхе очень мало хвалил Лео по сравнению с всеобщим обожанием, которое его окружало, – скорее, он обеспечил ему перспективу. И, когда это было необходимо, он напоминал сыну о ценностях, которые считал наиболее важными. Он всегда твердо стоял на земле, особенно в случаях, когда слишком большой успех мог бы отвлечь Лео от большей перспективы, что, как мы увидим далее, вполне могло произойти.

Таким образом, Хорхе с самого начала был отцом, гидом, зеркалом, наставником, противовесом, героем для Лео. Человеком, за которым ему хотелось следовать, порой бунтуя и противясь. Хорхе всегда будет верным спутником сына на долгом жизненном пути и тем человеком, которому Лео доверяет и в кого непоколебимо верит.

Именно Хорхе решил, что в «Грандоли» они исчерпали себя. Вся семья ходила смотреть матчи, в которых принимали участие Матиас и Лео, но однажды не смогли заплатить за вход по два песо. Месси спросил, не может ли администрация один раз пропустить их бесплатно, на что был получен отрицательный ответ.

В тот день Лео в последний раз играл в майке цветов клуба «Грандоли».

Учительница Моника Домина вспоминает, как Лео ходил к ней в класс в начальной школе Лас-Эрас в то время, когда ему было лет семь-восемь.

«Лео был очень тихим мальчиком. К сожалению, всегда запоминаются те, кто плохо себя ведет, те, кто доставляет проблемы. Но он был тихим, вежливым, порой уходил в себя и старался никогда не показывать свои чувства. Он был закрытым ребенком, и его одноклассники, в частности Синтия, ощущали желание заботиться о нем. Синтия вела себя в отношении Лео как мать. Она была вдвое выше, а он был очень маленького роста, похож на детсадовского малыша с веселой мордашкой – совсем, как сейчас. У вас сразу же возникает желание обнять его! А в те времена этот порыв возникал еще чаще. В те времена учитель был второй матерью. Сейчас учителя уже не испытывают похожих эмоций, у этих молодых девушек нет нашего материнского инстинкта. Мы раньше делали свою работу совершенно иначе – я сажала Лео на колени, заботилась о нем. Теперь так не делают. Он был одним из тех, кто сильно напоминал маленького ребенка. Вы постоянно испытывали желание подхватить его на руки, посадить рядом с собой и поболтать с ним.

Лео был очень спокойным, он вообще редко говорил. Но одно я действительно очень хорошо запомнила: я старалась заставить его говорить. Я делала это как в свободное время, так и на специальных уроках, когда мы занимались рисованием. В это время я сажала его поближе к себе, но он ничего не говорил, только «да» и «нет» – ничего больше. При этом, когда я задавала Лео вопросы из области математики или задач на понимание, он отвечал, и это меня успокаивало.

Лео сидел в классе в первом ряду, но был очень застенчивым, ему было трудно принять участие в работе класса, но он выполнял задания и не шумел на занятиях. Он делал все хорошо и старался пройти тесты и сдать контрольные вовремя.

Мы, учителя, старались помочь Лео, а он в свою очередь делал все, что мог. Лео мог многое, но у него были другие интересы – его привлекал только мяч.

Он был нормальным, но не идеальным мальчиком. Лео не уделял много времени учебе. В седьмом классе он получил хорошие оценки. Директор школы разрешил опубликовать в газете оценки Лео, так что желающие могут увидеть их. Он был одним из лучших учеников по физкультуре, преуспевал на уроках труда и музыки. По чтению и математике у него была семерка – проходной балл, так что в целом он был одним из средних учеников.

Первая картинка, которую я вспоминаю, думая о Лео, – как он играет в футбол на школьном дворе, подхватывая мяч и двигаясь с ним. У ребят не всегда был с собой мяч, порой они играли чем попало: свернутыми в шар носками или полиэтиленовыми пакетами, а иногда делали мяч из пластилина или глины. Они играли во дворе со всем, что удавалось найти.

И все-таки мячом они играли чаще: у учителя физкультуры был шкаф, из которого они брали мяч, или приносили его с собой из дома. Они не знали, находится учитель физкультуры в школе или нет: если его не было, тогда за мячом присматривал другой учитель.

В те годы учителя давали мяч ученикам. Теперь так не делают. Сейчас дети используют мяч, чтобы врезать кому-нибудь по голове. Количество учеников не имело никакого значения, их могло быть и 100 человек, но все было в порядке. Ученики заботились друг о друге, поэтому мальчишкам разрешалось играть в футбол.

Все друзья считали Лео своего рода лидером, его ставили в центр, когда класс фотографировался, и очень любили. Ребята всегда ждали Лео: «пошли, поиграем!» Они восхищались им, потому что он блистал в игре. Он бежал с одной стороны двора на другую, и никто не мог поймать его – он был блохой, игрушкой, он наслаждался сам и доставлял удовольствие другим.

Лео никогда не проказничал, но его глаза без слов говорили вам, что это мальчик, который делает все так, как ему нравится. Я думаю, что это семейная черта... Я всегда хотела спросить его мать, какой он дома, потому что в школе он всегда вел себя очень хорошо, чтобы не потерять шанс играть в футбол. На уроке был тихим, но когда звенел звонок, несся из класса, и все бежали за ним вслед.

На перемене Лео можно было найти в большой комнате с двумя воротами, где было полно ребят, которые отчаянно хотели играть. Перемена становилась чемпионатом по футболу.

Раньше занятия в школе проходили следующим образом: 40 минут урока, перемена 15 минут, урок, перемена, а теперь уроки длятся час с 15-минутным перерывом. Ученики играли во время длинных перемен. Это было похоже на мини-матчи, потому что первый тайм они играли в первую перемену, а второй – во время следующей.

Лео отправлялся играть на четверть часа вместе с другими мальчишками и был как все, неважно, шла игра семь на семь или все против всех, но он получал мяч, и его игра заключалась в том, что он обходил всех на поле. Речь шла не об игре в футбол, а об умении вести мяч.

Я всегда рассказывала, что, когда его мать приходила со всеми его трофеями и останавливалась с гордостью у двери классной комнаты, то он не пускал ее внутрь и не хотел говорить о том, что делал. С самого раннего возраста Лео не хотел демонстрировать эту сторону своей жизни – он играл потому, что это ему нравилось и стало его страстью. Мальчик не собирался никому показывать, что лучше других, потому что это было спрятано в самых дальних уголках души. Он всегда хотел, чтобы к нему относились точно так же, как к любому другому мальчишке, не хотел выделяться. И сейчас он точно такой же, каким был тогда.

Лео – ангел в облике человека. Я часто встречаю его мать в супермаркете неподалеку от дома, потому что она не ходит по городу, громко заявляя всем и каждому: «Я – мать Месси». Она скромно ходит по магазинам, как любая другая женщина, скромно одетая, никакого самомнения и тщеславия. Я знаю матерей других футболистов, некоторые из них цедят сквозь зубы: «Яяяя мммммать такого-тооооо». Селия – настоящая леди, простая и добрая, как и ее сын. Лео не сообщает всем и каждому: «У меня столько-то миллионов». Нет. Мне кажется, он живет самой простой жизнью, какая только возможна. Лео – такой. Семья – именно там ему сумели привить правила хорошего поведения, поэтому в школе он вел себя очень спокойно, скорее был погружен в себя».

Школа в Лас-Эрае, куда ходил маленький Лео, находилась не слишком далеко от его дома. Как только он оказывался на улице, казалось, что мяч просто приклеивался к его ногам. Он сразу же шел к стене, окружавшей армейские бараки, пересекал поле и попадал на улицу Буэнос-Айрес, как раз в том месте, где она выходит на площадь Хуан Эрнандес. Небольшое здание школы, с решетчатыми окнами, окрашенное белой краской с редкими вкраплениями зеленого, занимает одну сторону довольно неопрятной площади, окруженной деревьями, под которыми расставлены скамейки. Площадь вымощена плитами, между ними пробивается зеленая трава. Это – одна из тех редких школ, в которых дети хорошо себя ведут, в отличие от других школ Росарио, где обычно стоит сильный шум. Самая ценная здесь – не здание, а атмосфера и идеалы. Когда ребенок входит в здание школы, он уже знает, какого поведения от него ждут, ему известны принципы, которые ему следует понять, принять и поддерживать. Он знает о том, как важно оставаться частью местного сообщества, понимает значимость коллективных усилий. Это по-настоящему хорошая государственная школа.

Двор, ведущий к классам, с аркой входа и деревом, растущим в центре, был очень маленьким, чтобы в нем можно было заниматься чеканкой мяча или играть в одни ворота. По этой причине мальчики предпочитали собираться в других местах.

«Сейчас в школе сделали многоцелевую комнату, где проходят школьные собрания, но в те времена, когда здесь учился Лео, ее еще не было: это было небольшое поле – место, где дети могли побегать или поиграть». Об этом рассказывает Диана Торрето, которая учила Лео, когда ему было шесть лет. Ее речь часто эмоционально прерывается, когда она вспоминает о том времени, когда «Блоха» учился в школе. «Мы ходили туда со всеми детьми, и я отлично помню (это до сих пор заставляет меня смеяться), как они бежали за мячом, и ни одному из них не удавалось отобрать его у Лео. Они прибегали ко мне и жаловались: мисс, он не отдает мяч! Они не могли отобрать у Лео мяч!»

«Он был очень счастливым мальчиком, – продолжает мисс Торрето. – Интровертом – да, но счастливым. Он всегда улыбался. У него было много друзей. Он очень нравился своим сверстникам. С ним рядом всегда была его семья – люди, которые постоянно интересовались им, спрашивали о том, что он делал в школе».

Таким образом, было три разных Лео: Лео с мячом, Лео дома и Лео в школе. Тихий и сдержанный мальчик в классной комнате и свободный, готовый бороться за победу – за ее пределами. Диана продолжает рассказ:

– Откуда возникла у членов его семьи, учителей и ровесников эта потребность постоянно защищать этого мальчика?

– Мне кажется, Лео сам вызывал потребность всегда следить за ним и заботиться – именно поэтому у него было столько друзей. Одноклассники очень любили Лео. Когда он демонстрировал свое владение мячом, они восхищались им. Лео излучал лидерство. Не уверена, что он сам осознавал это, но другие ясно видели в нем это качество. Довольно противоречивая ситуация, поскольку в классе он вел себя довольно тихо и был замкнутым. Но куда бы Лео ни шел после школы, его одноклассники немедленно отправлялись за ним. Он организовывал игру и вовлекал в дело своей жизни всех окружающих.

– Это просто невероятно – переход от интровертированности к лидерству...

– Да, он был двумя совершенно разными личностями.

– А если бы Лео не стал профессионалом, кем бы он теперь был?

– Я думаю, что он был бы в кругу своей семьи. Возможно, он создал бы собственную семью (что, кстати, сейчас и сделал) и гордился бы ею. Мы надеемся, что однажды он приведет к нам своего сына Тьяго, чтобы показать ему школу, в которой он учился. Учителя всегда на это надеются. Я всегда очень волнуюсь, когда говорю о нем.

«1993 год, шесть лет, плохо приспосабливается к школе, правилам гигиены, не демонстрирует стремления к учебе, не стремится что-то сделать руками, плохо проявил себя на занятиях музыкой, письмом и точными науками».

«1994 год, переход в класс Моники Домина. Плохо приспосабливается к школе, не проявляет творческого потенциала, не демонстрирует усердия в учебе».

«1995 год, восемь лет, впечатляющее развитие. Очень хорошо по математике. Очень хорошо по сочинению, хорошо по пересказу. Ни одной плохой оценки. Высший балл по физвоспитанию, очень хорошее поведение»
(Цитата из книги Тони Фриероса)

Лео поддерживали и защищали как взрослые, так и дети – ведь он был очень маленьким. Он отлично владел мячом и был хорошим ребенком, сыном и другом. У Лео была очень обаятельная улыбка. Он был сдержанным, погруженным в себя, осмотрительным, иногда осторожным. Никто не вставал у него на пути и не пытался задеть, по крайней мере, не в школе – там все стояли за Лео горой. При такой защите и всесторонней поддержке человеку намного легче стать яркой личностью, тем более футболистом.

Все дети проходят в школе через периоды нелегких испытаний, не имеющих ничего общего с учебой. Агрессивные группировки, жестокость, страх – такое происходит практически с каждым. Когда приходит ваша очередь, хорошо бы выйти из этой ситуации без потерь. Лео хорошо владел мячом, и это притягивало к нему людей, помогло ему стать уважаемым, любимым, нужным, обеспечило защиту. Он был маленьким и понимал это, но остальные ребята на улице игнорировали различие в росте, потому что он производил сильное впечатление на всех, кто играл с ним и наблюдал за его игрой. Лео никогда не запугивали. Драки случались, но за право играть с ним в одной команде, потому что это был вариант победы. В дворовых схватках лучше выигрывать, потому что поражения оставляют неприятный осадок на весь оставшийся день. Порой его даже приглашали поиграть в команды, состоящие из мальчишек старших классов, если оставались свободные места, потому что он был способен помочь победить своей команде. И Лео соглашался, спокойно ведя за собой остальных игроков. Тогда, как и сейчас, он руководил скорее действиями, чем словами.

Но невозможно было все сводить к футболу – учителя не могли попустительствовать этой страсти к мячу и к матчам на детской площадке и позволить ученикам дойти до такого состояния, когда их уже невозможно было заставить понять, что перемена закончилась. Задача учителей заключалась в том, чтобы заставить Лео оторваться от игры. Им ежедневно приходилось буквально оттащить его от мяча, рвать невидимую, но почти материальную связь с этим важным предметом.

– Сегодня учителя упоминают имя Лионеля Месси в качестве примера... чего?

Такой вопрос был задан Кристине Кастанейра, новому директору школы в Лас-Эрасе, которая не знала Лео и потому рассматривает такой феномен школы, как Лионель Месси, с определенной отстраненностью и даже с некоторым удивлением.

– Не знаю, не знаю... практически все, кто приходит в эту школу, знают о Лео, о том, что он здесь учился. Это ощущается постоянно. Сегодня я хочу создать уголок Месси, собрав туда все вырезки из газет, где о нем упоминается. Пока ничего подобного в школе нет.

– Будет ли это полезным уроком для учеников, послужит ли примером для подражания?

– Полагаю, что это наш долг, ведь в аргентинской культуре принято создавать мифы и легенды. Вряд ли успех Месси войдет в учебную программу, но было бы хорошо иметь что-то такое, что мы могли бы показать посторонним людям, которые приходят к нам отовсюду. Или ему самому, если он когда-нибудь вернется сюда, – ведь он здесь учился. Я преподаю уже 30 лет и всегда следую школьным методикам. Порой кажется, что я отступаю от установленных правил, но это не имеет особого значения. Не следует быть излишне строгими. Я убеждена, что необходимо создать уголок Месси, который будет служить напоминанием о том, что он учился в нашей школе.

– Лео – публичный человек – представляет собой ряд достоинств, заслуживающих похвалы.

– Конечно, прежде всего, потому что он является человеком, которым можно гордиться. У Месси есть достоинства, которые мне бы хотелось привить другим людям.

– Один мой аргентинский друг, футболист, хочет предложить правительству уговорить Месси произносить раз в месяц что-нибудь вроде: «Чистите зубы» или «Ведите себя в школе хорошо» – и он уверен, что вся страна бросится это выполнять. Не знаю, получилось бы это или нет...

– Да, это могло бы сработать...

Когда бабушка Лео водила его после школы на тренировки в «Грандоли», они пересекали старый квартал. Возможно, в будущем здесь появится бизнес-парк или теперь, когда совет сдал в аренду земли семье Месси, на этом месте раскинутся футбольные поля, где будут тренироваться молодые футболисты, связывающие с Лео свои мечты.

Если не было тренировок, то Лео встречался с приятелями, жившими по соседству, вроде Диего Вальехоса: «Мы часто многое делали вместе, всегда хотелось научиться какому-нибудь новому трюку, что-то попробовать. Мы не особенно хулиганили: порой портили мячом клумбы или использовали калитки домов в качестве футбольных ворот, или играли с пневматическим пистолетом. Если выйти из дома Лео и, повернув налево, спуститься по улице, то через 200 метров вы увидите неогороженную площадку: это аргентинский «Камп Ноу». Именно здесь Лео делал свои первые шаги в футболе. Именно там мы гоняли мяч, бегали и играли в прятки. Это было место наших игр».

Лео использовал железную дверь соседнего магазина семьи Фраготти для игры «в стенку» (короткий пас, затем молниеносный рывок вперед и снова получение мяча), чтобы не дать друзьям отобрать у него мяч. Это было время, когда он был свободен: не существовало явно обозначенных границ времени и пространства за исключением немногочисленных ограничений, установленных школой или родителями.

«Мы разрезали проволоку ограды, окружавшей старый квартал, чтобы иметь возможность играть там снова и снова», – вспоминает еще один сосед Лео, Вальтер Баррера. «Военные прогоняли нас оттуда, но дело в том, что это поле идеально подходило нам для игры в футбол, так как было покрыто замечательной травой, по которой никто не ходил. Играть на нем было невероятно удобно. Иногда военные заставляли нас врасплох и тогда запирали в помещении, где у них было что-то вроде клетки. Но ничего страшного не происходило – они заталкивали нас в здание через одну дверь, а затем выпускали через другую, и больше ничего – просто хотели напугать нас».

Лео ходил в начальную школу в Лас-Эрасе, после чего продолжил образование, в возрасте 13 лет перейдя в среднюю школу Хуана Мантовани на Avenida Uruburu, также расположенную достаточно близко от дома, но ушел из нее всего через четыре месяца: свое буду-

щее он видел иначе, к тому же в этой школе рядом с ним не было его задушевного друга – Синтии. Кое-что в жизни Лео начало меняться.

Сейчас Лео стал меценатом школы в Лас-Эрасе: за последнее десятилетие он пожертвовал средства, эквивалентные двухлетнему бюджету. В 2005 году он снова посетил свою школу. У одного из учителей был сын, который играл с Лео в футбол, и преподаватель максимально использовал этот контакт, пригласив Лео на празднование очередной годовщины школы. Лео пришел на праздник. В то время он еще не был настолько известным, как сейчас, но все же его появление стало знаменательным событием. Однажды вечером, два года спустя, он снова вернулся в свою школу, на сей раз, чтобы повидаться со своим кузенком, Бруно Бьянкуччи. Лео пришел, никого не предупредив об этом заранее, он шел, опустив голову, тихо, прячась за спиной матери Бруно, своей тети Марселы. Лео просто умирал от смущения.

Внезапно что-то щелкнуло у него в голове, и он начал общаться с детьми. Он обошел все классы, целовался, раздавал автографы и позволял себя фотографировать. Это были три незабываемых часа, как для учеников, так и для их родителей, яркое событие для школы, в которой, возможно, кроме игр на переменах, не происходит ничего особенно выдающегося.

Мальчик из первого класса, которому было не больше пяти лет, сказал своему другу примерно того же возраста и роста, одетому в такую же школьную форму: «Ущипни меня».

Глава 2

Лео, начало

Правдивая история в двух действиях с воображаемыми встречами

Персонажи (см. Приложение с полным списком персонажей).

Мы слышим голоса товарищей по команде Лео, тренеров и технических директоров, соперников, соседей и других людей – всех, кто знал его в то время, когда он играл в «Нью-эллсе», и кто сыграл определенную роль в его жизни. Они говорят о нем с трогательной привязанностью, однако в их словах можно услышать отзвук меланхолии. Легкая грусть сопровождает рассказы тех, кому в жизни повстречался гений.

Множество имен, и рассказ каждого очень важен – в конце концов, это не только история о Лео, но и о них самих. Но, читая эту главу, не давайте воли своему воображению: нет необходимости запоминать, кто и что говорит. В некотором смысле все персонажи являются частью одного – того, с кем Лео общался в Росарио. Поэтому, если вы вдруг заблудитесь в этом водовороте имен, просто протяните руку ребенку, который не смог подрасти.

Действие происходит в Росарио, в конце девяностых годов, в последние прогрессивные годы Аргентины. Первый акт происходит в кафетерии в Мальвинасе – учебном центре для молодежных команд «Ньюэллса».

Акт первый

Сцена первая

Голоса слышатся издалека. Сцена освещена единственной лампой.

– Где Лео?

– У него гепатит – так говорят.

– Ой.

Сцена темнеет, и появляются слова: ШЕСТЬЮ ГОДАМИ РАНЕЕ.

На экране пятилетний Лео Месси, который получает мяч и ведет его. Он не пасует его никому, просто находит путь и забивает гол. Он ведет мяч, обходя противников, перемещаясь из стороны в сторону, пока не получает возможность сделать точный удар в ворота вдали от вратаря. Забивает гол. Месси поворачивается и отбегает на свою половину, делая минимум жестов. Мелкими шагами, ожидая, когда можно снова начать игру. Позже его команда снова бьет по мячу, и первым – Месси: он снова движется к цели, опять обходя всех противников, которые оказываются у него на пути. Мяч ему почти по колено.

Это – игра, происходившая в Мальвинасе, – название имеет определенный скрытый смысл, – где молодежь «Ньюэллса» сражается командами по семеро (это еще называется мини-футболом). Спортивный центр делится на две части улицей Вера Мухика, и самое лучшее, самое ухоженное поле – номер один. Там есть трибуны. На этом поле проходит большинство игр. Именно оно снято на видео.

Из дома Лео невозможно было дойти туда пешком – это было слишком далеко, поэтому кто-то должен был привезти его в клуб – отец, мать, отец товарища по команде. Часто он приезжал на белом «Рено-12», которое принадлежало отцу его друга Агустина. Автомобиль двигался вниз по Урибуру-авеню до самого бульвара Ороно, а затем, пересекая парк Независимости (именно там находился стадион «Ньюэллса»), до Пеллегрини-авеню.

Необходимо было свернуть налево, доехать до Франсия и через два квартала снова повернуть налево по Зебаллос-стрит. Главные ворота были обозначены номером 3185. Внутри можно увидеть фреску с именами игроков, входивших в основной состав. Имени Лео там еще нет.

Между входом в клуб и полем расположены два небольших здания: кафе со столиками и стульями и офисное помещение. Здесь всегда кто-то есть: отцы, отдыхающие с чашкой кофе или бокалом пива и разговаривающие о футболе; их сыновья в футболках «NOB», сну-ющие туда-сюда; люди, раньше бывшие членами клуба, а теперь приезжающие посмотреть, что здесь происходит; друзья отцов...

В кафе Мальвинас беседует компания друзей, присматривая за детьми, которые играют на прилегающем поле. Они сидят за круглыми столиками, пьют кофе или пиво и болтают. Полдень. Некоторое время назад кто-то снял знак Мальвинас, который висел над входом, и теперь он стоит, ржавая, в углу. На стене позади сцены изображено двух-этажное здание. Дверь на первом этаже ведет к офисам, заваленным бумагами, трофеи – на полу, на полке. На втором этаже есть дверь, которая, как это ни странно, никуда не ведет. Никто не может объяснить, как это получилось. Возможно, деньги заканчивались, и их не хватило на то, чтобы добавить лестницу. Мало кто поднимается на второй этаж – все офисы клуба находятся на первом. На краю сцены, между актерами и зрителями, стоят футбольные ворота.

Габриэль Дихероламо (тренер, «NOB»): В тот день, когда его привели ко мне, я подумал, действительно ли это совсем другой игрок, чем я привык видеть?

Эрнесто Веккьо (тренер, «NOB»): У него была потрясающая техника. Никто не учил его – с ней родился.

Габриэль Дихероламо: Невозможно было ожидать, что столь миниатюрное создание может произвести столь ошеломляющее впечатление. Лео был человеком, который обязательно продумывал свои действия и затем выполнял задуманное: он шел справа налево, слева направо, через центр, двигался в глубину поля, и всегда его целью были ворота – он никогда не забывал о них.

Эрнесто Веккьо: Еще до того, как Лео пришел в «Ньюэллс», весь Росарио уже говорил о таланте маленького мальчика, который играл за «Грандоли».

Диего Ровира (№ 9, юниор в «NOB»): Я пришел в «Ньюэллс» в середине 1998 года. Моя первая тренировка проходила на поле Белла-Виста, где тренируются команды основного состава. Мы играли товарищеский матч против «Ренато Чезарини». Мы победили со счетом 7:0 или вроде этого. Три гола забил крошечный, чрезвычайно быстрый и очень ловкий парнишка. Я не знал там никого, но он был первым, кто привлек мое внимание. Это и был Лео.

В Росарио постепенно узнавали Лео, потому что он уже был звездой на межшкольных турнирах, вроде популярной лиги «Альфи». Здесь можно было встретить технических директоров, скаутов, тренеров – их взгляд был натренирован годами наблюдений за занятиями и матчами «детских» футбольных команд. Родриго и Матиас играли в младших разрядах «NOB», и именно средний брат предположил, что Лео готов играть за «Ньюэллс» на отборочных турнирах в начале сезона. В результате, в начале 1994 года, в возрасте шести лет и семи месяцев, он в течение нескольких недель играл в различных молодежных командах «Ньюэллса» во второй половине дня и по вечерам.

Роберто Менси (директор «НОВ»): При выборе игрока вы прежде всего имеете в виду его технические качества, затем – его физические параметры, и, наконец, принимаете во внимание домашнюю обстановку в семье мальчика.

Кике Домингес (тренер, «НОВ»): Согласно философии «Ньюэллса», которую проповедует Хорхе Бернардо Гриффа, бывший игрок «Атлетико Мадрид», в клубе должны быть самые лучшие футболисты, поэтому позволить себе роскошь потерять крупный талант тренеры не могут. Я сел в машину, припарковался и постоял пять минут, наблюдая за игрой, не выходя из машины. Если что-то привлекало мое внимание, я выходил из машины, шел на трибуны, тянущиеся вдоль поля, и спрашивал: «Это вы – мать того мальчика?» – «Да». – «Ваш мальчик уже подписал контракт с каким-нибудь клубом?» Если ответ был: «Да», то я говорил: «А он не хотел бы играть за «Ньюэллс»?» Мы крали перспективных спортсменов прежде, чем их могли увести у нас. В результате своего рода естественного отбора Лео всегда играл среди лучших в этой области.

Габриэль Дихероламо: Клаудио Вивас – он был помощником Марсело Бьелсы – приехал, чтобы повидаться со мной, и сказать, что нам стоит взять этого великолепного мальчика, который провел с его командой три или четыре игры, и несколько – с другими тренерами клуба, как, например, Вальтер Лучеро.

Кике Домингес: Когда вы сравнивали Лео с его соперниками с точки зрения мастерства, дистанция была огромна. Действуя против защитника, в восьми из десяти случаев Лео делал именно то, что он хотел. Один раз защитник правильно понял его действия и почти вернул себе мяч, но в другом случае потерял его. Разница в мастерстве была очевидна. Сегодня Лео по-прежнему превосходит остальных игроков, правда, эти «остальные» выступают в «Реал Мадрид», в итальянской серии А, в премьер-лиге Англии...

Габриэль Дихероламо: В конце отборочного турнира мы спросили Лео, не хочет ли он играть за наш клуб.

Эрнесто Веккьо: Посмотрев, как он играет, мы поговорили с его родителями и пришли к соглашению. Он присоединился к «Ньюэллсу». Вся семья Мессии – поклонники этого клуба.

За исключением Матиаса. Как мы знаем, он поддерживает «Росарио Сентраль».

Вот таким образом 21 марта 1994 года, немного не дотянув до седьмого дня рождения, Лео подписал контракт. Лео, рост которого был один метр 22 сантиметра, попал в клуб, где тремя месяцами ранее Диего Армандо Марадона, который готовился к чемпионату мира 1994 года, сыграл во время своего краткого пребывания в городе свою последнюю игру.

Хорхе Вальдано (бывший игрок «НОВ»): «Ньюэллс» имеет очень хорошую школу в городе, который неразрывно связан с футболом, и расположен в области, являющейся одним сплошным огромным футбольным полем.

Кике Домингес: Я способствовал тому, чтобы ребята делали то, что получается у них лучше всего, и только доводил их умение до совершенства – именно так я создал себе репутацию в мире обучения футболу. Я никогда не кричал, не угрожал, не ругал, не оскорблял и не оказывал давление, как это делал мой отец в отношении меня и моих братьев. Поэтому если ребенок совершает ошибку, то моя задача, чтобы он понял, в чем ее суть, и не повторял – не из страха передо мной, а осмысленно.

Херардо Григини (бывший юниор «НОВ»): Всем нам было по семь-восемь лет, мы играли на поле для мини-футбола и выполняли обычную тренировку для детей: немного работы на скорость, чеканка и тренировка техники. Но в то время самое главное было

научиться играть в мяч ногами, «приручить» его. Мы тренировались по вторникам, четвергам и пятницам, а по субботам и воскресеньям были игры.

Кике Домингес: Да, мы проводили типичные тренировки – пасовали и останавливали мяч. Однажды один из тренеров спросил у своих учеников, сколько они знают способов бить по мячу. Они отвечали: десять, пятнадцать, двенадцать. Ну, по правде говоря, их почти двести. Вы можете остановить его даже спиной. А сколько существует способов пасовать мяч? Понимаете, в футбольной школе мы пытались научить детей всем премудростям: как передать мяч, как остановить его, как представить себе ход игры и понимать, что не всегда стоит делать длинный пас, чтобы забить гол.

Херардо Григгини: Мы весело проводили время, прежде всего потому что мы были группой друзей. Мы не находились в школе или на работе, где никто ни с кем не разговаривает, – мы были приятелями. По правде говоря, я не мог дожидаться момента, когда мы выйдем из школы, перекусим чем-нибудь и отправимся на тренировку.

Кике Домингес: Мы представляли ребятам ситуации, которые могут возникнуть во время игры. Иногда поощряли соперничество: игра в «собачку» к этому очень располагает, хотя всегда возникали споры – никто не хотел стоять в середине. Мы создавали среду, поощряющую спортивную хитрость, – хотя этому аргентинцев специально учить нет необходимости – это в полной мере продемонстрировал Марадона своим голом рукой.

В школе Мальвинаса существует шесть категорий команд для детей в возрасте между 6 и 12 годами. Хотя сейчас в школе «Ньюэллса» числится около 300 детей, говорят, были времена, когда в клубе состояло до 800 ребят. С этих земляных полей (сегодня поле номер один покрыто травой) вышли Бьелса, Сенсини, Бальбо, Батистута, Вальдано, Почеттино, Солари. И это только одна из школ, которых в Аргентине множество. Тысячи молодых ребят занимаются в таких школах, уверенные, что это – прямой путь к вершинам успеха. К сожалению, через несколько лет у многих из них футбольные мечты разбиваются.

Хорхе Вальдано: Я выходил из дома и оказывался на футбольном поле размером в 1000 квадратных километров – бескрайняя равнина, на которой лишь изредка встречались корова или одиночное дерево. Эта земля достаточно плодородна, что весьма важно, потому что в Аргентине есть и другие, менее богатые области, где проблемы с питанием не способствуют возвращению великих футболистов.

В Росарио вы найдете все – страсть, ожидания, надежды, грусть и неудовлетворенность. Вы многое узнаете о футболе, но, прежде всего, здесь вы обретете друзей, поймете важность единения людей и примете участие в событиях, рассказы о которых останутся с вами на всю жизнь. Общепринятый образ Аргентины неразрывно связан с футбольным мячом. Аргентинцы разыгрывают свои жизни: даже если, в конечном счете, это окажется не так, вас не покидает чувство, что здесь вы можете научиться выигрывать, а это помогает детям становиться лучше. Детский футбол – чистый, славный, искренний и неповторимый, несмотря на то, что и сюда неумолимо приближается рынок. Некоторые легендарные технические директора (вроде Гриффы) создавали футболистов не на продажу, а растили их, помогая стать цельными и гармоничными людьми.

Кике Домингес: Очень важно то, какой у вас дух соперничества, потому что совсем не весело – пропустить четыре мяча подряд. Гораздо приятнее забивать голы и выигрывать. Но прежде всего в конце игры вы должны показать, что это просто игра – дети должны обмениваться рукопожатиями и поздравить победителей, даже если вы проиграли со счетом 10:0. А если вы победили, необходимо поздравить проигравшую сторону, даже если они не

хотят пожать вам руку, – никаких проблем. Мы разворачиваемся и идем домой, потому что порой нам самим не хочется этого делать...

Хорхе Вальдано: Хорхе Гриффа был гуру футбольного обучения в Аргентине, клуб «Ньюэллс» поддерживал его идеи, благодаря чему их академия оказалась в первых рядах.

Кике Домингес: Именно в «Ньюэллсе» Лео получил знание о технике, отточил мастерство и выработал определенное отношение к победе. Я всегда говорил своим парням: мы идем на поле, чтобы побеждать. Счет может быть 1:0, но мы надеемся на 2:0, 3:0, 4:0... и так далее, пока рефери не решит прекратить игру. Были случаи, когда мы побеждали со счетом 10:0 и даже 15:0, и, конечно, бывало, что матчи доходили до той точки, когда мальчики из команды соперников больше не хотели играть. Тогда задавали предельный счет – 6:0, после чего игра прекращалась.

Хорхе Вальдано: Когда Гриффа ушел, в клубе все изменилось, начались серьезные злоупотребления: например, фанатичные болельщики становились *владельцами молодых игроков*. Одно это говорит о моральном банкротстве, постигшем клуб. К счастью, новое руководство клуба быстро исправило это недоразумение.

Эрнесто Веккьо: Возможно, стандарт «детского» футбола немного снизился, но это – следствие изменений в общественной жизни. Есть мальчики, отцы которых не могут оплатить занятия футболом. Да, это бывает. Дети сегодня тоже другие: более непослушные, они огрызаются и не слушаются. Раньше мальчишки были более управляемыми, теперь с ними намного труднее справиться. На конечный результат влияет отсутствие футбольных полей для занятий и современные технологии – дети предпочитают сидеть за компьютером и играть в PlayStation, а спорт их интересует все меньше и меньше. Это очень прискорбно.

Сцена вторая

На затемненной сцене появляются кадры видеофильма.

Восьмилетний Месси бьет с обеих ног, он почти никому не пасует мяч, демонстрируя дух соперничества в те моменты, когда по нему попадают. Когда его сбивают с ног, он сначала останавливается, а затем снова продолжает игру. Даже в этом он не похож на остальных ребят. Затем, на пятой минуте, наступает типичная для Росарио ситуация: Месси и остальным ребятам, которые только что выиграли, тренер велит подойти и утешить своих побитых противников. Лео бежит к юному сопернику, лежащему на земле, сожалея поражению его команды. Конечно, он делает то, что ему сказал тренер, но никто не приказывал ему бежать к игроку, опускаться на колени и подхватывать соперника, лежащего на земле. В этом возрасте еще нет лицемерия, заставляющего ребенка проявить ложное сострадание. Ребенок делает то, что чувствует. Это спорт в его самом чистом виде.

Персонажи просматривают газету «Ole». Один из них начинает громко читать вслух: «Лионель Месси совершенно уверен, что его будущее не лежит в области тренерской работы. Он не представляет себе, как он дает инструкции, сидя на скамейке. Однако когда он начинает говорить о футболе, все его реплики заканчиваются одним и тем же, подчеркивая основные и самые важные для него элементы: команда, которая постоянно атакует, отличная оборона, сильнейшее давление, чтобы вынудить противника выполнять длинные передачи, много голов. Очень много. «Барселона» под руководством Пепы? Нет: «Машина '87» – непобедимая команда, которая вошла в состав детских команд «Ньюэллса»: Легуизамон, Печче, Джанантонио, Казанова, Скалья, Гонсалес, Хименес, Руани, Мацция, Браво, Миро и многие другие».

Джерардо Григини: Мне кажется, что само словосочетание «Машина '87» возникло намного позже. Я не помню, чтобы нас так называли.

Диего Ровира: Команда «Ньюэллса», где играли дети 1987 года рождения. Команда Кике Домингеса, отца Себа, того, который играет центрального защитника в «Велесе». В воротах стоял Хуан Крус Легуизамон, который сейчас играет в «Central Córdoba». Под номером 5 играл Лукас Скалья – настоящий монстр. Его называли «Осьминог», сейчас он в колумбийском «Once Caldas». Россо – в «Брешии», Григини играл в Италии. Леандро Хименес и Леандро Бенитес впоследствии присоединились к «Риверу». А также Лео, Ронкалья и я. Все говорят: команда «Ньюэллса '87» была непобедима. В 1999 году мы выиграли все матчи и почти все – в 2000 году. Игры шли со счетом 8:0, 7:2. Мы сбились со счета, вспоминая победы.

Джерардо Григини: В Росарио много говорили о нашей группе, потому что там были Лео, Хуан Крус Легуизамон, Лукас Скалья – все они были очень хорошими игроками. Мы начинали на маленьких полях, командой в семь человек. Один Лео стоил трех или даже четырех игроков.

Диего Ровира: Линия нападения была просто великолепной: Лео, номер 10, Ронсалья – номер 7 – очень быстрый игрок, бьет великолепные поперечные пасы. Добавьте сюда Берхессио. Какой парень, какой потрясающий футболист! И центральный защитник, номер 9 – я.

Тот же самый человек, что и раньше (это мог быть кто угодно), снова начинает громко читать статью в «Ole»: «Команда действовала очень сплоченно, напоминая колонию рабочих муравьев, что позволило им максимально использовать свой потенциал. И Лео уже в восемь лет отличался тем, что именно он оказывался движущей силой этой хорошо смазанной машины».

Диего Ровира: В 1999 году мы выступали в трех турнирах и выиграли их все. Наша команда победила во всех матчах этих состязаний – во всех 45, по 15 в каждом турнире – с ума можно сойти! Было одно исключение – матч против «Росарио Сентраль», которая сумела дать нам отпор, хотя в ответном матче мы разбили их со счетом 4:0. В тот день они ни разу не сумели подойти близко к нашим воротам – редко какой команде удавалось оказаться рядом с ними.

Кике Домингес: Из Аргентины Лео вынес естественную для латиноамериканца технику, такую же, как у Неймара, Рональдиньо, Рикельме: умение так управлять своим телом, чтобы приспособить его к мячу и направлять его. «Ньюэллс» привил ему настрой на победу.

Леандро Бенитес (бывший юниор «NOB»): Он был настоящей сенсацией. Мы выходили на поле, и наши противники говорили: «Я не поставлю на него и двух песо», но когда он получал мяч, то сдирал с них шкуру.

Диего Ровира: Однажды одному из помощников Кике пришлось в голову поставить нас друг против друга – он решил, что это будет хорошей идеей. Одна половина «Ньюэллса» против второй половины. В первом полупериоде мы побеждали со счетом 3:0. Прекрасно. А во втором полупериоде? Четыре? Таким образом, вторая команда победила со счетом 4:3. Это было смешно. С Лео играть в футбол было просто смешно.

Эрнесто Веккьо: Он был настоящим чудом. Он был умен, у него был хороший короткий удар, и он умел играть, помогая своим товарищам по команде. Однажды на поле номер один в Мальвинасе вратарь передал ему мяч, и он двинулся от одних ворот к другим, после чего забил совершенно потрясающий гол. Вам ничего не нужно было ему показывать. Что вы можете показать Марадоне или Пеле? Единственное, что мог сделать тренер, это подправить небольшие дефекты.

Хуан Крус Легуизамон (бывший юниор в «NOB»): В Европе он стал известным после того гола, который забил в матче против «Хетафе», но для нас это было обычное явление – мы видели, как Лео забивал подобные голы как нечто само собой разумеющееся.

Диего Ровира: Лео... Я улыбаюсь, думая о тех чудесах, которые он вытворяет. Он настоящий монстр. Вот, например, пять голов, которые он забил в матче против «Байер Леверкузен»: кто еще мог бы забить пять голов в игре, уже не говоря о Лиге чемпионов? И как он делает его? Точно так же, как это было в «Ньюэллсе». С меньшим ускорением и эмоциями послабее, но точно так же.

Кике Домингес: У Лео была фантастическая координация для ребенка его возраста. Казалось, что мяч становится частью его тела. Если мяч идет высоко и нужно принять его головой, Лионель использует щеку, потому что знает, что это наилучший способ смягчить удар. Другой мальчик сначала примет мяч лбом, потому что знает, что это наиболее твердая часть головы и ею привычнее принимать удар. Почему Лео делает иначе? Потому что он не такой, как все.

Габриэль Дихероламо: Технически он был одарен так, как ни один другой мальчишка, которого я когда-либо видел. Он был так хорош, что приходилось менять его положение на поле много раз, чтобы он мог адаптироваться ко всем аспектам игры. Однажды я поставил его играть в качестве «свипера» – свободного защитника, и казалось, что он играл на этой позиции всю свою жизнь.

Кике Домингес: Я часто говорю, что не знаю, кто от кого большему научился – Лео от нас или мы от Лео.

Адриан Кориа (тренер, «NOB»): Они мне постоянно говорили: «Когда Лео играет, не надо тренировать команду».

Диего Ровира: Лео брал на себя несколько игроков и оставлял меня один на один. Так всегда происходило. Я должен был подготовиться, остановиться на последней линии наших противников и ждать: обязательно один на один. Если игра была сложная, что бывало нечасто, мы делали другой трюк. Легуизамон, вратарь, высматривал меня. «Фоли его мне!» – кричал Лео. Можете себе это представить: я был легкий и на голову выше соперников.

Хуан Крус Легуизамон: На одном из турниров организаторы собирались подарить нам по велосипеду каждому, если мы станем чемпионами. Мы добрались до финала, но матч начали без Лео – он просто не пришел, и мы проиграли первый период со счетом 1:0. Где он был? Лео опаздывал, потому что нечаянно закрылся дома в ванной, и ему пришлось разбить оконное стекло, чтобы выйти! Он приехал на стадион как раз ко второй половине матча, и мы победили со счетом 3:1 – все три гола забил Лео. Но, как я и говорил, мы сыграли миллионы игр. В нашей жизни было множество разных событий – мы жили вместе все детство.

Бруно Миланесио (бывший юниор в «NOB»): Помню, как я сказал своей бабушке, которая увидела, что я расстроен: Лео вывихнул лодыжку и не сможет играть на следующий день. Моя бабушка – хилер (народная целительница), она спросила имя больного мальчика. «Лео, Лео Месси» – сказал я ей. Она никогда не рассказывала мне, что именно сделала, к тому же я не хотел говорить Лео, что моя бабушка помогала ему. На следующий день Лео появился как ни в чем не бывало, отек на лодыжке прошел. Он принял участие в игре, и мы стали чемпионами. Несколько лет спустя я был в доме бабушки, и по телевизору показывали Месси, который играл за «Барселону». «Бабушка, помнишь его?» – спросил я. Она ответила, что не помнит. Я рассказал ей историю с лодыжкой. Теперь, когда она видит Месси по телевизору, она улыбается и хвастается: «Я однажды вылечила этого мальчика».

Джерардо Григини: Тогда нам не нужно было работать на команду, во всяком случае, особенно стараться для этого. Все было очень просто: мы должны были дать ему мяч, и дело сделано. Игра закончена. Он мог потерять его раз или два, но на третий и четвертый раз он забивал два гола. Гарантированно.

Анхель Руани (отец бывшего игрока «НОВ» Лули Руани): В это трудно поверить, но Лео действительно забил около 100 голов в сезон во всех играх, в которых мы принимали участие. Если принять во внимание факт, что он пришел в «Ньюэллс» в 1994-м, а ушел – в 2000 году, то получается более 500 голов за все время его пребывания в детской группе – это просто невероятно.

Адриан Кориа: Вероятно, Лео не знал тогда, что быть маленьким – это преимущество: вы можете лучше вести мяч и оказываетесь более проворным и быстрым, чем все остальные.

Кике Домингес: Он пасовал мяч, но не просто бил его в вашу сторону, а скорее поднимал, заставляя пару раз подскочить вверх от его пальцев ног, и лишь затем делал пас. Лео – это футбол в самом точном значении этого слова. Не одержимость деньгами, нет, футбол – ради удовольствия и наслаждения.

Джерардо Григини: На поле «Ньюэллса» директора попросили Лео пожонглировать мячом перед игрой или между периодами. В одном случае, в Мар-дель-Плате, он делал это перед игрой, и поклонники бросали ему монеты. Пятнадцать минут прошли, а он все еще не потерял контроль над мячом. По-моему, в Перу он выполнил до 1200 ударов. В то время ему было девять лет.

Франко Казанова (бывший юниор «НОВ»): Летом 1996 года, при прощании с легендарным игроком «Ньюэллса» и нынешним менеджером «Барселоны» Херардо Мартино, мальчишки из команды в перерыве между таймами выполнили круг почета. Они были признанными чемпионами. Внезапно они остановились в середине поля и вытолкнули Лео в центральный круг. Трибуны завопили: «Марадо, Марадо!!» – когда Лео начал чеканить мяч.

Нестор Розин (бывший директор «НОВ»): За каждые 100 ударов по мячу во время чеканки Лео получал мороженое, и однажды сделал больше тысячи ударов, потому что ему дали 10 мороженных.

Джерардо Григини: В 11 лет мы перешли от игры командами по семеро к игре командами по одиннадцать человек. Иногда играли в субботу – семерками, а в воскресенье – по 11 человек. Надо было привыкать. В игре против одиннадцати Лео выделялся еще сильнее – у него было больше пространства для игры. Он был очень быстрым и пролезал в такие зазоры, в которые явно не вписывался. Это было просто невероятно.

Адриан Кориа: Я играл с ним, находясь позади основного нападающего или, как это у нас называется, свободного, по тактической схеме 4–3 – 1–2.

Кике Домингес: Противники Лео пытались скрыть силу воздействия, которое он на них оказывал, но следили за ним взглядами с нескрываемым страхом. На детей в возрасте 10 или 11 лет он производил совершенно ошеломляющее впечатление.

Диего Ровира: Разговоры между защитниками противников были весьма примечательны:

– Мы не можем остановить этого мальчишку.

– Нет.

– Так что мы будем делать?

– Откуда я знаю? Разве тебе не говорили, что его просто нельзя остановить?

Они были правы. Однажды один из тренеров велел мне играть в обороне.

– Мама, они заставили меня играть в обороне, и к тому же я должен был следить за Лео! Мама, я даже не смог ухватить его за футболку, но я не собирался бить Лео.

Бедная моя мама. Она до сих пор вспоминает это.

Кике Домингес: Мы играли против «Morning Star», и их тренер подошел и спросил, не могу ли я увести Лео куда-нибудь во время перерыва? Конечно, я сказал «нет», потому что никогда не увел бы с поля Лео и вратаря Легуизамона.

Джерардо Григини: Однажды Лео выполнил пять обводок против одного игрока. Игрок бросился на землю и схватил его за ноги! Пять обводок одну за другой! И это при

росте метр сорок, в то время как рост его противника был метр семьдесят. Он так развлекался. Он не делал это ради хвастовства. Нет, нет. Никогда не было никакого хамства, ничего подобного. В лиге «Rosario», «Oriental», «Rio Negro» – в округе были команды, которым нравилось играть грубо, раздавая удары направо и налево, но это не касалось Лео. О нем злословили, ему пакостили, но Лео ничего не отвечал им, а все доказывал игрой.

Кике Домингес: Я видел игры между аргентинскими футбольными командами невысокого ранга, которые превращались в настоящие бои на поле. «Это ничего, если ты сумеешь провести мяч мимо меня, в следующий раз я тебя отделаю, и пусть даже меня удалят с поля, тебе не удастся повторить то же самое». Такое здесь часто происходит. Так поступали бы и с Лео, если бы он остался здесь еще на какое-то время. Одно из небольшого числа указаний, которые я давал ему, заключалось в том, чтобы быстро отдать мяч, потому что, когда он его держал долго, защитники готовы были на все, чтобы его остановить. Дети, выполняя инструкции старших, а порой и по собственной инициативе, в случае, когда не могли остановить Лео, а он обходил их раз за разом, толкали его и пинали сзади. Я всегда советовал: «Убедись, что до этого ты избавился от мяча». Но для Лео играть, удерживая мяч (эту манеру вы можете видеть и сегодня), было совершенно естественным. Помимо всего прочего, у него был очень хорошо наметанный глаз, так что он отлично видел, когда кто-то приближается к нему, чтобы ударить. Нередко они не могли даже приблизиться к нему.

Адриан Кориа: Грубое отношение разжигало боевой задор – чем больше противники наезжали на Лео, тем упорнее он стремился вперед.

Анхель Руани: Однажды на поле клуба «Адиур» мы, родители, рассердились, потому что соперники все время пинали Лео, и попросили, чтобы тренер Габриэль снял мальчика с игры. В другой раз, во время игры у дома Велеса Серсфелда, один мальчик очень жестко отбирал мяч, и Лео, неловко падая, повредил руку. Его матери и моей жене пришлось отвезти его в больницу.

Кике Домингес: Только рефери могли защитить Лео. Поскольку он никого не бил, не протестовал, не хватал игроков за футболки, не насмехался над противниками, его хотелось защитить. Он был просто крошечным, с маленьким личиком и озорной улыбкой, но при этом стопроцентным мастером с невероятной преданностью делу. Он бегал больше всех других игроков.

Джерардо Григини: Лео был очень сильным. Многие вешались на него, пытаясь свалиться, но он был достаточно силен, чтобы с ними справиться. Он падал, вставал, снова падал – и снова вставал. Невероятно. Если кто-либо из нас падал, то оставался на земле и чаще всего начинал жаловаться. Но только не Лео: он падал, но по-прежнему продолжал работать с мячом. Не знаю, откуда в нем это, таких, как он, – один на миллион.

Кике Домингес: Он никогда не жаловался, несмотря ни на что. Я заметил, что в то время, как другие мальчишки свободно стояли и ждали, когда им передадут их футболки, Лео был единственным, кто отворачивался, чтобы снять футболку, стараясь сделать так, чтобы его никто не видел, и надевал красно-черную футболку с номером 10. Я думал, что это было следствием смущения, но однажды я увидел его без футболки и был ошеломлен – грудная клетка была настолько впалой, что смотреть на его грудь было просто страшно. У него были проблемы с костями – они оказались очень хрупкими, однако я никогда не видел, чтобы он даже вздрогнул или как-то иначе показал, что ему больно.

Однажды он упал, и падение привело к перелому запястья со смещением. Лео не играл в следующих играх турнира, который мы раньше называли мини-чемпионатом мира, но в первый день соревнований мы увидели, что он несет маленькую сумку. Мы были заинтригованы, всем хотелось узнать, что в ней такое, и я спросил одну из матерей других игроков. Та ответила, что он принес с собой обувь и наголенники... Лео был готов играть, но еще 15 дней ходил с гипсовой повязкой. Он сказал: «Я знаю, если я буду нужен Кике, он введет

меня в игру». Я никогда не сделал бы этого, хотя в шутку спрашивал Лео, не хочет ли он сыграть во втором тайме. Несмотря на руку в гипсе, он с готовностью согласился. Я ни за что не стал бы вводить его в игру в таком состоянии. Снаружи это был хрупкий маленький мальчик, но внутри у него был очень прочный стержень.

Лео Месси однажды сказал: «Последний раз я чувствовал давление в то время, когда был футболистом «NOB», – мне было тогда восемь лет. С этого времени я двигаюсь в свое удовольствие». Когда он говорил это, ему было 23 года и он принял участие в двух финалах Лиги чемпионов, двух чемпионатах мира и финалах Кубка. Все было ерундой по сравнению с тем реальным давлением, которое он оставил на полях Росарио.

Гаццо (журналист): «Росарио Централь» и «Ньюэллс» играли в финале турнира, названного в честь моей радиопередачи «*Baby Gol*». Игра закончилась со счетом 2:2, а в ходе последующих пенальти ребята дошли до счета 22–22. В этот момент игрок «Росарио Централь» выполнил удар и промазал. Теперь все зависело от ноги Лео. Если бы он выиграл, то победителем турнира стал бы «Ньюэллс».

Кике Домингес: Однажды меня спросили, какое, на мой взгляд, самое важное качество Лео, и я ответил – его естественность. Все поведение Лео, с момента, когда он здоровается с вами и кажется очень сдержанным и необщительным, совершенно естественно. В 12 лет он заканчивал игру и обычно шел в дом друга Лукаса (кузена его жены Антонеллы), и там оставался на все выходные. Иногда по четвергам, после тренировки, он тоже шел туда, и порой проводил у Лукаса большую часть свободного времени! Само собой разумеется, его нынешняя жена тогда не обращала на него внимания. Сегодня он живет с этой женщиной, которую любил всю свою жизнь, и имеет от нее сына. Ему не нужно было устраивать пышную свадьбу, я вообще замечаю, что у Лео все происходит очень обычно, следуя естественному ходу событий. Национальная сборная Аргентины начала играть очень естественно, потому что они выходят на поле и выстраиваются в линию позади Лео. Моя мать, умершая три года назад, как-то сказала мне: «Знаешь, в чем различие между диктатором и лидером: диктатор навязывается, а лидер – тот, кого вы выбираете сами». И Лео, без криков, без какой-либо суеты, стал одним из тех, за кем следуют. Когда он забивал гол в «детском» футболе, все подходили, чтобы поздравить его, но когда гол забивал кто-то другой, он также подходил, чтобы обнять победителя. Мы говорим сейчас о Лео Месси, которому было 12 лет, а он уже был в Росарио кумиром, звездой, футбольным гигантом на юниорском уровне, каким сейчас является на мировой арене. Как правило, 12-летние ребята не могут действовать с такими рисками и выдерживать такое давление. Для него же способность забивать голы и бегать по полю с мячом, обходя всех противников, было совершенно естественным.

Гаццо: Турнир выиграл «Ньюэллс». Лео забил гол. Победный пенальти.

В январе 1996 года команда Лео выступала на международном турнире за Кубок Дружбы в Лиме. Это был его первый выезд за границу. Ему тогда было девять лет. Месси удивил всех своей способностью обрабатывать мяч, отличной техникой и взвешенностью. Уже в этом возрасте он сумел покорить мяч, сделать его послушным своей воле. Конечно, они выиграли соревнования. Им вручили приз в виде дельфина. Но ему пришлось пострадать ради того, чтобы играть в первом матче.

Габриэль Дихероламо: Когда мы добрались до аэропорта, там находились родители некоторых ребят из команды Перу. Каждая семья взяла одного из мальчиков – это было что-то вроде лотереи.

Кевин Мендес (сын семьи, в которую попал Лео): Однажды вечером он съел приготовленную на гриле курицу, и ему стало плохо. На следующий день он едва мог двигаться, а ему предстояло играть.

Габриэль Дихероламо: Лео почти плакал, так ему было плохо, у него имелись все симптомы обезвоживания.

Кевин Мендес: Когда Лео добрался до поля, он упал в обморок, и тренер сказал: «Вы занимаетесь игрой, а я отвезу Лео в больницу». Услышав это, мальчик вновь обрел самообладание.

Габриэль Дихероламо: Мы дали ему выпить изотонический раствор, и через полчаса он был на поле, выполняя чеканку.

Кевин Мендес: Он выпил лекарство и попросил разрешить играть. «Ньюэллс» выиграл со счетом 10:0, из которых Лео забил восемь – вряд ли кто-то сомневался, что он был самым лучшим игроком. Перед отъездом он подарил мне свою футболку.

Уильям Мендес (отец Кевина): На ужин мы пригласили Лео и еще одного мальчика из команды и попросили рассказать о своих целях. Ответ был прост: «Мы аргентинцы, и где бы мы ни были, сначала побеждаем, а затем возвращаемся домой».

Джерардо Григини: На поле, если мы пропускали мяч, Лео надувал губы. Он не хотел отдавать даже самой малости, всегда хотел выигрывать и ругался в случае провала, даже на футбольном поле. Если мы проигрывали, он преобразовывал свой гнев в способ выиграть – он забирал мяч и делал так, чтобы мы покидали поле победителями. Я помню несколько подобных случаев.

Адриан Кориа: Он был большим гордецом.

Джерардо Григини: Я очень хорошо помню турнир, который проходил в сельской местности. Мы отправились в Пухато и после 10 или 15 минут проигрывали со счетом 2:0. Лео сильно занервничал. Прошло всего восемь или девять минут, а он уже забил три гола. Вот так. На днях я смотрел игру, которую «Барселона» проиграла, и сказал себе: «Сукин сын, ты расстраиваешься!» Я узнал это выражение лица! Такое же, как и раньше! И тогда, как и прежде, за оставшиеся три или четыре минуты он забрал мяч и оказался лицом к лицу с вратарем. Почти ощущалось, что он говорит: «Черт побери, я это сделаю». За проигрыш он готов убить любого – в этом он просто невыносим!

Адриан Кориа: Ему было важно поставить точку. Если Лео проигрывал, это его мучило. На улице он любил собирать команды для игры в футбол. У каждого футболиста, достигшего вершины, вы обнаружите жажду успеха, стремление к славе.

Джерардо Григини: Мы проиграли чемпионат – турнир Артеага (что-то наподобие мини-Кубка мира, в котором участвуют игроки, достигшие 11-летнего возраста), и в этом была моя вина. Мы обыграли всех со счетом 8:0, 9:1 и так далее. Добрались до полуфиналов, где играли против команды местной лиги Росарио, с игроками, отобранными из восьми или девяти команд. Матч начался, их вратарь выбил мяч для атаки – в то время я играл на позиции центрального защитника, – но пробил мяч дальше, чем я думал, и я коснулся его головой, отдав форварду соперника, который бежал позади меня. Он забил гол, а потом они отрядили на оборону всю команду, и забить им хоть один мяч стало невозможно. Мы проиграли со счетом 1:0 в полуфинале. Лео был в ярости. Можете себе представить? Он не разговаривал со мной два или три дня. Он очень не любил проигрывать. Совершенно.

Кике Домингес: Наблюдая за командой 1987 года, у меня создалось впечатление, что Мацциа – форвард, который иногда играл с Лео, был до некоторой степени индивидуалистом. Я знал его недостаточно хорошо, чтобы сказать, что он в долгосрочной перспективе мог бы составить конкуренцию Лео, но, конечно, мог бы посостязаться с ним в таких аспектах, как техника и работа с мячом. Но мне пришлось расставить в команде свои приоритеты. Не лучшее сравнение, но Мацциа в команде был, как помятое яблоко в корзине. Мне было

нужно, чтобы Лео взял на себя нагрузку всей команды, а этот парнишка делал то же самое, но на другом уровне. Поэтому я перевел его в команду '87 В, так что, если бы он вырос и впечатление, что он способен обогнать Лео, оправдалось, то это стало бы проблемой для них обоих – пришлось бы разобраться между собой в следующем году на поле в игре двух команд по 11 человек. На этом этапе футбол становится менее эмоциональным и более жестким, никто не поздравляет друг друга – детство кончилось. И отцов нет рядом, чтобы защитить вас, и более того, не приветствуется, если отец начинает совать нос в игру, – это вызывает неодобрительные взгляды. Происходит естественный отбор – выживает тот, кто доходит до следующего уровня. Лео справился, Мацциа – нет.

Джерардо Григгини: Нападающие каждую игру завершали борьбой с Лео: все хотели забить больше голов. Ему нравится получать мяч, и если бы он мог, то играл бы двумя мячами: один для себя, а второй – для всех остальных! Если бы я мог проникнуть в его голову и понять, каким он был тогда, когда был с нами... Тренеры дали нам указание, от которого портилось настроение: Лео может делать то, что он хочет, и мы начали завидовать! «Почему он?» – спрашивали мы. «Отдайте ему мяч, – говорил Кория. – Пусть Лео сделает то, что он хотел. Это самый простой вариант».

Кике Домингес: На стадионе Мальвинаса мы всегда вели себя правильно: приветствие, объятие, поцелуй, рукопожатие. Так же, как со всеми. Но когда тренировка заканчивалась, Лео не хотел уходить домой, что мне очень нравилось. Временами нас просто заживо съедали комары, и отцы собирались в небольшие группки, в другие дни опускался густой туман, а Лео всегда хотел больше играть в футбол.

Клаудио Вивас (тренер, «NOB»): Когда мы играли матчи местного турнира, это происходило в Мальвинасе. За полем стояла маленькая открытая хижина, которую часто использовали для приготовления шашлыков, а рядом с ней стояло несколько столиков, где люди собирались, чтобы поесть, пообщаться, выпить. «Но, Лео, ты же не можешь играть здесь, где люди едят, ты же что-нибудь разобьешь...» – никакой реакции. Когда игра на поле заканчивалась, он продолжал, и его было не остановить. Иногда он просил отца отвести его на площадку подальше, через два земляных поля, чтобы он мог продолжать играть там с друзьями.

Адриан Кориа: Мяч в стену, и снова, и снова... Ему говорили: «Знаешь что, нам нравится эта стенка, мы за ней ухаживаем, мы красим ее, мы стараемся сделать так, чтобы она не пачкалась. Успокойся, скоро ты снова будешь играть, передохни». А он: «тук, тук, тук». Один из тренеров сказал мне: «Нет никакого способа остановить этого мальчишку, он проводит весь день за игрой, даже тогда, когда заходит солнце. И без света. И когда все спят».

Эрнесто Веккио: И даже если он болен. Однажды Лео вышел на поле Адиур после болезни, но непременно хотел играть. Я придержал его на скамейке. Мы проигрывали со счетом 1:0. Оставалось пять минут до конца, и я спросил Лео, не хочет ли он поиграть. Как только он ответил, что хочет, я попросил его пойти и выиграть матч. Излишне говорить, что мы победили.

Клаудио Вивас: Лео любит футбол: смотреть, как играют другие, и играть сам. Его семья жила недалеко от центрального стадиона Кордовы, и я обычно приходил и смотрел, как там играет один мой родственник. Я часто видел там Лео. «Central Córdoba», так же, как «Alavés» или «Eibar», – районные команды второго или даже третьего дивизиона.

Кике Домингес: В Академии были совершенно феноменальные игроки, просто бесподобные, но они застревают в низших дивизионах. Не состоялись. Лео уже в 12 лет был совершенно потрясающим игроком и остается им до сих пор. Этого очень трудно добиться. Жизнь подарила мне шанс тренировать трех совершенно фантастических игроков юного возраста: Макси Родригеса, «Билли» Родаса и Лео Месси. Самым невероятным потенциалом из них обладал «Билли».

Эрнесто Веккио: Родители Лео постоянно находились рядом с ним. Отец всегда стоял возле ворот: не говорил ни слова и не смешился с толпой других отцов.

Кике Домингес: Все остальные отцы относились к Лео, как к собственному сыну, он был братом ребятам не только моей команды, но и в любой другой, в которой он играл. Мама Лео предпочитала держаться вместе с другими матерями, но Хорхе, его отец, как правило, стоял в стороне и держался особняком.

Эрнесто Веккио: Мы отправились на турнир в Кантолао. Лео был в команде 1987 года. А членом команды 1986 года был Густаво «Билли» Родас, который впоследствии прославился тем, что в 16 лет дебютировал в первом дивизионе. Они были очень разными. Я с сожалением смотрю на сегодняшнее положение Родаса – по-моему, он играет в Перу, – мне грустно думать, что у него был необыкновенный талант, он мог бы достичь невероятных высот.

Кике Домингес: Я всегда говорю, что мое величайшее достоинство – и я всегда буду этим гордиться – умение бережно хранить и развивать то, что игроки получили от природы. Лео подобен произведению искусства, вышедшему из-под руки известного мастера: он не может не достичь высокого результата, это просто невозможно. Есть футболисты – и у нас есть пример величайшего в прошлом кумира – Диего, – которых сгубили пьянство, вечеринки, раздутое эго, ссоры... Лео не из таких.

Сцена третья

На темном экране мелькают следующие кадры.

<http://www.youtube.com/watch?v=uBPnpziMFOQ>

Лео десять лет. Товарищи по команде высматривают его. На нем футболка с красно-черным номером 10 во всю спину. Одним касанием он обрабатывает мяч, переигрывая вратаря. Лео не бьет по мячу, он скорее вкладывает его в ворота, а затем передает мяч за пределы этой области и входит в штрафную площадку, чтобы получить его назад от своего товарища по команде. Так же, как он неоднократно делал это раньше. И делает до сих пор. Позже, прямо после введения мяча в игру, он обходит одного, потом другого, затем третьего противника, а добравшись до края, бьет по мячу. На сей раз голкиперу удалось поймать мяч. Пришедший к Лео «кирпич» снова становится мячом, как только касается его левой ногой. Он разворачивает тело и забивает гол прострельным ударом. Затем он забивает другой гол после штрафного удара, один правой ногой, другой – левой. Отобрав мяч и обойдя несколько игроков противника, он посылает мяч высоко над головой вратаря. Он мчится, чтобы обнять товарищей по команде. Когда прозвучал финальный свисток, униженные противники подходят к нему, чтобы попросить сфотографироваться или выпол-

нить чеканку. Все останавливаются, чтобы посмотреть, как он доберется до ста ударов и больше.

Кике Домингес: Раньше мы разогревались с мячом на поле, поэтому когда ребята играли, то отдавали себе отчет, что видят перед собой мяч, а не «кирпич». Понимаете, что я имею в виду? Порой Лео проводил разминку. Я занимался бумагами, которые надо было подписать, и просил Лео занять мальчишек. Лео несся на поле. Если он двигал ногой определенным образом, все повторяли за ним это движение. Но ни я, ни он не заставляли игроков это делать – они делали так, потому что хотели скопировать его действия, Лео был эталоном, которому они хотели соответствовать. Все было совершенно естественно. Передо мной была картинка мамы-утки со своими утятами, которые всюду следуют за ней.

Джерардо Григгини: У нас не было одного лидера. В группе было около 16 человек, и многие были способны принимать решения. Конечно, мнение Лео и мое было довольно весомым, а также ценили Леандро Бенитеса и Лукаса. Был еще Хуан, который хотел быть лидером, но в детстве нередко происходят стычки, и хорошо, что ему не позволили им стать. Лео не был тираном, навязывая всем свои суждения, но, скорее, был тем самым лучшим футболистом, за которым люди были готовы следовать.

Адриан Кория: Обычно Лео выслушивал указания тренера с уважением. Он быстро все усваивал. Лео никогда не говорил «я разыгрываю мяч» и «я – лучший». Товарищи по команде любили его. Единственное, что не нравилось Месси, – упражнения, он любил играть. Один раз мне пришлось наказать Лео во время тренировок. Я не людоед и не армейский старшина, но мне всегда нравилось серьезное отношение к работе. Все выполняли упражнение, когда он начал играть с мячом. Я обратился к Лео несколько раз, но он игнорировал меня. В конце концов, я был вынужден сказать, чтобы он положил мяч и отправлялся домой. Десять минут спустя я увидел его с сумкой на спине – он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на поле. Мне стало грустно и больно смотреть на это. «Ты умчался, не поцеловав меня», – крикнул я ему. Он возвратился, поцеловал меня, и я отослал его назад в раздевалку, чтобы он снова подготовился к тренировке. Он был застенчивым мальчиком, но упрямым, однако это был единственный случай, когда мне пришлось поступить с ним подобным образом.

Кике Домингес: Вы видели таких игроков, которые пытаются сыграть «в стенку» (короткий пас – молниеносный рывок вперед – снова получение мяча) и продолжают бежать, хотя то, что возвращается к ним, больше похоже на кирпич, чем на мяч? Лео делал именно так. Многие остановились бы на полпути, если не получили мяч назад так, как им хотелось.

Эрнесто Веккьо: Солнечным субботним днем в Мальвинасе мы играли против «Пабло VI». Лео получил мяч от вратаря и с ускорением помчался прочь из нашей зоны, двигаясь мимо игроков и огибая вратаря соперников, который, пытаясь остановить его, упал и подвернул лодыжку. Мальчик издал крик боли, который Лео, похоже, услышал, и вместо того, чтобы забить мяч в пустые ворота, остановился, повернулся и не только пошел помочь ему, но привлек внимание судьи, чтобы пострадавший мог получить медицинскую помощь. Это мне понравилось.

Кике Домингес: Лео был довольно осмотрительным: не кричал, не был слишком экспансивным, даже когда выкидывал какой-нибудь номер. Однажды «Ньюэллс» выдал нам клубные свитера, абсолютно красные с небольшими белыми вставками по бокам. Лео подошел ко мне и сказал: «Что вы будете делать, разукрашенный, как Дед Мороз? Вы очень на него похожи». В то время мои объемы немного вышли из-под контроля, и ничего не помогло! Нахал!

Диего Ровира: Тогда мы взяли за правило перекусывать днем у меня дома. Скалья, Бенитес, Лео и я. Мы собирались, чтобы поиграть в «Нинтендо». Как же мы смеялись! Пока моя мать готовила нам еду, мы открывали ящики платяного шкафа в моей спальне и надевали европейские футбольные майки. Мой отец – врач, который ездил на конференции и всегда привозил мне футболку с эмблемой клуба: «Барселона», «Манчестер Юнайтед», «Реал Мадрида». Я никогда не носил их: они лежали просто как подарки. Два ящика, заполненные футболками. И перед тем, как начать играть в приставку, каждый из нас выбирал по футболке. Григини, например, надевал футболку «Реал Мадрида». Лео – «Барселоны» – ту, которую они выпустили к столетнему юбилею, – наполовину алая, наполовину – синяя. Футболка Ривалдо. Он всегда делал одно и то же: приходил ко мне домой и шел надевать футболку «Барселоны». Лео в одной из моих футболок – такой забавный – казалось, что он надел ночную рубашку.

– Точно, я надену эту, – сказал он мне после того, как все вернули футболки в ящик. Все, кроме Лео:

– Ну, давай, верни ее мне.

Он попросил меня, улыбаясь.

– Да?

Это была моя единственная футболка «Барселоны». Еще бы я отдал ее ему!

Джерардо Григини: Он говорит, что фанат «Ньюэллса», но когда мы были детьми, он увлекался «Ривером». Я был фанатом «Ривера», Лукас – «Ньюэллса», а Леандро – «Боки». Лео был фанатом Аймара, который в то время играл в «Ривере», и мы обычно смотрели все его матчи. Мы много времени проводили вместе, а в выходные дни, когда мы должны были играть, мы оставались в пансионе.

Нестор Розин: Чтобы игра ребят была лучше, у нас был пансион, где могли пожить мальчишки из отдаленных районов. Мы должны были быть уверены, что они хорошо поели и выспались.

Джерардо Григини: Лео, как бельчонок, спал на самой верхней койке, на третьем ярусе. Мы наслаждались жизнью, у нас была общая цель: хорошо провести время. В то время бутылка кока-колы стоила 1,25 песо. Это был 2000 год – проведение мини-чемпионата мира Arteaga, и мы провели около 20 дней, живя вместе в этом пансионе. Вечером предыдущего дня шел дождь, и всем хотелось выпить кока-колы, но ни у кого из нас не было денег. Это было время, когда в Аргентине только появились мойщики ветровых стекол у машин, стоящих на светофоре в ожидании, когда зажжется зеленый свет. Тогда мы и решили: «Пойдем мыть ветровые стекла! По крайней мере, получим немного мелочи». Лео решил измазаться грязью из придорожной канавы, и, когда люди выходили из супермаркета, он просил: «Монетку, сеньора?» Дама давала ему два песо. «Мелкую монетку, сеньора!» Полтора песо, два песо... В тот день мы купили 56 бутылок кока-колы!!! В будущем, когда у меня будут дети, я обязательно расскажу им, как мы дружили, как я играл и принимал участие в самых разных проделках вместе с лучшим в мире футболистом.

Кике Домингес: Я пообещал своему сыну Себастьяну, что, в случае его дебюта с любой командой – даже с «Бока» (хотя мое сердце навеки отдано «Риверу»), я отдам ему свой Ford Sierra. В тот же день, поскольку я был довольно сильно взволнован, я приехал на тренировку поздно. После я вышел из раздевалки и понял, что у меня нет ключей от машины Ford Sierra, которую я обещал сыну. Я забеспокоился и возвратился в раздевалку, но и там не мог найти ключи. В раздевалке меня встретили все ребята – они сидели тесной группой – Лео посередине, изображая, что он ведет машину, а она рвет с места. Ключи от Ford Sierra были у него в руке. «Вы их ищите, Дед Мороз?» – спросил Лео.

Джерардо Григини: В то время мы были так молоды, что не могли ходить на дискотеку. Поэтому договаривались с друзьями и приглашали девочек из нашего класса домой.

Например, если был мой день рождения, то я приглашал к себе всех товарищей по футбольной команде и школьных друзей, и мы старались соответствовать. Всегда приглашали трех кузин Лукаса: Антонеллу, которая стала женой Лео, Карлу – самую младшую и старшую Паулу. Лео всегда, даже когда ему было 10 или 11 лет, любил Антонеллу. Правда, в то время она не отвечала ему взаимностью. Я полагаю, что впоследствии Лукас внес свой вклад в их отношения, и они узнали друг друга лучше. На вечеринках Лео был застенчивым, замкнутым, и мы обычно говорили ему: «Давай, Лео, не упускай возможность! Почему ты не веселишься, как мы? Когда ты играешь в футбол, ты намного храбрее, парень!» Но он был застенчивым и продолжал сидеть где-нибудь в углу.

Озорство? Мы были спокойными детьми. Самая серьезная проделка, которую мы устраивали, это попрошайничество ради «кока-колы». Чаше мы встречались у кого-то дома и играли на PlayStation. Иногда ходили в гости к Лукасу, у которого дома было два поля для мини-футбола, и мы собирались там, чтобы поиграть.

Джерардо Григгини: Для меня было очевидно, что Леандро Бенитес, Лукас и Лео имеют все необходимые качества, чтобы играть в первом дивизионе. Однако я и представить себе не мог, что Лео станет лучшим в мире. «О чем ты мечтаешь?» – спрашивали мы друг у друга – мы постоянно говорили об этом. «Войти в первый дивизион», – всегда отвечал он. Он мечтал играть за «Ньюэллс». В его жизни произошли разные события, и Лео оказался в «Барселоне», но я думаю, что лет через пять, когда ему исполнится 30 лет, он вернется в родной клуб. Однажды Месси выиграл чемпионат мира – с божьей помощью мы выиграем следующий, – и он почувствует, что сделал то, что хотел. Он вернется домой. Во всяком случае, я так думаю.

Эрнесто Веккьо: Я всегда говорил, что у него огромное будущее, и я был прав. Мне бы очень хотелось, чтобы Родас достиг таких же успехов или Депетрис – парнишка с потрясающей техникой...

Адриан Кория: Я должен был некоторое время наблюдать за теми, кто собирался играть на большом поле командами по 11 человек. У Лео были проблемы с ростом. Никто в семье не мог заработать деньги, которые были необходимы для лечения, в котором он нуждался. Я обычно говорил Пепето (Роберто Пуппо, младший технический директор «Ньюэллса»): «У вас есть влияние и контакты, почему не попытаться помочь ему? Когда Лео станет лучшим игроком, чем Диего, он вернет вложенные в него деньги». Мне кажется, на инъекции было необходимо около 900 песо в месяц.

К счастью, у меня есть свидетели, которые могут подтвердить, что я нажимал на все рычаги. Они могут подтвердить, что, по моему мнению, он мог стать столь же великим игроком, как Диего. Иногда я напоминаю об этом Тата Мартино и другим своим друзьям, имеющим вес в мире футбола. Он, бесспорно, должен был стать яркой фигурой в мире футбола.

Акт второй

Сцена первая

На темной сцене демонстрируется следующее видео – реклама «Адидас», в которой звучит голос Лео.

<http://www.youtube.com/watch?v=hidTAhkEwZw>

«Когда мне было 11 лет, у меня обнаружили дефицит соматотропина – гормона роста, и было необходимо начать лечение, чтобы я смог вырасти. Каждый вечер мне нужно было делать укол в ногу, вечер за вечером, каждый день – в течение трех лет.

Я был таким маленьким, что в 11 лет я был размером с восьми-, девятилетнего ребенка, или даже еще меньше. Это было очень заметно на футбольном поле и на улице, когда я стоял рядом со своими друзьями.

Мне говорили, что я всегда был самым маленьким: в школе, на футбольном поле, во дворе. Я очень отличался от остальных ребят. Так продолжалось до тех пор, пока я не закончил лечение и начал расти, как все.

Я думаю, то, что я был меньше остальных, позволило мне быть немного быстрее и проворнее и помогло мне лучше играть в футбол.

Благодаря этому я понял, что то, что поначалу казалось плохим и уродливым, преобразовалось в нечто весьма позитивное, и я сумел достигнуть многого и стать тем, кто я есть сейчас, благодаря тяжелой работе и огромным усилиям».

Изображение, спроектированное на большой экран: две маленькие ножки в коротких брючках, небольшой контейнер, похожий на пенал, в котором спрятан шприц. Как мы объясним позже в этом акте, он будет собирать шприц, а затем вводить иглу в ногу. Экран темнеет. Снова включается свет. Он повторяет процедуру: инъекция в другую ногу. Тем временем мы слышим голос аргентинского мальчика, читающего отрывки из следующих интервью:

Лео Месси для *El Grafico*: «Я был меньше, чем остальные дети, но на поле это не было заметно. Люди, которые видели, как я делал себе укол, пугались, и им становилось плохо. Меня же это не беспокоило и не причиняло боли. Куда бы я ни шел, я брал с собой шприц в футляре и клал его прямо в холодильник, например, если шел в гости. Вечером я вынимал его и вкалывал иглу прямо себе в квадрицепс. И так каждый вечер. Один день – в одну ногу, на следующий день – в другую».

На сцене снова загораются огни, но тени темны и глубоки. Уже довольно поздно, и те, кто сейчас сидит за столами в Мальвинасе, остаются, чтобы выпить последнюю кружку пива.

Нестор Розин: Когда Лео перешел из мини-футбола в настоящий, мы заметили его отличие от остальных, потому что «Ньюэллс» был известен своими крепкими и упитанными игроками из сельской местности, а он был очень маленьким.

Джерардо Грини: Лео делал инъекции так, как будто это было совершенно естественно. Он никогда не объяснял мне, для чего это делается. Он приносил с собой маленькие

холодные коробочки, внутри которых лежали небольшие бутылочки с жидкостью. Устройство было похоже на карандаш с небольшой иглой и отверстием, куда он вставлял бутылочку, а затем вкалывал шприц в ногу. Неделя за неделей, каждый день. Перед сном. Семь дней в одну ногу, семь дней – в другую. Он делал это совершенно естественно, точно так же, как все остальное! Когда он заканчивал вводить лекарство, он вытаскивал иглу. При этом он не смотрел на нас так, как будто мы собирались расспросить его об этом. Когда мы жили в пансионе (приблизительно 16 ребят в возрасте около 11 лет), можете себе представить, как мы на это смотрели... Но мы не смеялись над ним и ничего не говорили об этом, ничего.

Хуан Крус Легуизамон: Если посмотреть на ноги Лео, то можно было увидеть, что они усеяны точечками проколов, но мы не знали точно, что это такое. Мы были детьми, а в этом возрасте многое остается незамеченным. Единственное, что нас интересовало, – игра.

Матиас Месси (брат Лео): Да, по правде говоря, семье было трудновато: дети не чувствовали это так сильно, потому что были очень молоды, но семья переживала.

Джерардо Григини: На тот уровень, которого достиг Лео, его привел талант и уверенность в своих силах. Думаю, что мало кто обладает такой силой духа в возрасте 10 или 11 лет, чтобы сказать: «Я сделаю это, потому что оно поможет мне в будущем». Он самостоятельно делал себе инъекцию перед тем, как лечь спать, потому что знал, что это должно реализовать мечту играть в первом дивизионе.

Лукас Скалья (лучший друг Лео, футболист): Он никогда не распространялся о том, что делает уколы.

Сцена вторая

Семья Месси решила проконсультироваться со специалистом, потому что они видели: в 10-летнем возрасте Лео был намного мельче, чем другие дети. Были сданы медицинские анализы.

Мы видим на сцене врачебный кабинет, расположенный в старом доме, который несколько лет назад выделил доктору Диего Шварцштайну его отец. Он находился на первом этаже, и идти туда надо было по изящной деревянной лестнице, подобной тем, которые строили сто лет назад. Кабинет представлял собой небольшую комнату площадью в три квадратных метра. Неподалеку от врачебного кабинета имелась небольшая приемная. Мы видим доктора Шварцштайна в белом халате – он ищет нужные ему бумаги в ящике небольшого письменного стола. И вот он начинает говорить и рассказывать о прошлом.

...таким образом, мне сказали, что этот мальчик – самый лучший, настоящий феномен, но ему необходимо подрасти. Время от времени, когда медики «Ньюэллса» видели в клубе спортсмена, привлечшего их внимание и нуждающегося в эндокринологе, они вызывали меня. Так получилось, что Лео и его мать оказались в моем врачебном кабинете.

По правде говоря, я помню лишь часть событий того времени, остальное мне пришлось воссоздавать лишь впоследствии, потому что я стал вынужден рассказывать историю лечения Лео многократно. Кроме интервью, мне были любопытны эти события самому. Впервые он приехал ко мне в мой день рождения – удивительное совпадение. Это было 31 января 1997 года, если я все помню правильно. Он пришел со своей мамой, и я объяснил, как объясняю всем мальчикам, что доктора не могут помочь всем, кто хочет вырасти, а только тем, у кого есть проблемы с ростом, останавливающие его естественный процесс. У медицины нет способов помочь человеку вырасти. Мы только можем узнать, есть ли у больного проблемы, которые останавливают рост, и когда находим их, то пытаемся помочь. Я предложил сделать некоторые анализы.

Ребенок, размеры которого продиктованы генами, может быть доволен этим или нет, но медики не будут ничего менять.

Я занимаюсь подобными объяснениями потому, что иногда пациенты ожидают, что доктор даст им волшебную таблетку, которая позволит им играть в NBA, но ее не существует. Я объясняю им это, чтобы они не обольщались, а затем начинаю обследование. Я сразу заметил, что Лео был очень замкнутым мальчиком, не застенчивым, а именно замкнутым. Мне показалось, что он – явный интроверт. Застенчивый – это человек с комплексами, чувствующий себя отделенным от других. Я не думаю, что Лео относится к таким людям, скорее, он скрытный и осторожный. Ему требовалось время, чтобы открыться, прежде чем он начинал доверять вам.

Но поскольку Лео так же, как и я, очень любил футбол, лед довольно быстро был сломан. Мы поговорили о футболе: кто был его кумиром, кто из игроков нравился, где он играл, и так далее. Очень скоро между нами установились хорошие отношения, и я понял, что для мальчика имеет значение только одно – он хочет стать футболистом.

Когда я объяснил ему, что мне необходимо выполнить довольно жесткое и несколько неприятное исследование, я думал, что это может заставить его нервничать, но он ответил только: «Я хочу играть в футбол». Самым важным для Лео была необходимость вырасти настолько, чтобы суметь стать футболистом.

В любом случае, определение диагноза оказалось достаточно утомительным мероприятием, но мы справились с задачей относительно быстро. В конце 1990-х годов мы не имели четкой технологии биохимической диагностики, поэтому исследование шло достаточно долго. Порой в Аргентине очень трудно заставить органы национального здравоохранения позволить провести подобное исследование. Если исследования действительно показывают недостаточность соматотропина, необходимо сдать новые анализы подтверждения, чтобы быть абсолютно уверенным в диагнозе. К тому же одним из элементов, которые мы используем при постановке диагноза, является скорость роста, а единственный способ определить этот параметр – измерить кого-то сегодня, а затем повторить процедуру несколько месяцев спустя. В результате уточнение диагноза обычно занимает три или четыре месяца. В случае Лео, если я не ошибаюсь, на это потребовалось полгода.

Действительно, ему не хватало соответствующего гормона. Можно было генетически создать именно тот состав, которого не хватало организму Лео, и вводить этот препарат под кожу один раз в день. Лечение состояло в том, что в организм вводилось извне то, что в нем отсутствовало. Организм Лео не вырабатывал необходимый ему гормон, и его пришлось получать искусственно. Это было довольно дорогое лечение, оно стоило около 1500\$ в месяц.

Я сказал, что ему придется делать себе уколы самому.

Доктор вынимает маленькую коробочку из шкафа, открывает ее и объясняет, что нужно будет делать.

Как он отреагировал? Я не помню. Полагаю, что он реагировал точно так же, как любой другой в аналогичной ситуации, потому что у меня в памяти не отложилось ничего необычного.

Шприц для таких инъекций похож на ручку, где вместо чернил заправляется соматотропин, а вместо пера – игла. Прежде всего я заправляю шприц, у которого есть регулятор, порцией препарата. Обычно в первый раз я делаю укол в своей операционной, а точнее, я помогаю пациентам делать укол, контролирую их, пока они не научатся делать это самостоятельно. Они могут делать укол в бедро, в живот, в руку. Это похоже на укол инсулина. Каждый выбирает себе тот участок тела, куда ему удобнее колоть, место, где укол причиняет

меньшую боль. В результате Лео предпочел делать себе укол в ноги, а не в какое-то другое место.

Когда я даю эти шприцы своим пациентам, то успокаиваю, что волноваться не о чем, боли они не почувствуют. А они спрашивают меня: правда? Это не больно? И я говорю, что, если я сам сделаю укол в то время, пока они будут смотреть куда-то в сторону, скорее всего, даже не заметят, что я это сделал. Комариный укус причиняет большую боль. Эта инъекция выполняется с помощью иглы, которую вы едва можете увидеть. Эти иглы ежедневно меняются, никогда не ломаются, и они очень короткие – сейчас их длина не более трех миллиметров.

Я встречаюсь со своими пациентами достаточно регулярно. На этапе определения диагноза за шесть месяцев я виделся с Лео четыре или пять раз, и потом один раз в три месяца. В результате у нас возникли доверительные отношения, и мы начали разговаривать на разнообразные темы. Ключевой темой был футбол – он нравился нам обоим: Лео играл за «Нью-эллс», а я был спонсором клуба. Я обычно спрашивал его: как дела? Кто тебя тренирует? Ты смотришь игры команды первого состава? Через некоторое время у нас возникли отношения, которые выходят за рамки медицинской тематики. Я продолжал интересоваться событиями в жизни Лео. Однажды он пришел на прием со своим отцом, и я спросил его: как чувствует себя мать? В следующий раз, когда он пришел с матерью, я спросил его: как дела у отца? Он подробно отвечал мне, мы продолжали болтать, а наши отношения становились все доверительнее. Таков мой стиль работы.

Лео все время говорил мне: «Больше всего я хочу играть в футбол».

Я всегда пытался объяснить мальчику – как и другим пациентам, – что лечение не имеет никакого отношения к тому, станет он футболистом или нет. Я занимаюсь проблемой дефицита роста. Если бы кто-то хотел стать таксистом, то ему пришлось бы пройти тот же курс лечения, если, конечно, человек не мечтает стать таксистом-коротышкой. Разница в том, что человек низкого роста вполне может стать таксистом, но ему будет очень трудно стать футболистом. Тем не менее прямой связи с лечением здесь нет. Лечение может помочь вырасти, а рост, в свою очередь, может помочь продвинуться в футболе. И все равно Лео был совершенно уверен, что это тот путь, по которому он хотел бы идти.

Я не помню ни одного случая, чтобы Лео плакал, даже в моем врачебном кабинете. Я убежден, что, если вы прямо спросите его о самых худших моментах в жизни, когда он страдал больше всего, и о том, что причиняет ему самую сильную боль, я ни на минуту не сомневаюсь, что он и не вспомнит о своем лечении. Я не помню, чтобы этот процесс стал для Лео особенно травмирующим переживанием.

Естественно, если вы скажете любому молодому человеку о том, что у него есть проблема, которую можно решить с помощью инъекций, вы получите два вида реакции. Во-первых, он будет рад, услышав, что проблема легко разрешима. Или если не легко, то, по крайней мере, решается. А затем, когда проблема с ростом исчезнет и пациент начнет расти, как обычно, то ему удалось справиться с ограничениями, которые накладывает на них болезнь. Это делает человека счастливым. Но когда вы говорите ему, что решение проблемы заключается в том, чтобы делать себе инъекции в течение последующих двух тысяч дней или... ну, я не знаю... трех-четырёх лет, это не очень обрадует. Но я не помню, чтобы реакция Лео выражалась в слезах.

Возможно, вы замечали, что хорошие футболисты не всегда выглядят, как атлеты: Криштиану Роналдо, который одновременно талантлив и массивен, – редкость. Обычно талантливые игроки довольно маленькие: Ортегита из Аргентины, который играл в «Валенсии», Марадона или Неймар – все они не крупные. Я думаю, что для того типа игры, который они демонстрируют, у них должен быть довольно низко расположенный центр тяжести, и они должны быть очень подвижными... Этим параметрам скорее соответствуют не крупные

люди, однако разве не талант Лео и его способность работать с мячом сделала его тем, кем он является в настоящее время?

Доктор собирает бумаги на рабочем столе. Снимает свой белый халат. Консультация закончена.

Иначе говоря, лечение Лео вообще не оказало никакого влияния на его эмоциональное развитие. Но совершенно ясно, – мой рост 170 см, – что время от времени вы оказываетесь в весьма невыгодном положении, находясь рядом с вашими более высокими друзьями. Дети часто дерутся, это нормально, но если вы маленький, то можете попасть под раздачу. Если вы высокий, вам легче преуспеть. У девочек то же самое. Когда вы очень маленькая, приходится нелегко. У Лео обнаружилась патология развития – у него не хватало соответствующего гормона. Он был ниже того роста, который считается нормальным, что могло привести к развитию определенных черт характера, в чем-то подавить его, выработать неуверенность. Другими словами, когда тело не накладывает на вас определенных ограничений, ваша личность будет развиваться естественно. Но если человек уже является интровертом, то нехватка роста только добавит ощущения неуверенности в себе.

Является ли этот препарат допингом? Соматотропин использовался в качестве добавки взрослыми, которые не нуждаются в нем по причинам медицинского характера, с целью получения спортивных преимуществ. Но следует дифференцировать лечение соматотропином взрослого, который в нем не нуждается и пытается получить некую выгоду, от лечения ребенка по жизненно важным показаниям. В первом случае важно помнить, что при приеме больших доз могут возникать очень серьезные негативные побочные эффекты. Лео в тот момент был девятилетним мальчиком, и я не думаю, что он мог когда-либо представить себе такой вариант. К тому же, если бы вы могли спросить его: когда тебе было девять, десять, одиннадцать лет, что ты видел во сне? Я не думаю, что ему снилось, как он становится лучшим в мире игроком. Полагаю, что это превышало самые смелые его мечты. Знаете, когда я был мальчиком, мне приснилось, что на мне футболка «Ньюэллса» с номером 9. Я забил победный гол, который помог нам выиграть лигу, а потом, как мне подарили футболку номер 9 команды Аргентины, и я забил победный гол на последней минуте финала чемпионата мира. Если вам все же удастся осуществить то, что вы видели во сне, придется признать, что это превышает ваши самые смелые мечты. Лечение, которое прошел Лео, не стало причиной того, что ему удалось осуществить свою мечту. Он был девятилетним мальчиком, который любил футбол, точно таким же, как 99 процентов девятилетних мальчишек в Аргентине. Если предположить, что сегодня в «Ньюэллсе» то же самое лечение предложат ста мальчикам в возрасте между 8 и 10 годами – а там найдутся сотни семей вроде семейства Месси, – то тогда, при условии его абсолютной успешности, клуб смог бы ежегодно производить с помощью соматотропина приблизительно 10 или 12 новых Месси!

У меня есть сын, и в 1997 году, в то время, когда я назначал Лео лечение, ему было три года. Если это лечение было бы способно превратить любого мальчишку в лучшего игрока в мире, я скорее назначил бы его своему сыну, а не Лео.

К тому же, если я правильно помню, лечение было прервано, когда Лео было 15 лет. Уже в Барселоне. Тамошние специалисты решили, что увеличение роста создает ненужное напряжение в организме Лео и приводит к проблемам с мышцами. Я полагаю, что это не имело к нему никакого отношения, потому что каждый ребенок с дефицитом гормонов роста вырастает меньшим, чем должен был бы. Когда же лечение восполняет этот дефицит и у ребенка больше нет недостатка этого необходимого ему гормона, он начинает расти самым обычным образом, так же, как и его сверстники.

Это объясняет, почему лечение не действует как допинг: дело в том, что если у кого-то наличествует дефицит гормона, он находится в невыгодном положении по сравнению со всеми остальными. Восполнение дефицита гормона, в котором он испытывает недостаток, означает лишь то, что в то время, когда он больше не находится в невыгодном положении по сравнению с прочими людьми, у него не возникает и каких-либо преимуществ. Иначе говоря, добавляя гормон, он получает преимущество, но не по сравнению со сверстниками, у которых этот гормон уже есть от природы.

Это, конечно, было довольно дорогое лечение. Благотворительная помощь, которую организовали Хорхе Месси и Общественное здравоохранение, приносило огромную пользу в течение длительного периода. Беда в том, что в стране в 2000 и 2001 годах вся социальная система была разрушена, и во многих случаях подобное лечение прерывалось, что приводило к неустойчивости ситуации. Возможно, в тот момент «Ньюэллс» мог бы что-то сделать.

Я никогда не видел, как Лео играет в футболке клуба «Ньюэллс». Надеюсь, что однажды увижу это. Я наблюдал за его игрой по телевизору и видел вживую, как он играет за сборную Аргентины. Возможно, однажды я увижу его в красно-черных цветах родного клуба. В те давние дни, когда у него были сомнения относительно того, станет он футболистом или нет, я сказал ему: «Не беспокойся, и ты сможешь посвятить мне один гол. Я скажу тебе, где сижу, а ты подойдешь и посвятишь мне гол». Так что когда я с ним встречаюсь, то говорю: «Ты должен мне гол, помнишь?» Ха! В футболке «Ньюэллса» на нашем поле.

Доктор выключает все лампы, кроме одной, стоит перед дверью с надписью «выход». Он надевает шляпу, потому что все доктора обязательно носят шляпы.

Когда-то Лео смотрел на меня, как будто хотел сказать: «Вот – лучший доктор» и глядел на меня снизу вверх. Сегодня я с трепетом смотрю на Лионеля Месси, как будто хочу сказать: «Вот – лучший футболист в мире».

(Слышится детский голос): «А я вырасту?»

«Ты станешь выше Марадоны. Не знаю, станешь ли ты лучше, чем он, но наверняка станешь выше него».

Именно так я ему и сказал.

Сцена третья

Слышится голос аргентинского радиокomentатора, возможно Гаццо, говорящего о «детском» футболе в «Ньюэллсе». На стене большими буквами, появляющимися по одной, возникают следующие надписи:

В 10 лет рост Лео составлял 1 метр 27 сантиметров. Задержка роста.

В 11 лет рост Лео составлял 1 метр 32 сантиметра, вес – 30 килограммов.

В 12 лет рост Лео составлял 1 метр 48 сантиметров, вес – 39 килограммов.

Сегодня рост Лео составляет 1 метр 69 сантиметров – на два сантиметра выше Марадоны.

Мать, отец и дети: три мальчика и одна девочка собираются за маленьким столом в небольшой комнате. Они разговаривают. Отец доминирует, хотя все остальные тоже участвуют в беседе.

На экране одного из тех громоздких телевизоров, которые можно еще было встретить в Аргентине в 2000 году, демонстрируется Аргентина в кризисе.

Внезапно все огни гаснут, кроме одного. Единственного, освещающего лицо отца семейства. Тот поворачивается к аудитории и отвечает на вопросы, задаваемые ему человеком с низким голосом и немецким акцентом.

Из интервью, которое Хорхе Месси дал журналу *Kicker*:

Kicker: У вас было много проблем, вами владели страх и неуверенность?

Хорхе Месси: Ну, в конце концов, у меня была работа в Asindag, и там все шло хорошо. Это была эра «один-за-один» (один песо эквивалентен одному доллару), и моя зарплата 1600 песо в месяц была вполне приемлемой. За исключением того, что лечение Лео стоило 900 песо – больше половины того, что я зарабатывал. Мои социальные пособия покрывали лечение только в течение двух лет, что означало – третий год будет очень трудным.

Kicker: Лео был необходим, по крайней мере, еще один год, как объяснил эндокринолог Диего Шварцштайн, отвечавший за лечение.

Хорхе Месси: Да, и при этом не стоит забывать, что государство нам не помогало. Представители социальной защиты никогда не звонили мне, а я никогда ничего не просил у них. Возможно, помощь пришла, если бы мне удалось поговорить с некоторыми высокопоставленными людьми, но я был обычным гражданином без связей.

Kicker: Однажды вы сказали: «Сегодня я бы не смог этого сделать».

Хорхе Месси: Мы рискнули всем, хотя на работе были готовы ждать меня и посмотреть, как все обернется в Испании. Но бесконечные поездки вселяли неуверенность, это было нелегко выдержать.

Kicker: Что говорили в клубе, когда вы решились на встречу с руководством?

Хорхе Месси: Когда мы возвратились в «Ньюэллс», мне сказали, что оплатят лечение Лео, но ничего не сделали. Мы обсуждали этот момент много раз, и складывалось впечатление, что я пришел клянчить у них деньги. Они дали мне 400 песо, и больше ничего. Я считаю, что нас подвел не клуб, а люди, которые возглавляли его в то время.

Kicker: Короче говоря, если бы аргентинский клуб оплатил лечение, то Лионель не уехал бы из страны?

Хорхе Месси: Если бы они заплатили, то, естественно, сын остался в «Ньюэллсе».

Kicker: А что Лео думал по этому поводу?

Хорхе Месси: Он стремился уехать.

Огни гаснут.

Сцена четвертая

Серхио Левински, писатель, социолог и журналист, обращается со сцены к аудитории. На стене за его спиной проецируются изображения Аргентины в 1999, 2000 и 2001 годах: мы видим молодежь, играющую в футбол, стариков, пытающихся вытребовать у закрывающихся банков свои деньги, сердитых фанатов – самые разные картинки, связанные с темами, которые затрагивает Серхио.

Как пишут в книге «Детство с футболом» Сандра Коммиссо и Карлос Бенитес: «Одно дело – иметь мальчика, которому нравится футбол и который хорошо в него играет, и совсем другое – создать звезду спорта со всеми вытекающими последствиями». Введение к этой книге написал покойный юморист и настоящий гений Роберто Фонтанарроса – один из величайших рассказчиков современной Аргентины, который родился, как и Лионель Месси, в Росарио.

Книга разделена на семь глав, в одной из которых авторы делятся советами, как организовать и провести юниорскую тренировку, как избежать ошибок и улучшить физическую

форму каждого ребенка, помня о том, что футбол стал бизнесом, в котором на детей оказывают давление родители, тренеры и агенты. В результате игра перестает быть удовольствием и становится псевдопрофессиональной обязанностью.

В своей вводной части Фонтэнарроса пишет, несколько оправдываясь: «Никто не имеет права разбивать мечты ребенка». Он задается вопросом – этично ли, что ребенок, которому всего 10 лет, должен взять на себя бремя кормильца семьи, играя в футбол.

В течение многих лет и до настоящего времени, особенно в двадцать первом веке, социально-экономический крах значительной части аргентинского населения (предположительно около четверти из 40 миллионов человек, согласно последней национальной переписи населения, проводившейся в 2011 году) принудил их делать карьеру в футболе, поскольку это был их единственный способ спастись.

Как мы дошли до этого? С одной стороны, следует понимать, что в период с 1999 по 2001 год Аргентина доживала последние годы плана экономического развития, который затянулся на четверть века. Он был разработан финансовыми олигархами и поддержан церковными властями. Этот период последовал за кровавым государственным переворотом, в результате которого с 24 марта 1976 года и до наших дней бесследно исчезло в общей сложности 30 000 человек.

План экономического развития предусматривал заем денег у североамериканских банков под очень высокие процентные ставки. То же самое сделала и остальная часть Южной Америки. В конце концов, страна оказалась должна столько, что это означало полное банкротство, при этом финансовую составляющую стали проверять серьезные международные организации, например Международный валютный фонд (МВФ).

В последнюю неделю 2001 года левоцентристский правительственный альянс Фернандо де ла Руа пал. Аргентинский народ, возмущенный многими годами финансовой некомпетентности, потребовал, чтобы представители этого блока ушли из власти, в итоге за неделю в стране сменилось пять глав правительства. В начале 2002 года правящий класс решил привести к власти, минуя выборы, сильного перониста (перонизм – идеология, связанная с политикой президента Хуана Перона) Эдуардо Дуальде.

Страна попала в ловушку, заблудившись между «*corralito*» – мерами, подразумевающими замораживание экономики, и «*corralón*» – политикой дестабилизации национальной валюты.

Перед кризисом крупные иностранные банки отозвали все свои фонды из страны, чтобы было невозможно забрать доллары – валюту, которую предпочитали аргентинцы, не доверяя собственной, чем усугубили положение. Был установлен невероятно низкий лимит суммы, которую можно было снять в банкомате.

В ходе возникшего хаоса были объявлены «банковские каникулы», когда определили паритет между долларом и песо. Когда, несколько дней спустя, банки вновь открылись, доллар стоил в три раза дороже. Внезапно многие люди обнаружили, что ценность их сбережений уменьшилась на две трети, и они ничего не могут с этим поделать.

Другими словами, банки ограбили людей. Это привело к манифестациям: пенсионеры разбивали окна банков молотками и палками. Естественно, вся уверенность в аргентинской банковской системе испарилась.

В это время, когда в государстве не было нормального обращения денег, правительство прибегло к политике печатания «пестрых бумажек» – ваучеров, которые в различных областях страны носили различные названия: «Patacones», «Lecor», «Lecor» или «доллар Тукумано». Они котируются ниже, чем песо, но некоторые фирмы принимали многие из этих ваучеров, так же, как доллары, песо и все виды кредитных карточек. Многие люди все еще помнят пустые обещания Дуальде о том, что те, у кого имелись долларовые счета, «получат доллары», а те, у кого были счета в песо, «получат песо».

Именно в тот период в начале двадцать первого века, в самые худшие моменты кризиса, который когда-либо испытывала Аргентина, футбол, всегда остававшийся любимым спортом аргентинцев, стал бизнесом.

Триумфы аргентинских команд в эти годы явились демонстрацией жизненного успеха, которого мог добиться любой представитель обанкротившихся классов общества, ежедневно сбиваемых с ног различными испытаниями, которые подбрасывает им жизнь. Для многих людей единственной надеждой в то время была возможность одному из членов семьи стать профессиональным футболистом и «спасти» свою семью от финансового краха. В те времена говаривали: «я – это я и мой американский дядя» (*yo soy yo y mi tío de América*). Аргентинцам помогали те счастливицы, которые преуспели и сумели устроиться зарабатывать деньги за границей.

Это было совершенно невероятное зрелище: огромные толпы безработных или просто отчаявшихся людей на трибунах во время игры первого дивизиона кричат «неудачник, барахло!» игроку только за то, что он потерпел неудачу в Европе, хотя следует иметь в виду, что именно этот крик символизировал. В девяностые годы все мы приняли участие в посеве семян жадности в душах наших детей. В то время заявление президента Карлоса Менема о том, что власть обеспечивает привилегию «жить без колебаний и угрызений совести», стало модной идеологией. Эта идеология проникла в футбол и проявилась в играх. В 2000 году мы пассивно наблюдали за игрой молодых профессионалов, которые страдали от ужасных оскорблений и брани со стороны своих родителей во время тренировок и на матчах. Игроки судорожно пытались подписать свои первые контракты с известными фирмами типа «Nike», агенты старались отыскать будущие таланты, а первые неудачи порождали у юных спортсменов неуверенность в себе.

Именно поэтому возрос уровень инцидентов в «детском» футболе, когда отцы набрасывались с кулаками на тренеров и рефери, клубы крали друг у друга игроков, на играх приходилось вызывать наряды полицейских, а боссы использовали в своих интересах тревогу, снедающую многие семьи.

В таких условиях стала обыденной ситуация, когда дети или юноши, спонсируемые крупными организациями, становились кормильцами всей семьи. В значительной степени это было вызвано тем давлением, которое оказывали на них родственники.

Некоторым из этих детей повезло встретить тех немногих великолепных тренеров, у которых на первом месте стояло беспокойство за их благополучие. Одним из таких тренеров был Карлос Тимотео Григоль, создавший в восьмидесятые годы весьма влиятельный «Ferro Carril Oeste», а в девяностые – «Gimnasia» и «Esgrima la Plata». «Он советовал нам купить дом, получив первый большой гонорар, и просто сходил с ума, если видел, как мы проносимся на автомобиле последней модели», – нередко вспоминают его бывшие игроки. Григоль был первым, кто настоял, поставив это условием игры в составе команды, чтобы игроки получали только хорошие оценки за учебу – это было нечто совершенно необычное. Кике Домингес и Эрнесто Веккьо также были в числе тех тренеров, которые выказывали подобную заботу и внимание о своих подопечных.

В начале восьмидесятых Диего Марадона стал основным примером такого молодого человека, который мог позволить себе содержать огромную семью. Клуб «Argentinos Juniors» купил ему дом, чтобы Диего вырвался из трущоб. В арендованном доме в Барселоне, куда Марадона переехал в 1982 году, он жил со своей невестой Клодией и множеством друзей, а также регулярно отсылал серьезные суммы родственникам.

В таких условиях оказалась семья Месси в 2000 году, столкнувшись с проблемой дефицита гормона роста у Лионеля. Было ясно, что без достаточного количества денег для оплаты лечения его рост останется недостаточным. Семья верила в его таланты, но когда «Ньюэллс» отказался платить за Лео, им пришлось взять дело в свои руки – как и тысяче других семей в

стране. Они поняли, что стоит рискнуть и обеспечить сыну возможность пойти в его любимом виде спорта так далеко, как он только сможет.

Так семья Месси, со всей решительностью, собрав все свои душевные силы, решила принять участие в приключении.

Сцена пятая

В начале двадцать первого века произошел массовый исход аргентинских футболистов – они пересекали Атлантику, чтобы реализовать свои мечты. Во время кризиса футбольные школы по всей стране стали настоящими питомниками талантов. Футболисты становились имущественным и часто основным источником доходов клубов – учреждений, которые часто работали на директоров и хозяев. Таким образом, отъезд футболистов из страны стал нормой и только усугублялся в течение всего первого десятилетия двадцать первого столетия. В период с 2009 по 2010 год из Аргентины выехало почти 2000 футболистов – больше, чем из Бразилии, страны, которая исторически была продавцом футболистов номер один.

Мы находимся в кафе с высоким потолком. Люди сидят за столиками, пьют кофе. В углу стоит старый телевизор, по которому показывают тот же самый оживленный семейный разговор, который мы видели ранее, но без звука. С одной стороны сцены – большое стеклянное окно. Снаружи идет дождь.

Доктор Шварцштайн (эндокринолог): В те времена Аргентина стала страной, из которой старались уехать. Фактически, между 2000 и 2003 годом резко увеличилось число аргентинцев, прибывших в Испанию на заработки.

Лиана Грабин (спортивный психолог): Нас просто «выбросили» из страны. Даже моя дочь уехала, она отправилась в США. Это был полный крах.

Серхио Левински (социолог): Хорхе Месси работал на фабрике Asindar, в компании, принадлежащей государству. Поскольку страна оказалась в столь печальном состоянии, рабочие беспокоились о своем будущем. Полагаю, что его отец учел все это и, видя, что у Лео есть талант футболиста, решил сделать ставку на его будущее.

Лиана Грабин: То, что сделала семья Месси, было очень мужественным поступком. Они отказались от той судьбы, которую им готовили, сошли с пути, по которому пошло большинство людей. Вместо этого они сказали: «Я могу построить новую жизнь в другом месте, веря в лучшее будущее». Множество людей на их месте сказало бы: «Я никуда отсюда не поеду, я боюсь, безопаснее остаться на месте». Смелые уехали, и их предвидение будущего, способности и таланты позволили преуспеть на новом месте. Но не все люди способны на такое.

Серхио Левински: За последние несколько лет прошло три волны эмиграции аргентинцев. Первая – «Ночь длинных дубинок» (1966), когда страну покидали главным образом ученые. Этот период также получил название «Мильтейн», по имени ученого Сезара Мильтейна, получившего в 1984 году Нобелевскую премию по медицине. Он жил в Лондоне, и когда правительство предложило ему вернуться, это предложение запоздало. Второе поколение изгнанников уезжало главным образом по политическим мотивам – это произошло во время военной диктатуры, установившейся в 1976 году. Примером таких бежавших может быть журналист Эрнесто Экайзер. Третья волна – о которой мы сейчас говорим – 2000–2001 годы – экономическая эмиграция, в которую попала и семья Месси.

Лиана Грабин: Аргентина выгоняет из страны людей каждые 10–15 лет. Земля, на которую наши бабушки и дедушки приехали, чтобы постараться заработать состояние,

сегодня окончательно стала землей изгнания – уже два или даже три поколения живут при плохих правительствах, которые заставляют очень многих мечтать о возвращении в Европу.

Федерико Вайро (наблюдатель при испытаниях в «Ривер Плейт»): Я обычно ходил по Росарио, высматривая молодых игроков, которых здесь было много. Один мой друг пригласил меня посмотреть на Месси. Я решил, что он очень маленький. Его отец сказал мне, что он хотел бы, чтобы я посмотрел на него: ему было почти 12 лет, а я проводил тестирование 16-летних. Я сказал ему об этом, но отец Лео заявил, что его сын привык играть с мальчиками старше себя.

Эдуардо Абраамьян (бывший директор «Ривер», ныне покойный): Шел 2000 год. Месси было 12 лет, и его родители привели его в «Ривер» вместе с другим мальчиком по фамилии Хименес, с которым он играл в нападении в «Ньюэллсе». В первый же день, когда я увидел Лео, был поражен и позвонил Делему, который был техническим директором юниоров, чтобы тот тоже пришел посмотреть на него.

Леандро Хименес (бывший игрок): Мы вместе приехали на пробы. Мы ехали отдельно, на машине Федерико Вайро, а наши родители отдельно, на машине Хорхе Месси. Мы были очень напряжены: нас ждала проба в «Ривере»! Я был так возбужден, что даже забыл дома свои ботинки. К счастью, мой отец должен был приехать немного позже, так что он смог привезти их мне. С самого начала мы были просто шокированы, когда слышали, как тренер кричал на игроков «Ривера»: «Эти идиоты приехали, чтобы занять ваши места, так позаботьтесь о том, чтобы забить их на корню!»

На телевизионном экране показывают программу Informe Robinson о Месси. Кто-то кричит: «Смотрите, это – Хорхе Месси!» Все поворачиваются к экрану и слушают Хорхе.

Хорхе Месси (для *Informe Robinson*): Он встал в шеренгу футболистов, которые пришли на пробы, тренеры посмотрели на него и, видя, насколько он маленький, велели встать в конец. Мальчики начали выходить на поле для испытаний, Лео был последним, так что тренеры не позвали его. Я стоял у проволочной ограды и подсказывал, чтобы Лео не отвлекался и следил за очередью. Абсолютно ничто не происходило до тех пор, пока ответственный за проведение испытаний не повернулся к нему и не спросил: «Ты где играешь?» Лео ответил: «Позади основного нападающего». Тот велел Лео играть. Прошло две или три минуты, пока сын не получил мяч и не сделал то, что делал всегда.

Леандро Хименес: Когда он двинулся вперед, то первым делом пробросил мяч между ног центрального защитника противника, который был приблизительно двухметрового роста. А через секунду сделал это снова.

Хорхе Месси: Ответственный за испытания посмотрел на него вот так: [делает удивленное лицо] и спросил: «Кто его отец?» Тогда я обернулся и произнес: «Я». Он сказал: «Мы хотим взять мальчика». Лео лишь дважды коснулся мяча! Просто сделал несколько обманных движений, а затем попытался забить гол, вынудив голкипера спасти ворота. Они спросили меня, могу ли я отдать сына «Риверу». Я ответил, что Лео играет за «Ньюэллс», но если они готовы взять на себя переговоры о переходе в клуб «Ривер», то проблем не возникнет. Ответственный сотрудник «Ривера» заявил, что в таком случае они отказываются, потому что «Ньюэллс» будет просить за Лео деньги. Так или иначе, но процесс внезапно затормозился.

Леандро Хименес: Абраамьян попросил нас приехать еще раз во вторник. В тот день он ввел нас обоих в игру. Мы играли против группы мальчиков, которые также пришли туда для испытаний...

Федерико Вайро: Через десять минут я отозвал Лео, и он подумал, что я решил отчитать его за обход всех соперников. Но я сказал ему: «Не отдавай мяч никому, и если ты увидишь на своем пути меня, обходи и меня тоже».

Леандро Хименес: Мы выиграли со счетом где-то 15:0. Лео забил приблизительно десять голов. Абраамьян объявил, что они хотели бы заключить с нами контракт.

Федерико Вайро: Игра маленького Месси была достаточной гарантией того, что он сможет стать игроком «Ривер Плейт». Но в отделе юношеского спорта сочли, что он слишком маленький. Кроме того, мы должны были найти для него жилье, чего мы никогда не делали для юниоров.

Леандро Хименес: Перед тем, как вернуться в Росарио, и прежде, чем мы узнали, станем мы игроками «Ривера» или нет, Месси очень волновался: ему было всего 12 лет, а контракты с клубом были разрешены только достигшим 13-летия. «Как думаешь, я останусь с вами?» – спросил меня Лео. Мы уже решили, что если я поеду в Буэнос-Айрес, чтобы стать футболистом «Ривера», то буду жить с бабушкой и дедушкой. У Лео в столице никого не было. Я сказал, что он может приехать и жить со мной. Тем не менее, оказавшись в автомобиле, мы поспорили: Вайро ехал впереди со своим помощником, а сзади – Месси, еще один мальчик из Росарио и я. Я не помню имени того парня и больше его никогда не видел. Ни Лео, ни я не хотели сидеть посередине, Лео удалось сесть у окна. Я сильно разозлился и сказал ему: «Прекрасно, садись у окна, но тогда найди себе дом в Буэнос-Айресе». Тогда Лео посмотрел на другого мальчика и, несмотря на то, что видел того первый раз в жизни, попросил: «Тогда я останусь в Буэнос-Айресе с тобой, ладно?»

Несколько дней спустя я пожалел о своих словах, но Месси уже не было. Через своего отца, который поговорил с Хорхе, я узнал, что Лео не приедет в «Ривер», а причину они не сказали.

Федерико Вайро: Я настаивал, разговаривая с сотрудниками юниорского футбольного отдела, но они отвечали, что «Ривер» вряд ли понесет большой ущерб от потери этого малыша. Я убеждал, что это нечто исключительное, смесь Сивори и Марадоны, но они не обратили внимания на мои слова. Я думаю, что дело было в том, что группа бывших игроков клуба имела свои интересы в клубе «Ренато Чезарини», откуда взяли игроков больше, чем из «Ньюэллса». Полагаю, именно поэтому Месси не оставили в клубе.

Хорхе Месси повел Лео на пробы, чтобы оказать давление на «Ньюэллс», обещавший обеспечить лечение сына. Ему уже десятки раз приходилось идти и добывать необходимые деньги, и из необходимых 900 песо они дали ему только 400. Это было оскорбительно. В результате он решил отправиться в Буэнос-Айрес и посмотреть, что скажет на это «Ньюэллс». Когда директора клуба узнали, что Месси отправились в столицу, Алмирон, отвечавший в то время за «детский» футбол в Мальвинасе, пошел на переговоры. Вместе с тренером они просили Хорхе не забирать Лео из «Ньюэллса», заявив, что будут платить за лечение и все уладят. В результате семья Месси вернулась, снова вечер за вечером ожидая того, что им было обещано. Иногда они не могли поймать Алмирона, в других случаях у него не было денег для них. «Почему мы должны выносить это?» – спрашивали себя Месси.

Сцена шестая

Мы видим только маленький стол и телефон. С левой стороны сцены снова появляется отец семьи, которого мы раньше видели на экране телевизора. Он выглядит так, как будто на него упала бомба: человек понял, что не может справиться с проблемами своей семьи. Его сын, талантливый футболист, не может продолжать играть в собственной стране.

Он целыми неделями обсуждал это со своей женой, Селией, и с сыновьями, но они так и не смогли прийти к какому-то решению. Мечта об отъезде решала две проблемы: Лео мог стать футболистом, а семья надеялась улучшить свою жизнь теперь, когда экономический кризис в стране значительно уменьшил их доход. Хорхе боялся окончательного решения, семья обсуждала этот вопрос за ужином вечер за вечером. Но решение стало неизбежным: дорога семьи Месси уводила их из родного дома. Если кто-то готов понести расходы по лечению Лео и позаботиться о нем, отнесется к нему с добротой, то за этот клуб он будет играть все последующие игры и там проведет следующие годы жизни. Был разговор об Италии (но Лео никогда не проходил испытания в «Комо», как утверждал один из директоров итальянского клуба, наделенный слишком живым воображением), эта возможность также обсуждалась.

После испытания в «Ривере» посредники, связанные с престижным каталонским агентом Хосепом Марией Мингельей – представляющим многих игроков «Барселоны», вошли в контакт с отцом Лео.

Хорхе смотрит на их визитную карточку.

И поднимает трубку.

Глава 3

До свидания, Лео

«Кто это?» – спросил Карлес Решак, когда, пообедав и совершив неторопливую прогулку, он появился на трибуне, где несколько тренеров «Барселоны» следили за игрой. Это был риторический вопрос. Мальчик с мячом, как будто прилипшим к его ноге, с великолепной скоростью и мастерским умением обходить противников, вероятно, и был тем самым аргентинцем, которого пробовали в игре против более высоких мальчиков старшего возраста. Мигели и Рифе ответили Карлесу в унисон, не отводя взгляд от поля: «Месси».

– Черт побери, мы должны немедленно заключить с ним контракт!

Карлес хотел заключить контракт с ним немедленно: «Он был здесь в течение пятнадцати дней, и это на четырнадцать больше, чем нужно. Если бы марсианин проходил мимо и посмотрел на него, то и он понял бы, что это – нечто невероятное». Это было 2 октября 2000 года.

На следующий день Хорхе и Лео возвратились в Аргентину. «Не волнуйтесь, мы все уладим, и вы сможете возвратиться, когда начнется сезон. Или еще раньше», – пообещал Карлес. Но не все было так радужно.

Лео был иностранцем, и поэтому не имел права участвовать в национальных соревнованиях.

Лео был маленьким, как игрушечный футболист.

Лео было всего 13 лет.

«Барселона» должна была найти работу его отцу в соответствии с инструкциями ФИФА.

В тот момент в клубе возникли проблемы с основным составом, а это было приоритетным направлением развития «Барселоны».

Клуб должен был предложить Месси лучший контракт, чем обычно получают юниоры.

«Когда он станет суперзвездой – если станет, – нас здесь уже не будет», – сказал один из директоров.

Едва ли кто-то готов рискнуть.

«Вы действительно думаете, что он стоит связанных с ним проблем, Карлес?»

Этот вопрос задал Решаку президент клуба Жоан Гаспар.

Тем временем, несколько недель спустя, в Росарио все еще ждали ответа.

Ждал подросток, который все еще играл за юниорскую команду «Ньюэллса».

Ждал его отец, не уверенный, как правильно поступить с настоящей и будущей работой.

Ждала его семья, не зная, следует им паковать сумки и оставлять привычную жизнь или нет.

Прошел месяц.

Несмотря на то, что было принято решение о том, что столь рано проявившемуся таланту этого мальчика следует позволить расцвести в идеальной атмосфере, часы складывались в дни, дни – в недели, все напряженно следили за временем... и ждали.

Прошел еще месяц. Наступил декабрь.

Они сделали анализ мочи. Разве он им не понравился? Разве они не обещали? В то время электронные письма и факсы не использовались так же часто, как сегодня. Телефон звонил редко.

В результате «Барселона» получила ультиматум: или контракт будет подписан прямо сейчас, или мальчик будет строить свое будущее в другом месте. Привлекательных предложений поступило несколько: от «Милана», «Атлетико Мадрида», «Реал Мадрида» – который всего несколькими месяцами ранее нанес весьма болезненный удар «Барселоне», отхватив у них капитана каталонцев Луиша Фигу.

Решак настаивал в разговоре с каждым ответственным лицом, что стоит заключить с Лео контракт, а все остальные вопросы решать по мере поступления. Карлес искал доводы, способные убедить сомневающихся. «Мы относимся к вопросу очень серьезно», – говорится в сообщении Решака, посланном семье Месси. Но этого было недостаточно.

«Сыграем на пару, Карлес?» Предложение пришло от Хосепа Мариш Мингельи, каталонского агента, известного тем, что именно он привел Марадону в «Барселону», человека, близкого к правлению, члена клуба и того, кто взял на себя расходы по приезду Месси на испытания. Эти двое часто встречались в теннисном клубе «Ротреуа», которым управлял сам Мингельи, и, как порой случалось, Орасио Гаджиоли из офиса Мингельи, гид Месси во время их визита в город, тоже подписался на игру.

Это было 14 декабря, спустя десять недель после того, как Лео и Хорхе посетили Барселону.

После игры они отправились выпить пива. День клонился к вечеру, мужчины лениво посматривали на корты клуба, и Мингельи начал разговор. «Карлес, мы должны позвонить семье: мы продолжаем говорить им, что все в порядке, но у нас все еще нет ничего конкретного, мы должны подписать контракт или что-то в этом роде». Орасио тоже настаивал: «Карлес, мы зашли достаточно далеко. Вы – технический директор клуба, вы должны подтвердить подписание контракта с Лео сегодня. В противном случае оставьте его, все нормально, вы идете своим путем, а мы – своим, вот так».

Семья Месси не хотела повторения того, что произошло с ними в «Ривере» – обещаний, не стоящих даже той бумаги, на которой они были написаны. Они достигли точки невозврата. «Барселона» вот-вот могла потерять Лео.

Тогда нетерпеливый Карлес, пренебрегая условностями, говорит: «Дайте мне листок бумаги».

– Официант, ручку и бумагу.

У официанта нашлась шариковая ручка, но не было бумаги. Офисы клуба были закрыты.

– Тогда здесь.

Он вынул бумажную салфетку из одного из тех маленьких металлических контейнеров, которые ставят на столики в баре.

– Вот, можете убедиться, что мы серьезно относимся к вопросу.

«В Барселоне 14 декабря 2000 года в присутствии господина Хосепа Мариш Мингельи и господина Орасио Гаджиоли Карлес Решак технический директор FCB дает согласие на подписание контракта, независимо от согласия или несогласия других членов клуба, с Лионелем Месси, если оговоренные ранее суммы остаются в силе».

Вот так оно и было. Так, как задумали Мингельи и Орасио, узаконившие подпись на салфетке у нотариуса прежде, чем запереть ее в сейфе. Так, как задумал Решак, один из тех людей, кто способен быстро принимать решения. В футболе и в жизни. Это было

джентльменское соглашение между друзьями. Как в былые времена, когда рукопожатие было свято.

Для некоторых эта салфетка – самый важный документ в новейшей истории футбольного клуба «Барселона».

Для других, например, Решака, это просто листок бумаги, не имеющий особого значения, призванный успокоить Хорхе и Лео. Несколько лет спустя это станет наиболее часто повторяемым анекдотом в карьерной истории аргентинца. Решак с тех пор стал известен во всем мире как человек, который заключил контракт с Месси.

Семья Месси никогда не увидела этот листок бумаги.

Но что стала делать «Барселона», достигнув соглашения, подписанного на бумажной салфетке?

«Когда игрок хорош, каждый может сказать: а я говорил, а я сразу понял, мне было совершенно ясно... А когда все идет не так, как надо, никто ни за что не возьмет на себя такую ответственность». Так говорит Карлес Решак, одна из наиболее значимых фигур в клубе, в который он вступил в 12-летнем возрасте и с которым у него был договор в течение более четырех десятилетий: как с игроком, как с помощником Йохана Круиффа, как с тренером и как с правой рукой нескольких президентов клуба. Карлес не может найти ни одного отчета о Лео, написанного собственной рукой, но это его совершенно не беспокоит. «Я не действовал в одиночку, я просто сказал им, насколько он хорош».

Хорхе Месси придает вкладу Решака намного большее значение. Он ни разу не видел Решака в те первые несколько месяцев, но всегда признавал, что если сегодня Лео играет за «Барселону», то тому есть две причины: настойчивость Карлеса и то, что они с Лео предпочли остаться в Барселоне, хотя его дочери пришлось возвратиться в Аргентину, поскольку она не смогла привыкнуть к жизни в Испании.

Хорхе и Карлес теперь хорошо знают друг друга. Они встретились – удивительное совпадение – в финале чемпионата Европы 2011 года на стадионе Уэмбли. Несмотря на то что этот стадион просто огромен, Решак сидел на трибуне прямо позади Хорхе.

«Иногда я смущаюсь, когда слышу разные истории о том, как я обнаружил Месси. Это меня не раздражает, но я думаю, черт возьми, все годы я играл в футбол, а теперь обо мне вспоминают только потому, что именно я обнаружил Месси, тогда как – я неоднократно говорил об этом – Лео сам показал себя». Хорхе смеялся, слушая Карлеса, когда он раз за разом повторял: «Какой храбрый мальчик, и вы – очень смелый человек, но мальчик! Мальчик!»

«Крутые мужики! Триумф Месси принадлежит только ему одному», – настаивает Решак.

Но прежде чем отпраздновать успех, надо было дорого за него заплатить. В декабре 2000 года, в то время, когда Хорхе и Решак еще не были знакомы друг с другом, в доме Месси зазвонил телефон. «Карлес подписал бумагу», – сказали Хорхе. Салфетки оказалось достаточно, чтобы успокоить семейство Месси, несмотря на то, что они были немного удивлены, услышав, что именно использовалось для достижения договоренности, тем более клубом, который всегда хвастался своей ясной политикой в отношении юниорского футбола и четкой организацией. По правде говоря, «Барселона» вступала на совершенно неизведанные территории. Теперь пришло время придать договоренностям форму соглашения, со всеми показателями, обещаниями и не одним неприятным сюрпризом.

В январе «Ньюэллс» хотел зарегистрировать Лео в аргентинской федерации, потому что, и это очень важно, «Блоха» еще не был зарегистрирован в клубе Росарио. Аргентинские клубы не требуют эту лицензию, пока футболист не достиг возраста 13 или 14 лет. Если бы «НОВ» сделал этот шаг, проблема с переходом усложнилась бы: клуб Росарио мог настаи-

вать на плате за передачу игрока. Поэтому необходимо было срочное подтверждение соглашения.

«Барселона» должна была согласиться с требованиями Месси, которые принял Решак: дом для семьи, переезд, затраты на лечение и работа для Хорхе Месси, частично потому, что ему пришлось бы уволиться с фабрики Acindar, и частично выполнить требования ФИФА, которая запрещает передачу иностранных игроков моложе 18, если их не сопровождают родители.

Лео не собирался жить в Ла-Мазии, где базировалась молодежь, приехавшая из других городов Испании и где была создана система поддержки переехавших. Это было редким, неслыханным требованием. «С первого момента родители Лео – и я могу это понять – хотели жить вместе с ним и заботиться о своем сыне. Не было ни одного другого игрока, который сказал бы: я приеду со всей своей семьей и намерен расположиться в Барселоне», – говорит Жоан Гаспар, президент клуба, который дал заключительную отмашку на подписание контракта, хотя никто не давал ему никаких гарантий. Это – всего лишь одна из многих маленьких драм, которые существуют в мире футбола: из-за имиджа вице-президента в течение 22 лет и президента без какого-либо титула, удерживаемого в течение двух с половиной лет, во время которых футбольный клуб «Барселона» перенес серьезный кризис, к нему относились без должного уважения.

В первой команде непопулярный Луи ван Гал объявлял врагом любого, кто позволял себе сомневаться в нем. Голландец, который никогда не знал, как объяснить свои проекты, был тем не менее ключевой фигурой и продвигался в клубе, действуя за закрытыми дверями и смело внедряя свои методы, делая ставку на Академию и проявляя настойчивость в позиционной игре, которая оказалась столь полезной многим тренерам, пришедшим вслед за ним. Многие не любили Луи, и он не всегда заключал наиболее правильные контракты: в его планы так и не вписались Хуан Роман Рикельме, Хавьер Савиола и многие другие.

Это было бурное время в истории ФК «Барселона» – эпоха, названная Хорхе Вальдано периодом «исторической безотлагательности возвращения к лучшим временам». «Реал Мадрид» выигрывал все игры, заключив летом 2000 года контракт с Луишем Фигу, звездой «Барселоны». «Я привел в клуб множество игроков, которые не принесли ему успеха: Джованни, Рошембак. Когда игрок терпит неудачу, это ошибка президента клуба, даже при условии, что президент не сам выбирает контракты на подпись, а просто следует советам тренеров. Когда контракт не срабатывает, тренеры исчезают», – рассказывает Гаспар.

Информация, полученная о Лео, была совершенно ясной: «Превосходная способность к дриблингу, невероятная скорость с мячом в ногах, низкий центр тяжести, который обеспечивает ему отличное равновесие при движении, мастерство, активность, большая сила для своего возраста, хорошая способность к восстановлению – может сделать за игру восемьдесят спринтов. Мальчику нравится раз за разом пытаться забить гол, отличный бомбардир, умен, обладает быстрым мышлением, иногда несколько излишне жадный до игры, хотя в его случае это – достоинство вследствие его прямооты, отличной интуиции и универсальности игры в любой атакующей позиции. Есть лишь один недостаток – маленький рост, но ребенок проходит лечение соматотропином».

Еще один расход для «Барселоны» – лечение. «Мальчик – не дешевый», – сказал президент клуба Хоакину Рифе, директору юниорской футбольной Академии.

Бюджет Академии в то время составлял приблизительно 13 миллионов евро в год, что было довольно скупой. Каждой возрастной группе выделяли свою долю, а на Месси нужно было отдать значительную часть бюджета. Это было одной из главных причин горячих перепалок, громких споров и тихих интриг, происходивших до и после истории с бумажной салфеткой. «К чему столько встреч?» – спросил Рифе. Решак поддержал его. Вероятно потому,

что эти встречи были призваны затормозить принятие решения. Хорхе Месси сказал Рифе: «Мой сын будет великим футболистом «Барсы», поэтому все затраты окупятся».

На тех встречах, где присутствовали тренеры и правление, президент настаивал на том, что не намерен даже думать о 13-летнем мальчике. Ему лучше подписать контракты с двумя-тремя игроками, чтобы разбить «Реал Мадрид». Скорее всего, никто и предположить не мог, что всего три года спустя Лео будет дебютировать в первой лиге. «Если вы заключите с ним контракт, то это станет отличным заделом на будущее», – убеждал всех Решак. Это был сильный аргумент, который обычно способен произвести впечатление и прельщает большинство директоров.

Гаспар, однако, объясняет все иначе. «Карлес был достаточно близок ко мне, президенту, он был человеком, которому я доверял, потому что прекрасно разбирался в футболе и игроках. Мы встретились в клубе в моем офисе, как делали это достаточно часто. Мы говорили не только о Месси, мы обсуждали много разных вопросов, и в какой-то момент Карлес сказал мне, что Лео – исключительный игрок, которого мы не можем себе позволить упустить.

- Все очень просто: если считаешь нужным – действуй.
- Согласны ли вы на особые договоренности в отношении него?
- Месси действительно что-то необычное?
- Да.
- Ну, тогда действуй».

Некоторые тренеры отговаривали президента от подписания контракта, но в основном его не хотели брать определенные члены правления. Директор юниорской системы, Жоан Лакуэва, был, возможно, единственным в правлении, кто активно поддерживал подписание контракта. Он доверял Решаку, поэтому начал создавать для Лео то, что Карлес описывал как «костюм по меркам» – своего рода юридическую поддержку той «договорной салфетки».

По возвращении из Барселоны Лео играл за десятую команду «Ньюэллса» (другое наименование команды юниоров в возрасте между 12 и 13 годами) под руководством Адриана Кория, который теперь работает вместе с Тата Мартино, аналитиком матчей в «Барселоне». Он выиграл матч «Открытие» десятого подразделения и стал ведущим бомбардиром команды.

Большинство из тех, кто окружал «Блоху», даже не представляли себе, что произойдет дальше, хотя некоторые догадывались, что что-то затевается. Бизнесмен Росарио Нестор Касаль вспоминает день, когда он обедал с Хорхе Месси, и отец Лео сказал ему, что после большой демонстрации, выполненной его сыном, к нему обратился представитель «Барселоны» для разговора. В тот день Хорхе держал в руке визитную карточку этого человека.

Немного позднее отец сказал своему сыну: «Эй! Ты не поверишь! Ты отправишься в то же путешествие, что и Марадона! Представь, что ты едешь в «Барселону», а позднее возвращаешься и заканчиваешь свою карьеру в «Ньюэллсе!» Мечта была близка, как никогда.

Кике Домингес:

В октябре 2000 года я ждал, когда придут ребята, и увидел приближающегося Хорхе Месси, который всегда стоял особняком. Я поприветствовал его, и прекрасно помню то, что он ответил и как я был удивлен после следующего: «Можете наслаждаться последние два месяца, потому что потом я забираю Лео». «Куда? Вы никуда его не заберете!» – заявил я. «Нет, забираю», – повторил он. «В любом случае, – пошутил я, – пока вы не переводите Лео в Росарио Сентраль (потому что это действительно было бы предательством), все отлично». Когда тренировка закончилась, я разыскал Хорхе, чтобы разузнать о его планах, но он уже

уехал. В следующую субботу мы играли вдали от своего стадиона. Я увидел Хорхе и остановил его: «Что это вы говорили мне на днях о Лео?» – «Да, – ответил Хорхе, – это правда. В течение последних двух лет мы оплачивали лечение сына при помощи медицинской страховки, которую я имею в Asindar и с помощью Ассоциации супервизоров металлообрабатывающей промышленности, но у меня больше нет медицинской страховки, и они прекратили платить по счетам, а я не могу позволить себе лечение сына». «Вы поэтому забираете Лео?» И Хорхе сказал мне: «Нет, не только поэтому, я пошел поговорить с Пупо (техническим директором юниоров в «Ньюэллсе»), и он сказал мне, что лечение Лео в бюджете клуба не предусмотрено». «Пупо сказал это? – спросил я. – И что вы ответили?» – «Ну, раз так, то я заберу Лео, что бы вы ни решили».

Иногда решения по определенным вопросам принимаются по причинам, которые не кажутся очевидными, но, тем не менее, важны. В Росарио говорили, что Пупо и Хорхе никогда не ладили. Все началось с Родриго, старшего брата Лео, который упустил шанс играть в одной из команд, которую набирала аргентинская федерация. Клуб допустил ошибку. Спортсмен был передан в «Central Córdoba» вопреки своему желанию и перестал играть за свой любимый «Ньюэллс». Разрушены две мечты. Почему Пупо был столь неблагосклонным к семье Месси? Возможно, он не желал давить на Лео, чтобы тот остался? Иногда ответственные сотрудники считают, что они знают больше, чем кто-либо. Но это не всегда так. Некоторым людям не нравится, когда им говорят, что они должны делать. Возможно, именно это стало причиной, но достоверно этого не знает никто.

«Ньюэллс» послал Родриго в клуб, находящийся у черта на рогах, с совершенно иным тренировочным режимом, – говорит сегодня Домингес. – У меня создалось впечатление, что Пупо, отказав Хорхе в лечении Лео, делал это по личной инициативе. Когда в «Ньюэллсе» узнали о том, что он сказал, что в бюджете отсутствуют деньги, они не могли поверить в случившееся: Идиот! Сумасшедший! – говорили все».

Хорхе провел шесть месяцев, взвешивая все варианты, стоит ли резко менять всю жизнь, и переговорил с каждым членом своей семьи. Однажды все они сидели вокруг обеденного стола. Родриго было 20 лет, Матиасу – 18, Лео – 13. Марии Соль было пять лет. Он стремился получить общее одобрение, прежде чем дать ответ «Барселоне». Оставался еще вариант Италии, но Испания вызывала меньше сомнений и была более привлекательной, к тому же, как только Лео получил известие от «Барсы», он уже не мог думать ни об одном другом клубе. Хорхе спросил каждого, одного за другим, включая маленькую девочку. Было многое, что следовало обсудить, не только будущее Лео.

Дело было не только в том, что у Лео хватало таланта, чтобы одержать победу с поддержкой учреждения, которое предложило самые серьезные гарантии и наилучшую финансовую поддержку. Следовало учитывать и многое другое: семья Месси хотела, чтобы Родриго продолжил играть в футбол. В это время «Central Córdoba» боролся за переход в первый дивизион, и Хорхе полагал, что Родриго достаточно способный, чтобы зарабатывать себе футболом в Испании. Кроме того, Матиас и Мария Соль росли бы в более стабильной стране и получили бы иные возможности, чем в собственной. Они говорили о ПЕРЕЕЗДЕ В ЕВРОПУ с большой буквы, о том, что многие хотели бы сделать на их месте, но не имели такой возможности.

В то время Лео сказал Родриго, что хотел бы завоевать «Золотой мяч». «Без этой безумной готовности дать Лео все, его великий высший талант терял смысл», – говорит сегодня его брат. Никто в семье не хотел препятствовать его успеху.

Да или нет?

Да, они готовы в путь. Да. Все поедут в Барселону. Да.

В этот момент из Барселоны прибыло окончательное соглашение.

8 января 2001 года был сделан решающий шаг. На обеде в каталонской столице, где присутствовали Жоан Лакуэва и Рифе, клуб завершил обсуждение деталей контракта: игрок получал 100 миллионов песет в год (600 000 евро), а также получал платежи за «права на лицо» – еще одно новое понятие для контрактов с юниорами. Кроме того, они платили деньги семье Месси, чтобы те могли арендовать квартиру, и около семи миллионов песет (42 000 евро) ежегодной заработной платы Хорхе – он собирался работать в Barna Porters – компании, принадлежавшей «Барселоне» и поставлявшей клубу сотрудников службы безопасности.

Как только Месси подпишет контракт, клуб начнет оплачивать лечение гормонами, которое, как было подсчитано, увеличит его рост до 1 метра 67 сантиметров (Лео вырос до 1 метра 69 сантиметров).

Семь дней спустя Карлес Решак написал официальное письмо, заверенное печатью клуба и адресованное Хорхе Месси, – обязательство соблюдать все, что было согласовано с его представителями в Барселоне. Спустя три дня Жоан Лакуэва послал еще одно письмо, подтверждающее финансовое соглашение.

После получения обоюдных согласий со стороны Барселоны и со стороны семьи Месси уже ничто не могло остановить подписание контракта. Конечно, Росарио остается в прошлом. Но оставалось сделать еще одно дело.

Хорхе и его друг прошли пешком 75 километров, чтобы вознести благодарность за завершение переговоров в храме Св. Николая Чудотворца. Они выехали в пять утра, им понадобилось 14 часов, чтобы совершить это паломничество. На последних 800 метрах к ним присоединился Лео, босиком. Домой они возвратились на машине. С большой бутылкой воды. Полумертвые от жары и напряжения.

15 февраля 2001 года, после нескольких недель подготовки и напряжения, после суеты с получением паспортов, разрешений на поездку и сбора чемоданов, семейство Месси начало свой переезд в Барселону.

«Лео исчез из «Ньюэллса» в конце чемпионата, – вспоминает Кике Домингес. – Эрнесто Бока, один из тренеров, позвонил мне и спросил о Лео, но я не знал, где он. Никто ничего не знал, клянусь, никто ничего не знал! Я сказал ему, что меня попросили спросить о Лео, но я не имею ни малейшего представления, что с ним произошло. А он ответил, что Лео больше нет в Росарио, потому что он разговаривал с членами его семьи и друзьями, и никто не знает, где они. Дома их нет. Проходит четыре, пять месяцев, и Эрнесто звонит мне снова: угадай, где Лео? В Барселоне! Я автоматически подумал о Барселоне в Эквадоре – самом близком городе с таким названием, потому что и представить себе не мог, что Месси поехал в Европу. Для нас другой континент все еще остается далеким царством «за тридевять земель», но Эрнесто объяснил мне, что речь идет об испанской Барселоне.

– Seriously? А что он там делает?

– Играет за ФК «Барселона», который намерен оплатить его лечение.

– Эй, да это замечательно!

Мне стало намного лучше. Это меня очень обрадовало. Во-первых, мы узнали, где Лео, а во-вторых, успокоились, потому что мальчик попал в то место, где футболиста не просто используют, а будут всячески поддерживать. «Барселона» бесконечно далека от нас, это клуб, который дает вам все: оплачивает лечение и защищает. Нам сказали, что они также дали работу Хорхе, то есть, скорее всего, сказали ему: «Хорошо, обсудим позже, пойдете вы фактически на работу или нет». Обе стороны посадили и полили дерево, и теперь начинают пожинать плоды. Слава Богу, что Лео оказался там, где оказался.

Насколько я могу судить, – настаивает Кике Домингес – президент «Ньюэллса» должен был сказать следующее: «Как? Лео Месси играл за наш клуб? Давайте пойдем и спросим Пупо. Пупо! Это были вы? Да? Тогда вон отсюда! Как вы могли позволить такому игроку уйти! Не может быть, чтобы Пупо его не видел, он обычно наблюдал за тренировками!» Он был техническим директором юниорской группы и всегда решал, кто и что будет делать. У президента было достаточно проблем с первым дивизионом, и я уверен, что он ничего не знал о Лео».

Многие в Росарио повторяют, что президент «Ньюэллса» Эдуардо Лопес не сделал ничего, чтобы предотвратить отъезд Лионеля. «Никаких проблем, Месси может уезжать. У нас есть игрок лучше: Густаво Родас». Родас дебютировал в 16 лет, играя под номером 10 в национальной сборной, и стал чемпионом южноамериканского турнира детей «до 17 лет» в Боливии. Затем он снова был призван в сборную Аргентины, но не присоединился к ним. Родас не смог обосноваться в «НОВ» и попытал счастья в «Tiro Federal», «El Porvenir», «Cúcuta» (очень скромных полупрофессиональных клубах), переехал в Перу, где играл за «Болоньези» и «Леон де Хуануко», а сегодня никто не знает, где он теперь. Возможно, Родас заполнил пустоту, оставленную Лео, с точки зрения таланта, но с каких это пор слишком большой талант стал проблемой?

Эдуардо ван дер Коой, журналист, написавший совместно с Рафаэлем Бьелсой, братом известного тренера Марсело, книгу «Сто лет жизни в красном и черном», идет еще дальше в объяснениях причин отъезда Месси: «Лео покинул «Ньюэллс», потому что мафия, управляющая клубом в то время, не поверила, что по-настоящему великое и блестящее могло уместиться в таком маленьком теле. Он уехал, потому что все бросили его в тот момент, когда тело мальчика нуждалось как в духовной, так и материальной помощи. Но «Ньюэллс» все еще считает Лео своим, а тот, в свою очередь, чувствует, что это – его клуб. О, он еще может вернуться, пусть даже тогда, когда его волосы станут совсем седыми».

«Ньюэллс» – клуб с историей, традиционно подпитывающийся своими юниорскими командами, которыми заслуженно гордятся. Но они еще и экспортеры – это клуб, который продает игроков своей Академии, о которых столько заботились. В 1988 году «НОВ» стал чемпионом, воспитав каждого игрока, который начал этот сезон, каждую замену и всех тренеров – это был единственный главный момент в истории аргентинского футбола. «Именно с этого времени начался четырнадцатилетний процесс разрушения – заработал личный проект, который опирался на помощь судебной власти и другие социальные элементы, позволившие одному человеку разрушать клуб», – так один известный, но анонимный житель Росарио обращается к Эдуардо Лопесу, тогдашнему президенту «Ньюэллса». Этот же человек – глава синдикатов азартных игр в Росарио, владелец казино и других фирм, некоторые из которых привлекли особое внимание полиции. Многие обвиняют Серхио Альмира, бывшего представителя левого крыла «Ньюэллса», победителя чемпионата мира 1986 года, бывшего в то время спортивным директором. Когда Хорхе Месси обращался к нему за помощью, он или не брал трубку, или встреча отменялась в самую последнюю минуту, или давал 40 песо на лечение, которое стоило в двадцать пять раз больше. Это был еще один член аргентинского клуба, который никогда не поддерживал Лео.

Президентские выборы 2008 года позволили сменить тех, кто стоял у руля клуба. Лопес оставался дважды, победил один раз и проиграл четырнадцать лет спустя. В промежутке он принял меры, чтобы выборы были приостановлены, оспаривая список кандидатов или обращаясь в министерство юстиции, чтобы не допустить голосования. С 2008 года клуб попытался возвратиться к тому, как он действовал в прежние времена: в 2013 году «Ньюэллс» снова стал чемпионом под руководством Тата Мартино, незадолго до того, как тот перешел в «Барселону».

Когда Селия, мать Лео, объявила в 2010 году: «Я говорю за себя, а не за моего мужа: для меня не существует «Ньюэллса», она имела в виду старый «Ньюэллс». Нынешнее правление очень симпатизирует Хорхе и Лео, настолько, что семья Месси даже вложила деньги в новую гимназию для Спортивного Города и во многие другие проекты. Некоторые даже рассматривают кандидатуру Хорхе в качестве директора клуба и видят Лео в красно-черной футболке. Когда-нибудь.

Как объявил Райт Томпсон, отъезд Лео оставил на сердце многих глубокие шрамы. «В течение многих лет Эрнесто Веккьо негодовал на своего бывшего игрока. Что-то произошло здесь, в этой школе, в чем Веккьо сыграл свою роль. Многие люди участвовали в этом. Должна быть какая-то благодарность. Вместо этого они стали известны как близорукые дураки, которые позволили легенде уйти. Официальный представитель команды прежнего «Ньюэллса», отвечающий за покупку соматотропина для Месси, все еще носит с квитанциями, которые очень похожи на подделки, пытаюсь доказать, что он не принимал самое дурацкое решение в истории профессионального спорта».

А Лео? Когда в 2009 году его спросили, что он чувствовал в отношении «Ньюэллса», он принял решение быть дипломатичным. «Сердиться? – нет, потому что я не испытываю этого чувства. Я очень люблю этот клуб. Я пришел на его поле маленьким мальчиком и мечтал о том, чтобы однажды оказаться там».

Вот так. В Росарио Лео был окружен людьми, которые ценили его, защищали, поддерживали и помогли ему вырасти. Все они хотели увидеть, как он преуспеет. «Когда мы узнали, что клуб не собирался оплачивать его лечение, нам было очень грустно», – вспоминает Синтия Ареллано. «Когда соседские мальчишки прощались с ним, я тоже была там. Он обнимал меня и говорил: не плачь, не плачь».

Люди, которые хорошо знали Лео, хотели его проводить. Месси уезжали, чтобы никогда не возвращаться. «Мы остаемся здесь, – говорили его друзья и родственники. – Вы очень храбрые. Удачи вам!»

«Мы покидали Лас-Эрас, и все наши друзья вышли, чтобы сказать нам слова прощания», – рассказывал Лео Кристине Куберо для каталонской газеты *El Mundo Deportivo* в 2005 году. – Они все вышли на улицу. Уезжала вся наша семья: мои родители Хорхе и Селия, мои братья – Родриго, Матиас, и моя младшая сестра – Мария Соль, которой тогда было пять лет. В тот день нам было так грустно, что мы с Матиасом сильно плакали. Это была очень мрачная поездка; мы скучали по нашим родным, моим дядям, по всем».

Сегодня, больше десятилетия спустя, он вспоминает ту поездку так, как будто это был сон, но в то время это было ужасной действительностью – они ехали на другую сторону планеты, и, казалось, он слышал звук, с которым корни его семьи вырывались из родной земли. Это происходит при каждом отъезде «навсегда» и создает сильное «эхо в сердце».

«Он уехал, и пару дней мы ничего не знали о нем», – вспоминает Джерардо Григини. – Возможно, знали его соседи. Он очень замкнутый человек, не из тех, кто, узнав о чем-то, должен пойти и рассказать всем. Вероятно, отец и мать приказали ему ничего никому не говорить. К тому же он ездил на испытания в «Ривер Плейт» и пробыл там в течение недели, а потом съездил в Барселону. Мы ничего не знали ни о «Ривере», ни об испытании в «Барселоне» – это выяснилось, когда Лео уже был в Испании».

«Я пришел поздравить его в отель, когда он приехал с национальной сборной в Росарио, чтобы сыграть с Бразилией, но он не смог спуститься в вестибюль», – вспоминает Веккьо. Спустились его родители, и я довольно долго разговаривал с ними. Единственное, что я сделал – это передал привет Лео, который когда-то был в моей группе. Он увидел меня и улыбнулся... Я помню этот момент».

Анхель Руани, отец Лули – друга Лео, вспоминает следующее: «Последний раз, когда я видел Месси, было на Рождество 2005 года: Лео с моим сыном и несколькими друзьями пришли домой приблизительно в пять утра. Они разбудили меня, чтобы пожелать мне «Счастливого Нового года!» Очень сердечно, не правда ли?»

«Я не видел его некоторое время, потом мы встретились на Кубке Америки в Венесуэле в 2007 году. Он подошел, чтобы поприветствовать меня. Это было очень приятно – он остался тем же самым ребенком, которого я знал в девятой и десятой командах. Он подошел и обнял меня... Вы должны помнить это: он тот же самый человек, которого я знал, когда он был совсем маленьким мальчишкой». Это воспоминание Адриана Кория, который, будучи помощником Мартино в парагвайской национальной команде на чемпионате мира 2010 года в Южной Африке, увидел Лео снова после той яркой встречи. Кория шел на учебное поле в тот момент, когда аргентинская сборная покидала его. Лео издали заметил его, снял свою футболку и отдал ее ему. Адриан повесил ее у себя в кабинете в Росарио.

Мальчик Леандро Хименес, который проходил испытание вместе с Лео в «Ривере», больше никогда лично его не видел после того, как тот уехал из Аргентины. И даже не разговаривал с ним. «Отправляясь в Барселону, он дал мне свой номер телефона, но я никогда не звонил ему. Не знаю почему. Перед последним чемпионатом мира я оставил ему сообщение на Facebook. Я написал, что Лео является источником гордости для всех аргентинцев. Он был благодарен за все полученные им сообщения. Но я также получил от него лайк», – улыбается Леандро. Сегодня Хименесу 24 года, он живет в Буэнос-Айресе и работает во внешнеторговой компании. Он больше не хочет играть в футбол, кроме как с друзьями по субботам. Он закончил свою футбольную карьеру, разочаровавшись в профессиональном спорте.

Григини, который провел шесть лет в Италии, пошел посмотреть матч «Интер» – «Барселона», но не стал просить у Лео билет или футболку. Несколько ранее он видел его в аэропорту, когда тот еще не был широко известен. «В то время мы держались на определенной дистанции друг от друга и не общались постоянно, Лео по-прежнему был очень застенчивым парнем. Думаю, он ответил бы: «да... нет... все нормально... знаешь, Барселона...» Я говорю о том времени, когда ему было всего 16 лет и Лео только начал играть. Что до меня, то мы должны были бы говорить целый день или хотя бы провести несколько часов вместе, чтобы что-то щелкнуло снова и мы могли вернуться к воспоминаниям типа «а помнишь, когда...» и всяким историям. Но вначале, если вы не видели его какое-то время, он был бы замкнут, отдален. Конечно, для меня он – кумир. Мне неинтересна футболка, меня бы устроил совместный обед или прогулка».

«В июне 2005 года я приехал в Англию, в Эвертон, – продолжает Григини. – Но там у меня начались неудачи: я попал в очень неприятную автокатастрофу – столкнулись два грузовика. Я сломал только малую берцовую кость, но мой друг, игрок Хулио Гонсалес, который путешествовал со мной, чуть не погиб. У него были множественные переломы, ему ампутировали левую руку. Несколько позже он все же вернулся к игре – круто! Позже у меня трижды был разрыв крестообразных связок – три раза подряд – и я выпал из игры на три с половиной года. У меня все сложилось хорошо, но судьба и жизнь следят за вами, и если они говорят, что футбол не для вас, тогда вам стоит пойти по жизни в другом направлении».

Диего Ровира: «Я должен был все рассказать родителям, что и сделал – после ужина. По сути это не была такая уже большая новость – я просто подтвердил то, что они все время предполагали. «Мама, папа, я бросаю футбол». Это было в марте 2011 года. Они поддерживали меня, обеспечили деньгами. Мой папа произнес нечто вполне очевидное: это позор, сынок. Это действительно так и было. Он знал, как тяжело я пытался пробиться, он наблюдал за мной в сотнях игр, с Лео, в «Ньюэллсе»... меня все еще называют номером 9, который играл с Лео».

Очень трудно сделать карьеру в футболе.

И последнее воспоминание о прощании, на сей раз от **Кике Домингеса**: «Мы только что отыграли квалификационный турнир для чемпионата мира 2014 года, Аргентина – Уругвай в Мендосе и Чили – Аргентина в Чили. Позвали моего старшего сына Себастьяна, Макси Родригеса (Чудовище) и Лео. Трое в одной команде! И теперь они были намерены встретиться. Макси пришлось оставить команду из-за травмы и вернуться в Росарио, и Себастьян сказал мне: «Чудовище» возвращается и хочет встретиться, потому что кое-что для тебя приготовил. Я не знаю, что это, но он предупредил, что у него для тебя есть подарок». Прошло больше 20 лет с тех пор, как я в последний раз тренировал «Чудовище», и 13 – с тех пор, как я тренировал Лео. Макси принес мне футболку, подписанную ими обоими. Некоторые люди говорят мне: «Какие они неблагодарные, вы никогда не получаете никаких весточек от них». Нет, когда все идет от души, это происходит совершенно естественно. В тот день они подумали, что будет здорово послать мне футболку. Я очень благодарен им».

«Я знаю, что в каждой игре, которую играет Лео, есть капля и моего пота, – говорит Домингес – я чувствую, что имею некоторое отношение к жизни Лео, но ничего не прошу взамен и не звоню ему, я не нуждаюсь в этом. Однажды я видел Лео на телевидении в программе в его честь и сказал ему «привет». Но если Лео закроет глаза, когда вы спросите его, помнит ли он людей, которые принимали участие в его жизни... барабанный бой... и Кике Домингес будет упомянут среди названных имен, кратко, мимоходом... то для меня это намного ценнее, чем какая-либо футболка.

«Нет, я больше не тренер».

Реален ли тот Лео Месси, о котором говорят Домингес, Григини или Ровира? Или они видят Лео таким, каким хотели бы его видеть? С этим аргентинским восхищением в отношении того, кого они почитают как Мессию, становится трудным отделить образ от действительности, особенно когда страна все еще страдает от неразберихи и смятения. Когда в стране кризис, потребность в героях увеличивается.

Эта стадия жизни Лео подходила к концу, но она никогда полностью не закончилась для тех, кто находился рядом. Он остался с ними – в их памяти и сердце.

Между прочим, Хорхе так никогда и не забрал свою последнюю зарплату из Acindar.

Часть вторая В Барселоне

Глава 1 Итак, Барселона

Во время перелета из Росарио в Буэнос-Айрес Лионель Месси безостановочно плакал так, будто он никогда больше не вернется на родину. Безмолвно. Его лицо кривилось, по нему текли слезы. Он вздыхал и издавал всхлипы потерявшегося ребенка. Он плакал все 50 минут поездки до столицы.

Это было 15 февраля 2001 года. После приземления в аэропорту Эзейза и прежде, чем сесть на самолет, летящий в Барселону, члены семьи за столиком в кафе немного поболтали, чтобы отвлечься от того, что должно было произойти, и Лео успокоился. По пути в Испанию его тошнило, потом он заснул, и постепенно, с каждой милей, отдаляющей его от дома, как пишет Хорхе Луис Борхес, «море творило свою магию, печаль потери придет позднее».

Семья Месси прибыла в Барселону в холодный полдень. Они взяли такси и доехали до отеля «Ралли» на Травессера де лес Кортс напротив стадиона «Камп Ноу». Клуб пригласил их несколько дней спустя на встречу для получения подписанных контрактов, хотя, как ни странно, никто до сих пор не предложил оплатить лечение, которое Лео начал в Росарио.

В итоге директор Жоан Лакуэва согласился оплатить 2000€ из своего кармана, чтобы Лео мог ввести первые дозы необходимого ему препарата.

Они провели 15 дней в гостиничном номере, тренируясь, стараясь справиться с переживаниями и пытаясь привнести некоторую упорядоченность в окружающий их хаос новой жизни.

1 марта 2001 года, за столом гостиничного ресторана под пристальным взглядом Лакуэвы, молодой Лео Месси подписал свой первый двухлетний контракт с «Барселоной». Многие из директоров клуба смеялись над утверждением Лакуэвы, что ему удалось справиться со всеми бюрократическими проволочками и гарантировать семейству Месси, что Лео наконец-то стал игроком «Барселоны». Они были убеждены, что этот контракт – пустая трата денег. Только время расставило все по местам и вознаградило Лакуэву, Решака, Рифе и Мингелю за их усилия.

Но эпопея на этом не закончилась: один директор – который сегодня скрывает свое имя – был невероятно разъярен, обнаружив, что соглашение было достигнуто без одобрения правления. Без какой-либо консультации с ним. Как мог мальчишка стоять клубу столько денег?! Этот директор не только отказался подписать документ, несмотря на то, что тот был уже подписан адвокатами команды и вице-президентом, но в приступе гнева даже разорвал его.

Тем не менее клуб утвердил контракт.

«Когда я слышу, как кто-то говорит, что заключил контракт с тем или другим парнем, знайте, это – ложь. Вы ничего не заключаете, это делает «Барса», – говорит Жоан Гаспар, возглавлявший клуб в то время. – Вы платили за него из собственного кармана? Нет, вы этого не делали, именно «Барселона» заключила контракт со спортсменом. Вы, возможно, были посредником в этом... но, на самом деле, ни с кем не заключили контракт. Говорят, что с Месси договор был подписан на салфетке. Ну, это не совсем так. Это забавная история, хороший анекдот, но контракт с Месси был подписан вице-президентом «Барселоны» Франсиско Клосой, он подписал его, потому что я дал добро».

Самое трудное было впереди – Месси нужно было приспособиться. «Барселона» нашла квартиру для семьи на Гран Виа Карлес III около «Камп Ноу», и семейство въехало в нее в начале марта, спустя две недели после прибытия. Это была большая квартира, с четырьмя спальнями, двумя ванными, кухней и балконом, который выходил на внутренний двор, где находился укрытый среди деревьев общественный бассейн, примыкающий к другому зданию. Лионель вставал за 15 минут до тренировки и успевал при этом добраться до поля вовремя. Благодаря удачному расположению квартиры Лео мог поспать немного дольше. Консьерж здания – как сообщает Луис Мартин из газеты «Эль Паис» (журналист, известный тем, что умеет задавать вопросы, которые никому другому просто не пришли в голову) – в течение пяти лет не догадывался, что парень, который каждое утро приветствовал его, играет за «Барселону». «Удивительно, правда? Просто я вообще не интересуюсь футболом, мне это не нравится», – сказал он Мартину.

Жители Росарио и области проделывали путь в несколько сот километров, чтобы посмотреть на игру Лео, а в Барселоне даже консьерж не знал, кто он такой.

С самого начала все пошло не так, как задумано. Мальчик действительно хочет быть футболистом? Давайте посмотрим, из какого теста он сделан. Впереди расстилалась дорога, усыпанная острыми камнями.

«Я не понимал окружающих: они все говорили на каталанском языке!» Спустя несколько лет после прибытия Лео оценивает свои первые дни в «Барселоне» со смесью волнения и раздражения. Как это часто происходит с любым новичком,вливающимся в группу ребят, Месси чувствовал робость и тревогу, он стеснялся вступать в беседу. Его принимали тогда со значительно меньшей чуткостью, чем люди делают это теперь. Во время первых учебных игр он очень редко получал мяч, товарищи по команде относились к нему не слишком доброжелательно, он чувствовал себя совершеннейшим аутсайдером. Уже тогда, в 13 лет, он понял, какую цену нужно заплатить, чтобы быть принятым – теоретически Лео занял в команде место одного из друзей тех, кто уже играл там.

Некоторые товарищи по команде рассказали Лео, что один из тренеров, который оценивал его уровень в первые недели, приказал ребятам действовать в отношении него довольно жестко, потому что не хотел, чтобы Лео остался в «Барселоне». Это был, как Месси объяснил позже в аргентинском ТВ-шоу *Sin Cassette*, «тот же тренер, который попросил, чтобы я играл в один удар и не старался обходить противников. Но, по правде говоря, я не слишком прислушивался к тому, что он говорит, а, как и раньше, делал то, что было для меня естественным».

Во всем мире – одна и та же история: как только подтверждается, что вы остаетесь в группе, вас тотчас принимают, а отношение товарищей по команде меняется кардинально. Но Месси никогда не забывал те первые недели, когда ему пришлось осознать свой статус лишнего. Он чувствовал, что должен завоевать свое место в клубе.

Будучи иностранцем, Лео не мог играть в официальных матчах в команде, соответствовавшей его возрастной группе. У него было разрешение играть в каталонской региональной лиге и в товарищеских встречах. Более того, Родольфо Боррелль, тренер команды, предпочел использовать его экономно, в соответствии с неписаным законом, согласно которому не следовало менять состав непобежденной команды в течение сезона. Этот закон неукоснительно соблюдался как с молодежью, выступающей на высшем уровне, так и с теми, кто уже стал чемпионами лиги и которым осталось продержаться всего семь игр.

В любом случае физическая хрупкость этого аргентинского футболиста была так очевидна, что на тренировках Боррелль приказал своим игрокам действовать с ним очень аккуратно. «Пожалуйста, не трогайте его, – попросил он своих защитников, когда Лео впервые вышел на поле для тренировки. – Он такой быстрый и такой маленький, что вы можете травмировать его». Двигаясь с невероятной скоростью, он искал возможность обойти против-

ников – одного, другого, третьего... Во время одной из тренировок, когда Лео демонстрировал свои навыки, Сеск Фабрегас так и не смог отобрать у него мяч и как следует врезал ему ногой. «Сеск, пожалуйста, успокойся, он недавно приехал, не стоит так делать». А в следующий раз, когда Родольфо пришлось убеждать игроков быть осторожными с Лео, все в ответ только смеялись: «Как нам быть осторожными? Мы же даже не можем приблизиться к нему!»

«Это было просто невероятно – он подхватывал мяч и сразу начинал обходить всех, одного за другим – так он проводил каждую тренировку, забивая гол за голом. Для него не имело значения, кому», – вспоминает Виктор Васкес, который играл с Лео в течение нескольких лет в командах более низкого уровня. «Прежде нам не доводилось видеть что-либо подобное, потому что, в основном, мы играли на пас; Лео же получал мяч и шел. Мы говорили между собой, что он страшный индивидуалист, но так было только поначалу. Вскоре мы поняли, что должны радоваться, имея такого игрока в команде».

Когда тренеру надоело играть в пределах шести – семи – восьми голов, Боррелль захотел, чтобы его команда выступила в одном из турниров против более старших, чтобы его игрокам «дали жару». «Барселона» приняла его предложение и отправила их на турнир Pontinha в Португалию, где они сошлись с португальской, французской и немецкой командами, игроки которых были на два года старше, чем то знаменитое поколение Пике, Сеска, Васкеса, Марка Педрасы, Рафаэля Бласкеса и недавно прибывшего Месси, который тоже мог играть в этом неофициальном соревновании. Испанская команда выиграла три из восьми игр, и Лео чувствовал себя при этом совершенно комфортно.

Он прошел очередное испытание.

Не имея международных документов, которые «Ньюэллс» пока еще не выслал, 6 марта Лео получил временную лицензию от каталонской федерации, и клуб, ощутив силу команды Боррелла Infantiles A, решил, что Лео мог бы играть на более регулярной основе, если бы перешел в команду «Infantiles» В Хави Льюренса. Это был единственный случай в карьере «Блохи», когда он оказался самым старшим в группе.

В «Ньюэллсе» он проводил разминки, пока тренер был занят, в «Барселоне» же пока не получалось попасть в свою зону комфорта.

Но несмотря на то, что ситуация была новой для клуба и сложной – для вновь прибывшего, никто не сомневался в его таланте. Лео тренировался с Льюренсом четыре раза в неделю, с шести до девяти вечера. Он приходил незадолго до шести, собирал комплект формы, который клуб ему подготовил, переодевался и начинал тренироваться. После тренировки Лео никогда не торопился вернуться домой.

«Ты откуда? А где ты играешь?» – спрашивали его ребята на первых тренировках в команде «Infantiles B». Он был на год старше их, но намного меньше ростом. «*Enganche*», – отвечал Лео. Никто не знал точно, что значит это слово – это было чисто аргентинское выражение. Но в конце первой недели один из мальчишек подошел в Льюренсу, чтобы задать вопрос, который к тому времени становился уже чисто риторическим: «Он будет играть у нас долго?» Мальчик хотел, чтобы ответ был положительным, но тренер предпочел ответить уклончиво. Конечно, Лео был слишком хорош для этого уровня.

«Я хорошо помню один матч во время тренировки, – говорит тренер «Infantiles B». – Был угловой удар с нашей стороны, и Лео встал на край для защиты, как ему и сказали. Мяч попал к нему, он начал продвигаться к противоположным воротам, пересекая все поле, которое мы называем полем номер три, расположенное напротив «Мини-Эстади». Он обошел одного, второго игрока, которые были в нападении на другом конце, добрался до штрафной площадки противника, сделал еще два шага и затем совершил то, что Марадона сделал однажды против «Ред Стар»: замаскировал свой удар по мячу, выполнив маленький укороченный удар – свечу. Невероятно. Он забил гол и вернулся в центральный круг так, как будто

ничего не произошло. Глядя на него, мы думали... черт побери! Лионель шел назад, не глядя на трибуны, прямо на середину поля, обнимая товарищей по команде. Когда игроки делают что-то подобное, они обычно смотрят на трибуны, чтобы проверить, добились они успеха или нет. Но только не Лео – тот просто шел своей дорогой. Этот эпизод я буду помнить всегда: шел, как будто ничего не произошло».

Немного позже Хави Льоренс написал отчет, о котором просил его Хоаким Рифе, подтверждая, что тихий Лео ростом 1 метр 47 сантиметров является «маленьким Марадоной» – маленьким по росту, но с большой скоростью и огромным мастерством.

Лео дебютировал в официальном матче в футболке «Барселоны» с номером 9 на спине, на поле Ампосты, в каталонской региональной лиге, в которой он имел право играть. Он забил один из трех голов, принадлежавших команде «Infantiles B», и, естественно, был отобран для следующего матча против спортивной школы Эбре. Этот матч проходил 21 апреля.

В тот день члены команды позавтракали вместе, и их фотографии вышли с ними на поле. Марк Байес, 10-й номер соперников, во время съемок занял место позади худенького Лео. Фактически звездой той команды был не Лео, который только что приехал, а Менди, бомбардир с отличными физическими данными.

Игра началась. Это было хорошей новостью.

Во время игры, которая была его вторым официальным матчем в категории Infantiles (игроки в возрасте 12–13 лет), он выполнил требования испанской федерации, которая теперь позволяла ему играть в национальных матчах, – правило, которое молодой тренер Альберт Бенайжес обнаружил почти случайно – дополнительное доказательство того, насколько неподготовленной была «Барселона» для таких, как Лео. Правило обязывало сыграть две игры, в противном случае пришлось бы перейти непосредственно в «Барселону» из следующей категории – «Cadetes B» (ребята в возрасте 14–15 лет) – во второй эшелон, не имея разрешения участвовать в двух промежуточных стадиях, в которых футболисты Академии Барселоны обычно играют, чтобы закрепить свой постепенный переход из разряда в разряд.

Не зная об обязанности иностранных игроков сыграть, по крайней мере, две игры в Infantiles, клуб повлиял на карьеру других футболистов. Лео же обошли эти неприятности благодаря случайному открытию Бенайжеса, но, например, Жильберто, мальчику из Бразилии, повезло меньше. Поскольку он не играл в командах «Infantiles» и не имел возможности подниматься по разрядам в обычном порядке, клуб решил передать его. Жильберто не смог приспособиться к другой команде и, покинув «Барселону», закончил свою карьеру, играя в низших лигах. Иногда грань между успехом и провалом очень узка.

А в это время на поле случилась беда.

Спустя несколько секунд после начала игры мяч попал к Лео на левом крыле, и он потерял над ним контроль. После вбрасывания Байхес, мальчик, который стоял позади Месси в момент коллективного фото команды, приготовился вбросить мяч на поле, но на его пути оказалась нога молодого аргентинца. Результат? Перелом левой малой берцовой кости. Первая серьезная травма за его карьеру, в течение двух месяцев она помешала ему играть. «Вы говорите, что это я сломал ему ногу? Матерь Божья!» – воскликнул Байхес несколько лет спустя, когда журналист из *Libero* рассказал ему, что произошло в тот день. «Дело не в том, что я не знал, что сломал ногу Месси, дело в том, что я не догадывался, что вообще кому-то сломал ногу». По сути дела, это даже не было столкновением.

«Лео получил травму прямо перед трибунами, – вспоминает Хави Льоренс. – Мы заметили, что произошло что-то серьезное, и отправили его в больницу, чтобы определить, что произошло. Поначалу мальчик извивался от боли, но вскоре успокоился и сказал, что сам поранился. В больницу поехал отец, потому что я должен был закончить игру. Лео беспокоился только об одном: «Что со мной? Я не буду играть долгое время?» Когда футболист

получает травму, он думает: «Завтра я хочу ходить и бегать, а сейчас не могу. Через несколько дней у меня игра, а я не могу выйти на поле...» Это – все, о чем думал и Лео».

Месси пришлось ходить в гипсе. Иногда он приходил на тренировки на костылях, и тренер заметил удивительную силу воли этого 13-летнего мальчика: «Нам не нужно было поощрять его, все видели, насколько это сильная личность». Тем не менее самые близкие ему люди помнят, что он был очень расстроен и рассержен. Младшей сестре Марии Соль не нужно рассказывать о том, насколько трудно было увести брата с тренировки, оттащить от мяча. Порой, когда день тянулся нестерпимо долго, она, не говоря ни слова, просто держала Лео за руку.

Затем, в июне, спустя неделю после возвращения на поле, он получил растяжение связок в левой лодыжке. Шаг вниз! Еще три недели без игры. Его тело не просто было маленьким, оно было еще и очень хрупким. К концу этого неудачного периода, спустя четыре месяца после того, как он прибыл в Барселону, Лео сыграл всего в двух официальных играх и в одном товарищеском турнире.

Семья Месси провела лето того короткого и необычного первого сезона в Росарио. Селия отправилась домой еще раньше, чтобы побыть с сестрой Марселей, которой должны были сделать операцию на почках.

В течение тех первых месяцев в Испании кое-что изменилось. Было не ясно, возвратится Лео, которому исполнилось 14 лет, в свой новый клуб или нет. Решит ли он после остаться дома или возвратиться в Барселону вместе со своей семьей.

Ходили слухи, что еще до того, как семья уехала из Росарио, Хорхе поговорил с кузеном своей матери, который жил в Льейде, в 122 км от Барселоны, прося его о поддержке. На самом деле они встретились несколько месяцев спустя, когда Месси уже жили в Испании. Семья отправилась в свое рискованное путешествие без какой-либо поддержки, надеясь только на себя, свои силы и ту взаимопомощь, которую они впятером оказывали друг другу, живя на улице Гран Виа Карлес III.

Все это сблизило семью в те первые месяцы жизни в Барселоне: они вместе проводили все свое свободное время, ели, делили радости и разочарования. Лео хотел открыть для себя море, и они все вместе отправились туда. «Мы пошли на пляж. Я жил в городе, где не было моря, а только река, так что нам было очень интересно пойти на пляж. Было холодно, что сделало нашу прогулку несколько печальной, но, тем не менее, пляж мне понравился», – сказал Месси Кристине Куберо в интервью для *El Mundo Deportivo* в 2005 году.

Хорхе пытался сделать так, чтобы неудачи не нарушали гармонию и единство семьи, но Лео не мог играть в футбол, а это было главной причиной, по которой они оказались в Барселоне. Клуб не платил того, что было обещано, более того, они не торопились оформить все необходимые документы. После сентябрьского испытания уже была заметна определенная небрежность по отношению к Месси, отсутствие должной настойчивости, и теперь, когда все было подписано и скреплено печатями, начали появляться определенные колебания, даже проявления беззаботности. Кроме того, не было ясности в ситуации с занятостью Хорхе, что вынудило его написать письмо президенту клуба, Жоану Гаспару, объясняя, что они чувствуют себя брошенными. «Ситуация в моей семье просто отчаянная: я выполнил все необходимые экономические требования до начала текущего месяца, когда должны были вступить в силу подписанные между нами соглашения, а сегодня я обнаруживаю отсутствие новых платежей без какого-либо уведомления. Нет никого, с кем бы я мог обсудить этот вопрос и получить совет относительно того, какие меры я должен предпринять». Это отчаянное письмо было написано 9 июля 2001 года. Много позже оно было напечатано в *El Grafico*.

Список обид становился все длиннее и весомее. Семья Месси чувствовала себя обманутой. Не столько клубом как учреждением, но теми, кто обещал заботиться о семье, вклю-

чая некоторых представителей игрока. Лео был принципалом Барселонского футбольного клуба, или, точнее, единственным поводом для беспокойства: они хотели, чтобы он учился в школе, тренировался, правильно питался, хотели контролировать его физическое и гормональное развитие. Лео и его отец были единственными членами семьи, имеющими NIE (Numero de Identidad de Extranjero – идентификационный номер, необходимый для неиспанских подданных в Испании). Все остальные члены семьи страдали: Родриго не мог играть в футбол, Мария Соль ходила в государственную школу, где страдала от дискриминации, потому что была иностранкой, а Матиас, который оставил свою подругу в Росарио, чувствовал себя одиноким и брошенным. Благополучие семейной жизни постепенно улетучивалось.

Поскольку первый состав «Барселоны» испытывал неудачи, пытаясь выиграть различные титулы, весь клуб был в плохом настроении, и все – как внутри, так и вне его – считали Лео Месси чем-то вроде непонятого эксперимента. Давайте посмотрим, что из него выйдет, думали они. Лео был просто финансовым вложением, возможно, когда-то сработающим, но совет «Барселоны» не имел должного опыта, проницательности и понимания того, как обращаться с этим живым аргентинцем.

Тем временем Лео ходил в школу Lleo XIII, так же, как и все молодые «сине-гранатовые». Ему там не нравилось, поэтому оценками похвастаться было нельзя. Лео не был ленив, просто его не интересовала учеба, он, как и многие, открывал книгу на заданной странице и держал ее, уставившись на страницу стеклянным невидящим взором до конца урока. Он посещал занятия, но отсутствовал на уроке, подчинялся, но знал, что это досадная необходимость, чтобы стать профессиональным футболистом. Поэтому он делал то, что ему говорили, пусть и неохотно.

Иногда школьный автобус, который подбирал мальчиков в воротах Ла-Масия, уезжал без него. Учеба – да. Отдых – да. И PlayStation в любое время дня. Что-либо иное не слишком его интересовало. Он закончил первый год обучения в старших классах в Росарио, но в Барселоне забросил занятия за два года до возможного перехода в университет. Он все еще выделялся на уроках физкультуры, но вскоре оставил свои детские мечты стать учителем физвоспитания. Селия наверняка хотела бы, чтобы он учился лучше, прилагая больше усилий, на случай, если карьера в футболе не сложится, но невнимание Лео к школьным занятиям – источник многих семейных дискуссий – ему с готовностью прощали. Когда в 2004 году он поднялся по иерархической лестнице клуба, перейдя в возрасте 17 лет в команду «Барселоны В», ему уже некогда было посещать уроки, потому что он проводил очень много времени на тренировках и в спортзале, наращивая мышцы. У него было прекрасное оправдание, чтобы не учиться, уроки перестали быть необходимостью теперь, когда возможность стать профессионалом делалась все реальнее.

Но было еще кое-что, делающее учебу малопривлекательным занятием. В Барселоне он «выделялся»: приехал из-за границы, у него был акцент, иные привычки и обычаи, он был тихим и имел проблемы с ростом. Над ним смеялись. Он не мог преодолеть этого, просто хвастаясь своими футбольными навыками, не мог завоевать безоговорочное признание всех одноклассников, как это произошло в Лас-Эрасе, потому что в каталонской школе были и другие ребята – его товарищи по команде – не менее хорошие игроки.

Лео был вынужден приспособливаться и наращивать «броню». На публике мальчик стал еще более замкнутым, чем был в Аргентине, и производил впечатление не по годам взрослого, серьезного, молчаливого. Он предпочитал слушать, сев в сторонке и глядя по сторонам. Не имея под рукой мяча, окруженный людьми более старшего возраста, он не был похож на нормального мальчика, часто казалось, что он просто отключился. Хорхе говорит, что Лео более ответственный, чем он, а мать добавляет, что у Лео спокойный, но очень сильный характер. Все это верно, но Лео был, прежде всего, мальчишкой, оторванным от своих корней.

В Росарио он жил жизнью здорового ребенка, пусть даже наполненной фантазиями. Он мечтал попасть во взрослую команду и играть в футбол. Войти в первый дивизион «Нью-эллса». Как братья и отец, он хотел стать футболистом. Позже начались тренировки, матчи, включая важную цель, которую ставили перед ним тренеры, одновременно призывая его вести себя ответственно – игра во взрослой команде. Ему постоянно задавали вопрос: «Ты же хочешь стать профессиональным футболистом, верно?» В 12 лет ему пришлось однозначно ответить на этот вопрос, потому что появился шанс уехать из страны. Футбол перестал быть просто игрой.

Внезапно мир жестко поделился на черное и белое. Да или нет? Он хотел стать профессиональным футболистом? Лео делал все необходимое, чтобы добиться этого. Он не возражал уехать за границу. Уже в таком раннем возрасте ему пришлось самому во всем разобраться и понять, что «да» – единственно правильный ответ. Он не мог ошибиться. Это не было давлением, обманом со стороны наставников, но в случае неудачи могли возникнуть пагубные последствия для семьи. Его отец оставил работу, матери пришлось уехать от остальных членов большой семьи, братья оказались вдали от своих друзей. А если ничего не получится – что тогда? Многие дети аналогичного возраста не выдерживали такой степени давления и переставали полноценно развиваться.

В сознании таких молодых ребят прорастает семя, брошенное когда-то, почти всегда неосознанно. В то время, когда Лео играл в «Infantiles», он слышал разговоры, что однажды он будет играть в первом дивизионе. В 11 лет он сказал брату Родриго, что хотел бы завоевать «Золотой мяч». Но сейчас все уже не было невинной мечтой семи- или восьмилетнего мальчика; сегодня Лео не мог допустить даже самую малую вероятность того, что он не достигнет своей цели и что все может кончиться весьма плачевно.

Такое происходит с большинством мальчишек, которые делают шаг от игры для забавы к игре, которой они хотят зарабатывать себе на жизнь. Но особенно с теми, кто сжигает мосты у себя за спиной: для них неудача недопустима. Если бы даже мысль о провале хотя бы на мгновение посетила их (а этого никогда не происходит), то их мир бы рухнул. Лео, как и многие другие 12-, 13-, 14-летние мальчишки с полнейшей уверенностью говорил себе каждый день, что все будет хорошо. Но действительность – особенно при таком уровне ожиданий – редко соответствует мечтам.

Это удивительное мышление не только отвергает возможность неудачи, но также сопровождается подавлением эмоций. Все чувства, кажется, замерзают.

Лео Месси прибыл в Барселону в разгар «пужоллизма» – политической программы, провозглашенной Жорди Пужолем, президентом Каталонии, в 1980 году. Эта программа действует и сегодня, поддерживаемая каталонским средним классом, церковью и интеллигенцией. Эта идеология должна была привести каталонскую нацию в постфранкистский период к социальной сплоченности.

Одной из первых директив программы было указание восстановить национальный ежегодный праздник 11 сентября. Эта дата жгла сердца каталонских националистов – она напоминала им о национальном поражении от войск испанских Бурбонов в 1714 году и унижении каталонского национального самосознания. Этот день был выбран специально, чтобы сыграть на ощущении собственной исключительности и создать образ жертвы, что отражало весьма популярную консервативную националистическую идеологию. Использование и стимулирование чувства дискриминации со стороны центрального правительства, базирующегося в Мадриде (что оправдывалось различными обстоятельствами как прежде, так и сейчас), было главным признаком «пухολлизма» и его политического ответвления – партии «Конвергенция и Союз». Это часто приводило к недопониманию на международном уровне, поскольку многие наблюдатели путают Каталонию с консервативной националисти-

ческой идеологией, утверждающей, что она говорит от ее имени. Пухолизм вполне намеренно извращает и утаивает тот факт, что существует много самых разных способов быть «каталонцем», и все они равно законны.

Тем не менее программа позитивной дискриминации пустила корни, поскольку региональное правительство склонилось перед фантазиями Пужоля и осуществило довольно много радикальных реформ, которые еще сильнее подпитали националистические настроения. Самой далеко идущей реформой было введение каталанского языка в программу всех государственных школ. Это возникло благодаря доктрине, поддержанной педагогом Александром Хили, который проповедовал идею о том, что студенты не должны быть разделены по языковому принципу. При этом он основывался на своем опыте преподавания в Квебеке и США. Его философия отражена в законе о политике в отношении языка (Language Policy Act) от 1983 года.

ФК «Барселона» занял центральное место в реализации политики «пухолизма». Многие считали его каталонской национальной сборной, и это представление использовалось политическими деятелями, чтобы разжечь и распространить националистические чувства, одновременно интегрируя недавно прибывших в Каталонию так, чтобы они обязательно «стали» каталонцами. Националисты использовали «Барселону», и клуб поддался этому давлению. Результатом этого было – и до сих пор остается – извращенное понятие, согласно которому для того, чтобы быть истинным каталонцем, вы должны поддерживать «Барселону».

Весной 2001 года фамилия Месси в клубе вообще не имела веса – в это время семья была просто еще одной группой южноамериканских иммигрантов. Они прибыли из Росарио за четыре месяца до конца учебного года, и сестра Лео, Мария Соль, должна была быстро влиться в систему государственного образования, которая требует, чтобы она выучила абсолютно новый для нее язык. Задержка платежей и негибкость политики «Барселоны» означали, что она не могла попасть в частную школу, где отсутствует языковой барьер.

Это было незадолго до ее шестого дня рождения.

Государственные школы должны привечать и поддерживать новых учеников, но большая часть уроков проходит на каталанском языке. Кастильский испанский язык вводится позднее. То, как приспособится ребенок иммигрантов, зависит от многих факторов: происхождение и социальные условия жизни других учеников, процент других детей иммигрантов (в школе, куда попала Мария Соль, их было мало) и, конечно, готовность ученика учиться и быстро приспособливаться. Возможно, родители просто неудачно выбрали для Марии Соль школу, но в целом в каталонском обществе существует определенный конфликт, который, поощряя национальную гордость, часто приводит к социально-экономической дискриминации тех, кто не говорит на каталанском языке. Люди, называемые «sudaca» (унижающее слово, обозначающее лиц латиноамериканского происхождения – английский эквивалент «spic» или русский аналог «черные»), никогда не почувствуют ту же самую доброжелательность и одобрение, как люди, приехавшие из «белой» Северной Европы. Школы прилагали – и делают это и сейчас – сознательное усилие, чтобы устранить дискриминацию, но на улице, в магазинах – повсюду витал призрачный ксенофобии.

Месси чувствовали себя оторванными от остальных жителей страны, они были «брызгами иного источника», как говорят в Аргентине. Так объяснил Сике Родригес в своей книге о родителях футболистов в Ла-Масия, в которой он привел слова Хорхе Месси: «Это были очень тяжелые перемены. Обычай, особенности, ценности, еда... все отличалось. Нам пришлось начинать буквально на пустом месте. Фактически с нуля. Даже язык отличался. Мы должны были приспособиться к каталанскому языку».

Аргентинцы – гордые люди, почитающие свои корни и стремящиеся сохранить их. Возможно, никто не подумал о том, чтобы кратко преподать им историю Каталонии. Воз-

можно, они поняли и оценили бы ее, начав сочувствовать региону, который, пострадав от дискриминации и подавления, теперь старался самоутвердиться, возрождая и закрепляя свой язык. Аргентинцы не понаслышке знают о притеснениях. Все дело в том, что интеграция в это непонятное им новое общество потребовала намного больше времени, чем ожидалось. В дополнение к эмоциональным сложностям и постоянным финансовым проблемам, невнимательность ФК «Барселона» ко все стремительнее возрастающему числу проблем Месси означала, что семейные ужины на улице Гран Виа Карлес III становились все более и более напряженными.

Ситуация становилась все более и более невыносимой. Мария Соль отпраздновала свой шестой день рождения. Семья приложила невероятные усилия, чтобы сделать этот день совершенно особенным, но было ясно, что ребенок несчастлив, поскольку начал понимать, что окружающий мир враждебен и неумолим. Селия и Хорхе страдали, видя ее плачущей каждый раз, когда ей надо было идти в школу. В поисках утешения Селия пошла на встречу с родителями в школе и спросила, могут ли учителя во время встречи говорить на испанском литературном языке. Ей прямо ответили: «Подождите, пока мы не закончим, тогда мы вам все объясним». Это было последней каплей – или им так показалось. Лео вспоминал об этом периоде в интервью аргентинскому журналу *Para ti* в июле 2005 года: «Мария Соль так и не приспособилась ни к школе, ни к каталанскому языку».

Несколько лет спустя, в 2009 году, «Блоха» дал интервью аргентинской телестанции TVR. Его спросили, как продвигается изучение каталанского языка. Месси признал, что поначалу он испытывал затруднения, но затем достаточно хорошо изучил его в школе. «Теперь мне легко», – сказал он. Интервьюер попросил его сказать «Добрый вечер, я – Лионель Месси» на каталанском языке, и Лионель, чувствуя, что на него смотрят и он вынужден чувствовать себя дискомфортно, сказал: «Хорошая блоха... и». Аудитория долго смеялась над его неспособностью закончить фразу.

Любопытно, что первое публичное политическое заявление, сделанное Лео Месси, было искренней защитой каталанского языка. 6 декабря 2012 он участвовал в шоу со своим спонсором – «Turkish Airlines», компанией, назначившей его одним из своих международных послов. Как часто происходит на подобных мероприятиях, правила и границы соглашались между руководителем пресс-службы Лео и представителем отдела СМИ Барселоны по вопросам печати. Никто не рассчитывал на то, что один из присутствующих журналистов спросит об изменениях, которые министр просвещения, Хосе Игнасио Верт, хотел ввести в Закон об образовании, которые в Каталонии сочли нападкой на родной язык. По этому вопросу ФК «Барселона» выпустила свое коммюнике, доказывая необходимость включения каталанского языка в образовательную систему. «Каталанский язык и обучение ему в школах являются частью нашей самобытности и основным элементом социальной сплоченности наших людей».

Услышав этот вопрос, я посмотрел на главу пресс-службы Лео и представителя «Барселоны». Они посмотрели друг на друга. У них было несколько секунд, чтобы отреагировать, прежде чем Месси ответит. Я увидел, как представитель прессы Лео кивнул. Это было разрешением отвечать, но Лео, эксперт в уклонении от вопросов, не был готов. Он сказал, что, прибыв в Каталонию, рос, учился и развивался на каталанском языке и что у него никогда не было проблем с ним, потому что чем больше языков знает человек, тем лучше для него. Ответ Лео был признан образцовым всеми, кто его окружал.

Однако одиннадцать лет назад сильное ощущение отчуждения от этой новой культуры и изоляция привели к тому, что половина семьи Месси захотела возвратиться в Аргентину и остаться там.

Как уже говорилось, в конце этого трудного сезона Лео с семьей возвратились в Росарио на лето. Когда они встретились в доме в Лас-Эрасе, не было никакой возможности уйти от решения серьезной проблемы: Мария Соль собиралась остаться в Аргентине. Никому не хотелось больше видеть, как она плачет. Лео должен был решить, что он намерен делать дальше.

Хорхе Месси вспоминает в своем интервью для «Информ Робинсон»: «Однажды я спросил Лео, что он намерен делать? Решение оставалось за ним, если сын хотел возвратиться в Аргентину, то тогда семья вернется вместе». Хорхе предложил сыну свою безоговорочную любовь и полную поддержку. Цель была ясна: Лео хотел быть футболистом. Хорхе объяснял, что последствия его решения, независимо от того, какими они будут, рассматриваются не как поражение, а как еще один шаг к финишной черте и счастливому окончанию их пути. Лео наверняка понимал, что нет никаких гарантий того, что он одержит победу. Никаких. Но он оказался на перепутье и всего в 14-летнем возрасте должен был принять решение: или они все вместе возвращаются в Аргентину, или семья распадается.

«Лео посмотрел на меня, – продолжал Хорхе, – а затем сказал, что хочет остаться играть в футбол в Барселоне, чтобы добиться первого дивизиона. Это было решением Лео, именно его решением: никто его ни к чему не принуждал. Именно поэтому я отправился в Барселону с Лео, а Селия осталась в Росарио с остальными детьми».

Семье Месси пришлось разделиться.

Они хотели верить в то, что это будет лишь короткая разлука. Они, должно быть, полагали, что вскоре вновь соберутся все вместе. Когда вы знаете, что все происходящее временно, это добавляет вам душевных сил. Итальянские бабушка и дедушка Хорхе и Селии знали, что покидают свои семьи навсегда, когда уезжали из Европы. Аргентинские семьи, которые эмигрировали в Европу в начале этого столетия, разъезжались, зная, что они делают все возможное, чтобы снова воссоединиться со своими близкими. Семейству Месси тоже было ясно, что они обязательно справятся с этой ситуацией, так или иначе. Нам трудно понять их, потому что такие люди, как Месси, несколько иначе смотрят на жизнь, чем большинство других. Кто готов оторваться от жены (или мужа) и трех детей, чтобы один из потомков смог добиться успеха в спорте, который был для него всем?

Хорхе признался в интервью для «Информ Робинсон», что его жена предпочла бы, чтобы вся семья вернулась домой, потому что в Барселоне детям казалось, будто они пересели на другой корабль, и они хотели домой. Сразу несколько негативных факторов незаметно проявилось в крайне неподходящий момент.

Вы помните об итальянском происхождении семьи, в которой все вращается вокруг мамы (*la mamma*). Лео должен был оторваться от матери, приезжая к ней всего дважды в год и разговаривая по телефону или через Интернет. Хорхе оставался в Барселоне, чтобы позаботиться о Лео. Родриго должен был присоединиться к ним несколько месяцев спустя, но пока с Лео в квартире с четырьмя спальнями на улице Гран Виа Карлес III был только отец.

Лео обожает свою мать, но его отец – тот человек, который говорил окончательное «да» или «нет». Эти отношения для многих остаются непонятными, поскольку сегодня Хорхе продолжает участвовать в жизни сына, управляя его делами. Он – отец, который является менеджером, и менеджер, который является отцом, со всем, что из этого вытекает. Но Лео никогда не забывает, что отец посвятил ему свою жизнь.

Селия, Родриго, Матиас и Мария Соль вернулись, чтобы жить в Росарио. Вернуться в Росарио? Спокойнее было думать, как предпочитал Наполеон перед Ватерлоо, что они не отступили, а просто пошли в другом направлении. Был ли Росарио пунктом назначения или пунктом отправления? Чем бы он ни был, вернувшись в Лас-Эрас, они снова почувствовали себя уверенно.

«У нас обоих были подруги, и мы остались в Аргентине, – вспоминает Матиас в программе «Информ Робинсон». – «При этом мы ощущали... что бросаем Лео одного... В то время он всегда говорил, что семья – самое важное, что у него есть, что мы всегда помогали ему, и это, в принципе, было верно, но в тот момент я особенно ощущал, что бросил его, понимаете? Именно поэтому мне не нравится вспоминать то время...» Последние слова он произнес неуверенно: поставьте себя на место Матиаса: его также оставили без отца и брата, которых он обожал.

Родриго также был искренним: «Мы не смогли адаптироваться. Это была наша общая проблема, но один человек что-то делал, а другие – нет. Поэтому все мы страдали по-разному. К сожалению, в конце концов, мы разъехались, но всегда приезжали к Лео. Два раза в год мы совершали путешествие в Испанию».

Мечта Родриго стать профессиональным футболистом частично угасла вследствие отсутствия возможностей, но главным образом – из-за недостатка стремления к успеху. Он стал поваром. Родриго возвратился в Барселону со своей подругой Флоренсией, чтобы помочь своему отцу и Лео, а также записаться на курсы поваров. В итоге его присутствие в городе обеспечило Лео ощущение увеличившейся семьи. Впоследствии Родриго стал походить на отца, а Лео выглядел одним из его сыновей.

Хорхе Месси признался, что, если бы ему снова пришлось принимать непростое решение и снова пережить события тех лет, он никогда бы не позволил семье разделиться.

Приблизительно в это время Месси собрался перейти в «Реал Мадрид».

Тем же летом 2001 года у «Барселоны» появился новый генеральный директор – Хавьер Перес Фаргуелл. Когда в августе Месси вернулся из Росарио, полный сил и готовый к новому сезону, «Барса» сообщил через комитет по статусу игроков в ФИФА, что документы о передаче Лео все еще не прибыли из «Ньюэллса», а без них его возможности играть серьезно ограничены. Тем временем Фаргуелл просмотрел первый контракт с Лео, составленный несколькими месяцами ранее, и был озадачен, отметив, что ему гарантировали 100 миллионов песет – чрезмерная сумма для мальчика, которого еще нельзя было использовать в полную силу. Это было не его решение, и поэтому он счел целесообразным отменить его.

Был пересмотрен контракт и составлен новый на меньшую сумму: вместо прежних 100 клуб собирался платить 20 миллионов песет в сезон (120 000€). По правде говоря, в «Барселоне» уже сталкивались с проблемой недопустимых расходов, выплачивая огромные гонорары молодым игрокам. Например, Аруне Бабангиде, который дебютировал в основной команде только в 15 лет и четыре года спустя был сдан в аренду клубу второго дивизиона «Терраса», где он был потерян для элитного футбола, а также крайнему нападающему Нано – эти двое получали такой же гонорар, что и игроки команды «Барселона В». Естественно, клуб отказывался дважды наступать на одни и те же грабли. Хорхе Месси объяснили, что существует лимит гонораров для юношей в Академии и они не могут перейти этот предел. Однако на предыдущих переговорах не было никаких упоминаний о пороге зарплаты.

Последовало несколько переговоров, во время которых предпринимались попытки достигнуть соглашения, но им не удалось устранить разрыв между старым контрактом и новым. Клуб предложил собраться всем ответственным за обеспечение Лео и обсудить этот вопрос. В разговоре приняли участие Мингелья, Жоан Лакуэва, Хайме Родригес из Департамента персонала, Хоаким Рифе, сотрудник по связям с игроками Карлес Наваль, управляющий директор Антон Парера, агенты и адвокаты. Неизбежно переговоры зашли в тупик, поскольку обе стороны отказались идти на компромисс. Один из директоров не мог понять, почему Хорхе и Лео не готовы принять предложение клуба и спросили: «Он думает, что он Марадона? Надо ликвидировать контракт, и пусть мальчик отправляется в Аргентину».

Одна эта фраза характеризует отношение некоторых членов клуба к Лео и отлично иллюстрирует очевидное отсутствие заботы и внимания. Команда Месси наблюдала за этим процессом с явным удивлением. Клуб явно не понимал и не мог оценить величину жертвы, которую принесла семья. Стало совершенно ясно, что бессмысленно продолжать и дальше ставить на эту карту все.

Казалось, переговоры рухнули безвозвратно.

На другом конце телефонного провода был Хорхе Вальдано, спортивный директор клуба «Реал Мадрид», который подтвердил, что «белые» готовы платить 20 миллионов песет в сезон, а возможно и больше. Но он не хотел воевать с «Барселоной», они были бы рады, что игрок захотел приехать как независимый человек.

От «Реала» не поступило никакого официального предложения, но это было не нужно – все знали условия. Во время переговоров все слышали тихое бормотание: «Я думаю, что мы перейдем в «Мадрид».

Наконец соглашение было достигнуто, но в процессе переговоров отношения оказались безнадежно испорченными. Хорхе Месси узнал, что некоторые люди, которым он доверял, обманули его – у этого открытия оказались страшные последствия. Писатель Роберто Мартинес говорит в своей книге «Barçargentinos»: «Хорхе Месси, больной и усталый от ожидания сообщений, которые все не приходили, прежде всего попросил разобраться в ситуации, окружающей Лео и его семью, и быстро решить проблемы».

Когда он понял, что ответа все нет, то встретился с новым генеральным директором клуба, чтобы обсудить, стоит ли ему оставаться в Барселоне или лучше возвратиться в Буэнос-Айрес. И тут его ожидал настоящий шок. Перес Фаргуелл сказал ему, что кое-кто из тех, кто организовал поездку Лео из Росарио, запросил у клуба огромные суммы денег, которые те не могли заплатить за 12-летнего мальчика. Отец Лео удивился и объяснил, что все, что его интересовало, – это какая-нибудь работа для него, оплата лечения Лео и возможность жить со своей семьей.

Представители Лео обещали Хорхе, что Лео заработает 100 миллионов песет в год, а у него самого будет работа. Первого так никогда и не случилось, а достижение второго заняло несколько месяцев. Хорхе узнал, что были проблемы с комиссионными, а это привело к лишению доверия, которое никогда не восстановилось. С тех пор отец Лео взял на себя ответственность за все дела своего сына – решение, которое привело к процессуальным действиям по иску одного из ставших лишним посредников. Эти судебные действия тянутся до сих пор и привели уже к двум решениям в пользу семейства Месси.

«Перес Фаргуелл, – продолжает Роберто Мартинес, – согласовал контракт с семьей и легализовал новое соглашение». Хорхе Месси утверждает, что «в действительности сумма в 3900€ в месяц включала его зарплату. Лионель, помимо этой суммы, получал бонусы, в зависимости от того, когда и сколько он играл, а также от победы или поражения». Новый контракт был подписан 5 декабря 2001 года, спустя девять месяцев после первого. Так был совершен беспрецедентный шаг: Лео, все еще не имея международных документов о трансфере, получал заработную плату как игрок команды «Барселона В», а Хорхе получил ссуду на то, чтобы провести некоторые строительные работы в их квартире в Барселоне – изобретательный способ обеспечить компенсацию семье.

Наконец все проблемы вне футбольного поля казались решенными, и звонить Вальдано не было необходимости.

Несколько лет спустя в интервью для *El Grafico* Лео объяснил, что он чувствовал в 14 лет, когда ему пришлось остаться одному с отцом в Барселоне. «Я оплакивал все, что мне пришлось оставить в Аргентине, но в то же самое время у меня была мечта, к которой

я стремился. Я запирался в своей комнате и плакал, потому что не хотел, чтобы мой отец видел меня в слезах».

Молодежь в «Барселоне» следовала той же самой программе, которой там придерживаются и сейчас: автобус забирал их от ворот Ла-Масия и отвозил в школу, где ребята вместе ели, тренировались, после чего некоторые отдыхали в своих комнатах, в то время как большинство отправлялось в сельский дом, стоящий напротив стадиона, – сотни детей жили там до того, как в 2011 году был построен новый. Лео иногда отправлялся пешком из школы домой, чтобы съесть то, что ему приготовил отец, смотрел некоторое время телевизор, играл на своей PlayStation или дремал, после чего шел на тренировку. Обычно один.

Шли годы, и у него постепенно наладились отношения с товарищами по команде. В конце концов, он начал завтракать в Ла-Масии. Там, вместо того чтобы идти в школу, он получал помощь от учителя, который занимался с ним и с другими игроками, которые из-за поездок на матчи или из-за частых тренировок (а главным образом, вследствие отсутствия должного энтузиазма) не посещали регулярно школу Lleo XIII. Тем не менее у него все еще оставалось достаточно свободного времени.

После того как половина его семьи возвратилась в Аргентину, время, когда у Лео не было мяча в ногах, начало тянуться очень медленно. Хорхе делал все возможное для того, чтобы развлечь его. Он играл с сыном в приставку, они гуляли по El Corte Ingles или шли к Les Corts – жилому району, пересеченному длинной Авенида Диагональ. Там не было полей или парков, в которых можно было погонять в футбол, и Хорхе стал его компаньоном по городским прогулкам и приятелем в любых играх, временной заменой друзей, моральной поддержкой и основой жизни Лео в Барселоне. На этапе, когда большинство мальчиков подросткового возраста ищет любое оправдание для бунта против родителей, Лео, «мальчик-мужчина», ребенок с обязанностями и переживаниями взрослого, обрел защиту под крылом своего отца.

Когда происходит нечто подобное, то есть отцу приходится взять на себя обязанности двух родителей, у мальчика может произойти сбой в формировании личности, что тормозит естественный процесс его взросления, – это еще одна из жертв, которую приходится принести многим из тех, кто стремится стать профессиональным футболистом. Когда эти роли смешиваются и путаются, только одно останавливает личностный кризис – сосредоточение на том, почему вы сделали то, что сделали. Это, а также безусловная любовь тех, кто окружает мальчика, и становится тем, что связывает воедино все происходящее и позволяет понять и принять его.

Хорхе, следуя взятой на себя роли отца-одиночки, стремился воспитывать Лео, внушая ему твердые принципы, среди которых не в последнюю очередь – уважение к авторитетам и почтение к корням. И это ему удалось. Проблема любого родителя-одиночки, столкнувшегося с распадом семейной единицы, состоит в том, чтобы избежать излишней защиты своего чада. Тем не менее эта избыточная защита неизбежна, поскольку они пытаются отбиться от обвинений в том, что их ребенок недостаточно хорошо ухожен.

Но когда он говорит своему сыну: «Не забывай, что те, кто просит у тебя автограф, провели несколько часов в ожидании, когда ты появишься», как это бывало в некоторых случаях, кем он выступает в этом случае – менеджером или отцом? В худшем случае, когда отец оказывается неспособен четко разделить эти две роли, может возникнуть ситуация, о которой знают многие спортивные психологи: в то время, когда отец играет роль менеджера, сын чувствует себя сиротой. Тогда он вынужден искать человека, подходящего на роль отца, в другом месте. Специалисты утверждают, что это еще хуже – быть сиротой при живом отце: ребенок может вырасти обиженным на всю жизнь. К тому же в подобной ситуации у отца возникает чувство, что он не живет собственной жизнью, что он – один из числа поклонни-

ков. А в этом случае, говорят эксперты, люди ощущают потребность управлять всем, что происходит рядом с ними.

Но как же футболист справляется с подобной ситуацией? По большому счету, именно он ответственен за потрясения в семье. Все успешные игроки не только знают о принесенных им жертвах, но и чувствуют бесконечную благодарность за все, что сделали их отцы, матери, братья, сестры, потому что без их усилий они не стали бы теми, кем они являются. Более того, такие спортсмены несут в душе огромное чувство вины, потому что понимают, что сломали жизни самых близких им людей. Именно поэтому успешный сын, чтобы компенсировать потери, покупает родителям дом: он становится кормильцем. Кирпичи и раствор служат материальными доказательствами того, что их жизнь изменилась к лучшему.

А что насчет братьев? Здесь также наблюдается двойственное отношение: замечательно – думает большинство – если бы не ты, братец, жизнь не крутилась бы вокруг тебя, и мы жили бы совершенно иначе. Но с другой стороны, возможно, ты никогда не узнаешь, но ты раздавил нашу жизнь, потому что все и всегда сосредотачивалось на тебе. Кто бы хотел быть братом Лионеля Месси или Криштиану Роналду?

Возможно, из-за трудностей контакта с остальной частью семьи Хорхе признал, что не должен был разделять ее членов. Единственным положительным моментом во всей этой грустной истории, о котором он рассказал журналу *Kicker*, было следующее: «Очень удачно, что все происходило в то время, когда изменилась государственная финансовая политика «один к одному» между песо и долларом. Когда моя жена и остальные дети возвратились в Аргентину, а я остался с Лео в Барселоне, мы жили с ним всего на половину моей испанской зарплаты, а другую половину я мог посылать в Аргентину. Это означало, что вскоре после девальвации моя жена и дети могли безбедно существовать. Это действительно было очень здорово».

Вернувшись домой, Матиас научил мать пользоваться веб-камерой, благодаря чему она могла поддерживать контакт с Лео, который болтал с ней каждый день через Интернет и звонил каждые три дня. Селия плакала всякий раз, когда говорила со своим сыном и когда видела его по телевизору.

Клаудио Вивас, бывший помощник Марсело Бьелсы в «Athletic de Bilbao», еще один аргентинец в мире футбола, размышлял: «Вы жертвуете всем. Те, кто знает вас достаточно хорошо, знают, что творится в душе. По правде говоря, с социально-экономической точки зрения все отлично, но с эмоциями – неважно. Я знаю, что чувствуют мать или отец Лео, потому что, с одной стороны, хорошо жить здесь, в Европе, но за это чем-то обязательно приходится жертвовать». Любопытно, что меньше всего душевное состояние футболиста видно на тренировках, где игроки склонны скрывать все проявления слабости. Причина такого поведения, возможно, лучше всего объясняется английским игроком Джои Бартоном в интервью журналу *Football 24/7*: «Каждую субботу, перед тем как выйти на поле, происходит одно и то же. В гостиничном номере или дома, за несколько часов до начала игры, большинство игроков – не все, но многие – чувствуют себя очень уязвимыми. Ведь никто не хочет играть плохо, все хотят преуспевать, а демонстрация своих чувств – признак слабости. Но, многое испытав и пережив, я понял, что это не так. На самом деле нужно быть очень сильным, чтобы сказать: «Знаете что? Я немного нервничаю, и мне тяжело». Как только вы говорите об этом своим товарищам, это чувство почти полностью исчезает. Правда, некоторые люди возражают мне и громко кричат: «Я не возбужден. Меня ничего не беспокоит. Бла-бла-бла». Когда я вижу такую реакцию, я обычно говорю: «ну да, конечно!»

Если вы посмотрите на первые интервью Лео в Испании, на публичного Лео, то увидите взволнованного молодого человека, слишком зрелого для своего возраста. Когда ему было всего 14 лет, каталонская телевизионная станция TV3 посетила квартиру на улице Гран Виа Карлес III, чтобы взять интервью о том, как он приехал в Барселону, о первых шагах в

клубе, и он общался с ними не хуже ветеранов. «Да, – сказал он – все хорошо, мне удобно, я совершенно спокоен». Они спросили его, каков его любимый аргентинский игрок, и он сказал: «Я хотел бы играть с Аймаром (в то время в «Барселоне» был Хавьер Савиола), – и Лео хватило здравого смысла добавить: – но мне также очень нравится Савиола». Лео дал много таких тщательно продуманных интервью. Не было заметно никаких следов стресса, поразившего семью.

Ни игроки, ни тренеры в Ла-Масия не знали, как Лео плакал по ночам в своей спальне. «Казалось, что он вполне хорошо со всем справляется, – вспоминает Алекс Гарсия, один из его тренеров в Академии. – Я думаю, что он ясно понимал, что он делает: «Мне пришлось жить отдельно от матери и братьев, потому что я хочу быть футболистом. Я не знаю, насколько высоко мне удастся подняться и сколько времени я продержусь, но я знаю, что хочу этого». Он знал, что исполнение его желания потребует жертв, что ему придется страдать ради этого. Я спросил его, как он себя чувствует, потому что, в конце концов, ему пришлось жить вдали от своей семьи, и он сказал мне: «Все хорошо, моя мама скоро приезжает вместе с братьями». Никакого проявления слабости на публике.

Но он был еще ребенком, и тщательно скрываемые чувства все же прорывались: после трех часов тренировок, если считать время на дорогу, переодевание, разминку, упражнения и душ после занятий, Лео всегда старался задержаться на поле подольше.

Для молодого футболиста, человека, который еще не стал своим в первом составе, одиночество выглядит следующим образом: шесть вечера в воскресенье – темно, если это зима, через несколько часов после утренней игры – дома. Впереди долгий вечер. Нет никого, с кем можно выйти погулять, некуда пойти, остается только лечь в постель сразу после ужина или телевизор, или – в случае Лео – «доброй ночи» отца... трудно, очень трудно.

Иногда Лео удавалось избежать таких длинных вечеров, отправляясь на обед в один из нескольких аргентинских ресторанов или играя на новом Xbox с товарищем по одной из молодежных команд. Он смотрел родное телевидение, где играла аргентинская лига. Его любимыми фильмами был аргентинский фильм «Сын невесты» (El hijo de la novia) и «Девять королей» (Nueve reinas). Любимый актер Лео – соотечественник Рикардо Дарин. Лео так никогда и не избавился от своего аргентинского акцента и придерживался обычаев своей страны. В конце концов, он воссоздал в Барселоне своего рода Росарио. «Я всегда говорила, что он – самый аргентинский футболист из Аргентины, которого я когда-либо знала», – сказала Кристина Куберо, которая была очень тесно знакома с ним в те времена, когда он делал первые шаги в Испании.

Но в действительности способность отключиться от окружающего вас чужого мира является единственным способом сохранить свою личность. Люди обычно говорят, что интеграция в непривычном новом обществе – лучший путь вперед для любого вновь прибывшего, но при этом вам приходится отринуть себя и все, чем вы дорожите, – а это смерть какой-то части себя. Футболист из Южной Америки чувствует себя обязанным прибыть в Европу, чтобы заработать деньги и завоевать авторитет, но обычно в конце карьеры он возвращается к своим корням. Он хочет, как и все остальные, умереть дома.

Лео не является таким типичным представителем (об этом мы еще поговорим), но он, конечно, самый настоящий аргентинец. Если бы аргентинец захотел описать себя, то, вероятно, он сказал бы следующее: эмоциональный итальянец, говорящий на испанском, думающий как француз и мечтающий стать англичанином (подслушанная тирада в баре Росарио). Лео – просто замкнутый человек, который обожает Аргентину. Его талант в работе с мячом помог отлично адаптироваться (намного легче быть принятым в чужой стране, когда вы талантливы в том, что делаете), но в его борьбе, сознательной или нет, за сохранение собственной личности, он опирался на поддержку своей среды (семья) в Барселоне, кото-

рая, несмотря на поддержку каталанского языка, никогда не заставляла его говорить на нем, а также аргентинского сообщества в Барселоне – группы людей, которая привлекает всех только что прибывших с родины и разделяет гордость Лео за свои обычаи, акцент и еду.

«Блоха» часто ходил в аргентинский ресторан Las Cuartetas в квартале Сантало – первый, который он обнаружил. Место так нравилось Лео, что он ходил туда очень часто и почти всегда уходил последним. В другой раз, гуляя по городу, Месси наткнулся на другой аргентинский ресторан в Hostalrich – пригороде Барселоны. Этот ресторан ему тоже понравился, и он несколько раз забредал и туда. Вопрос: «А не поехать ли нам в Hostalrich?» – означал предложение провести некоторое время в Маленькой Аргентине.

В клубе попросили, чтобы Месси регулярно завтракал в Ла-Масии – для него, как и для других игроков, это было частью эндокринологической программы клуба в отношении питания игроков. В то же самое время врач клуба, Хосеп Боррелль, решил постепенно свести на нет лечение соматотропином, которое проходил Месси. В возрасте 14 лет определенная диета и подходящая программа физической подготовки, по мнению доктора, должны были помочь мальчику достигнуть своего максимального роста без дальнейшего гормонального лечения. «Вы не поверите, как он вырос в Испании», – вспоминал Хорхе Месси в *El Grafico*. Фактически всего за несколько месяцев он вырос на 29 сантиметров. Но он часто подменял диету едой в ресторанах своих аргентинских друзей, которые кормили его гигантским «миланским эскалопом» (Scaloppe Milanese) с картофелем и молочным пудингом на десерт.

После нескольких месяцев, проведенных в Росарио, брат Лео, Родриго, на долгое время вернулся в Барселону вместе с Флоренсией, которая стала его женой, и их маленьким сыном, Агустином, с которым Лео возился часами. В 2005 году он рассказывал Кристине Куберо: «Я всегда провожу время с ними. Пока жена моего брата готовит обед, я играю с мальчиком, а еще всегда укладываю его спать вечером. Прежде я пел ему колыбельные, но брат, невестка и даже ребенок смеялись над этим, поэтому теперь я просто хожу вокруг дома с маленьким Агустином на руках, но не пою, просто хожу. И вскоре он крепко засыпает. Когда-нибудь у меня тоже будут свои дети...» Его брат работал шеф-поваром на Hotel Rally и в El Corte Ingles и был знаком с Ферраном Адриа, легендарным поваром и владельцем El Bulli, хозяином цеха в Барселоне.

Лео опирался и на других людей, которых считал своими защитниками. Одним из таких людей был Пабло Сабалета – капитан команды «Argentinian Under 20», в которой Лео сыграл свои первые международные матчи. Их дружба окрепла, когда крайний защитник играл за «RCD Espanyol» Барселоны. Он охотно взял Лео под свое крыло, вытаскивая из ресторанов, когда тот начал становиться известным. Сабалета давал ему советы и помогал избежать сомнительных компаний.

После подписания в 2005 году нового контракта Месси переехал вместе с отцом в дом в Кастеллдефельсе и стал жить рядом со своим товарищем по клубу Рональдиньо, в то время как Родриго с семьей остался в Барселоне. Хорхе периодически возвращался в Аргентину, так что Сабалета часто составлял Лео компанию в его большом доме, который подавлял его, когда он оставался там в одиночестве. В жару они плавали в бассейне. Когда темнело или было холодно, Лео предлагал: «Приезжай, поиграем в PlayStation». Таким образом, Сабалета, часто в сопровождении других друзей, по четыре часа сидели вместе за игрой. Лео обычно побеждал. Однажды Сабалета приехал в дом у моря и увидел у парадной двери восемь коробок с новыми Xbox, которые прислали ему изготовители. «Возьми одну», – сказал Месси своему другу. Его дом неизменно был заполнен коробками с самыми разными предметами, присланными из разных фирм, и он охотно делился со своими друзьями.

«Приезжай, устроим барбекю», – мог сказать Лео Сабалете. И все, кто бывал в доме Лео, вскоре обнаружили, что он не знал, где находятся тарелки или столовые приборы, но,

тем не менее, время они проводили весело. А если компания не хотела устраивать беспорядок в доме, то проводили день в La Rampla – еще одном местном аргентинском ресторане.

«Мы часто проводили время вместе», – говорит сегодня Сабалета, который составлял компанию Лео в полетах в Аргентину, когда их вызывали в национальную команду – поездках, которые Лео вскоре начал совершать регулярно. Это позволило ему поддерживать связь с собственной страной. «Я постоянно жил в Барселоне, а он – в тридцати километрах от города. Как только мы выходили из бара, он засыпал в машине и спал, пока я ехал. Я предлагал ему отвезти его домой. Прекрасно. Когда же мы добирались туда, то приблизительно через полчаса он говорил, что пойдет в дом своего брата – тот жил рядом со мной. Я был в ярости, и мы возвращались в город». Пабло и аргентинский форвард Мартин Россе, играющий за соперников из «Espanyol», обычно встречались с Месси в «Камп Ноу» и часто все заканчивалось совместным обедом. «Играя с ним, я обычно советовал ему успокоиться, чтобы он не начинал метаться туда-сюда, – вспоминает Сабалета. – Порой он раздражался. Возможно, что-то в игре шло не так, как ему бы хотелось, и он начинал сердиться, как любой из нас».

Лео купил собаку по кличке Фача – боксера, которого он обычно брал на прогулки в окрестностях Каstellдефельса. Другой его друг, Оскар Унари, который сегодня играет за «Алмерию», тоже был очень близок ему в то время. «Если и есть что-то, о чем он никогда не станет говорить, что причиняет ему боль, то это – потеря корней. То же, что произошло и со мной. Я родом из небольшого городка, намного меньшего, чем Росарио, – в нем всего 15 000 жителей. В 13 лет я начал самостоятельную жизнь в Буэнос-Айресе, без отца и матери. Перебрался из городка с 15 000 жителями в бетонные джунгли».

Хавьеру Маскерано, как и многим другим, знакомо это ощущение. «Я слышал, как Лео говорил, что, когда он был моложе, у него бывали периоды, когда он возвращался с тренировки, запирался в своей комнате и говорил: «Я больше этого не выдержу». Это логично, такое бывало и со мной, при том, что я не уезжал настолько далеко от дома. Когда мне было тринадцать или четырнадцать лет, я также уехал из своего дома в Росарио в Буэнос-Айрес, чтобы добиться осуществления своей мечты. На этом трудном пути вы не знаете точно, что произойдет с вами в ближайшем будущем, возможно, вы впустую потратите драгоценное время. Вы думаете: «Я нахожусь здесь, и, возможно, я упускаю шанс реализовать множество интереснейших возможностей. Я не знаю, осуществится ли завтра то, чего я добиваюсь, стоит будущее этих усилий или нет». Сейчас жизнь прекрасна, поскольку все удалось. Вы отправляетесь на поиски своей мечты, и очень важно не бояться пробовать. Это естественно, что порой вам бывает плохо, что тут странного? Жизнь Лео заключается в игре в футбол: выходя на поле, ударяя по мячу, он чувствует себя счастливым. По правде говоря, мотивацией для нас служит наша страсть к этому виду спорта, так что нам следует всячески сопротивляться искушению сдаться».

«Вы отчаиваетесь и плачете, – говорит Педро, крайний нападающий Барселоны, который в 16 лет уехал с Канарских островов, чтобы попасть в Ла-Масию. – Это трудно, потому что у вас нет близкого человека, с которым вы можете поделиться своими проблемами. Да, вас окружают люди, много людей, которые работают в клубе, товарищи по команде, которые могут помочь вам, но в такие моменты вам необходим кто-то близкий – семья, родители. И когда вы можете общаться с ними только по телефону, вам трудно поделиться своими переживаниями, общение становится намного холоднее. К тому же у вас не ладятся отношения с другими мальчиками вашего возраста, которые не интересуются футболом, потому что вам неинтересно то, что интересно им. В нашей жизни все происходит очень быстро. У футболистов с самого раннего возраста есть невесты, у них быстро рождаются дети, они раньше созревают и живут необычайно интенсивной жизнью».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.